

ИВАН АКСАКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ИВАН АКСАКОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1960

ИВАН АКСАКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Общая редакция А. Г. Дементьева

Вступительная статья
А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского

Подготовка текста и примечания
Е. С. Калмановского

ПОЭЗИЯ ИВАНА АКСАКОВА

1

В своей книге «Детство» М. Горький рассказывает, как мать учила его «гражданской» грамоте по сборнику «Родное слово». Одним из первых стихотворений, которое он там прочел, было:

Прямая дорога, большая дорога!..

Стихи запомнились М. Горькому. Да и не мудрено: в свое время они были широко известны и стали хрестоматийными.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога.
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работа́л:
Прорезывал горы, мосты настилал;
Всё дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!

Но уже давно эти стихи оторвались от своего автора-поэта и пошли бродить по свету безымянными. Может показаться, что они принадлежат кому-нибудь из поэтов некрасовской школы. Между тем написаны они еще в 40-х годах прошлого века, и автор их — славянофил Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886).

Младший сын известного писателя С. Т. Аксакова, он начал писать стихи очень рано. Большинство его ранних произведений до нас не дошло. Наиболее значительна среди сохранившихся юношеских произведений Аксакова «мистерия в трех периодах» «Жизнь чиновника». Правда, в художественном отношении она лишена цельности и полна литературных и театральных реминисценций. Но как исторический факт «мистерия» весьма интересна. В ней множество конкретных и ядовитых замет о нравах российского чиновничества, о бюрократических основах государственной системы. Николаевская цензура не могла, разумеется, пропустить «Жизнь чиновника» в печать, но она широко распространялась в списках. Впервые «мистерия» была опубликована без имени автора в изданном Вольной русской типографией А. И. Герцена в Лондоне сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861).

Пора расцвета поэтического творчества Ивана Аксакова — 1844—1853 годы. В последующие годы жизни им было написано по разному поводу немногим более десяти стихотворений. Его поэзия осталась явлением 40-х годов, и притом достаточно характерным явлением.

Забвение поэтического наследия Ивана Аксакова — историческая несправедливость. В свое время он не мог и думать о печатании наиболее значительных своих стихотворений. Позднее Аксаков опубликовал некоторые из них в редактируемых им газетах и журналах, но воедино все написанное не собрал и издавать не пытался. Опубликованные же после смерти Аксакова, в 80-х годах прошлого столетия, собрания его стихов не полны и далеко не всегда точны. С тех пор его произведения не переиздавались.

Наши литературоведы обычно обходят молчанием творчество Ивана Аксакова или, в лучшем случае, заменяют исследование простым упоминанием его имени в числе «поэтов-славянофилов». Даже в академической «Истории русской литературы» Иван Аксаков объединен Б. Я. Бухштабом вместе с К. С. Аксаковым и А. С. Хомяковым,[1] хотя (и это очевидно уже из написанного самим Б. Я. Бухштабом) в поэтическом творчестве трех поэтов-славянофилов не так много общего.

Хомяков — поэт поколения «любомудров». Суть его стихов — в непосредственном выражении и пропаганде исторических, политических, религиозных, философских концепций. Его поэзия, по выражению И. В. Сергиевского, — это «стихотворная публицистика

---

[1] «История русской литературы», т. 7. М.—Л., 1955, стр. 683—686.

Хомякова-славянофила», довольно часто «не более чем переложенные на стихи отрывки его публицистической прозы».[1] Для Хомякова стихи — только один из способов распространения его теории.

В произведениях Константина Аксакова тоже, по сути дела, нет «поэзии жизни». Он представляет собой классически чистый и законченный образец поэта-славянофила. Любое чувство, отношение, мечта Константина Аксакова преломляются через славянофильскую доктрину, неистовым сторонником которой он, как известно, был. Даже предаваясь поэтическим раздумьям о любви, он превращает их в агитационный призыв к ношению русского платья:

Я не знаю, найду или нет
Я подругу в житейской тревоге,
Совершу ли священный обет
И пойду ли вдвоем по дороге.
Но подруга является мне
Не в немецком нарядном уборе...
Предстоит она в полной красе,
Обретенная сердцем заране,
С яркой лентою в темной косе,
В величавом родном сарафане...

(«Идеал»)[2]

Таким образом, его стихи тоже иллюстративны и умозрительны, хотя и далеки по стилю от поэзии Хомякова, поэтическими корнями крепко связанного с «любомудрами».

Стихи И. Аксакова не похожи на поэзию Хомякова и Константина Аксакова.

В 1844—1853 годах, когда поэтическое творчество Ивана Аксакова было наиболее значительным, он довольно критически относился к некоторым догмам славянофильского учения. Выросший и постоянно живший в среде, где это учение формировалось и неустанно утверждалось, Иван Аксаков выражает в своем творчестве определенные славянофильские мотивы (особенно явные, например, в «Зимней дороге», стихотворении «Русскому поэту» и др.). Они должны быть, естественно, отмечены. Но вместе с тем Иван Аксаков болезненно переживал тогда бессилие и бесплодность славянофильства и мучительно сомневался в жизненности воззрений своего брата и его единомышленников. На этой почве и вырастает его поэзия. Ее основным предметом являются не

[1] Статья о Хомякове в сб. «Д. Веневитинов. С. Шевырев, А. Хомяков». „Библиотека поэта", Л., 1937, стр. 209.
[2] К. С. Аксаков. Сочинения, т. 1. Пг., 1915, стр. 62.

славянофильские догмы, а скорее — противоречия и тупики славянофильства; она выражает не столько программу славянофилов, сколько сомнения и раздумья самого молодого и еще окончательно не сложившегося представителя их течения.

Впрочем, сомнения и колебания Ивана Аксакова нашли отражение не только в его поэзии. Известный славянофил А. И. Кошелев в своих «Записках» прямо говорит о «чистом и яром западничестве» Ивана Аксакова в 40-х — начале 50-х годов.[1] Еще в 1856 году И. Аксаков писал, что славянофильское направление «не может возбуждать сочувствие молодежи. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников...».[2] Но Кошелев неправ: дело здесь не в западничестве. Письма Аксакова указанных лет проникнуты в значительной мере и национализмом, и религиозными идеями, и славянофильскими суждениями о народе, близкими к взглядам брата Константина. Однако существенно стремление И. Аксакова понять жизнь, понять подлинную суть российской действительности идя от фактов, от реальности, не прячась за опровергаемые жизнью теории. Именно поэтому Аксаков писал об ортодоксальнейшем славянофиле Константине родным (в том числе и самому брату):

«Я не могу, подобно Константину, утешаться такими фразами: «главное — принцип, остальное — случайность», или «что русский народ ищет царствия божия!..» и т. д. Равнодушие к пользам общим, лень, апатия и предпочтение собственных выгод — признаются за искание царства божия! — Что касается до принципа, то признаюсь, это выражение Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: друг мой, ты будешь сыт на том свете, а теперь голодай — это случайность; намажь хлеб принципом вместо масла, посыпай принципом — и вкусно: нужды нет, что сотни тысяч умрут, другие сотни уйдут, — это случайность. Легкое утешение. Если бы я так верил в принцип и в *жизненность* этого принципа в русском народе, то, право, и горевать бы не стал...»

И дальше добавлял: «...Я бы желал, чтобы Константин лицом к лицу встретился с действительностью. До сих пор это не совсем удавалось; к тому же я теряю надежду, чтобы когда-либо он был способен ее увидеть...»[3]

---

[1] А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 75.
[2] «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 3. М., 1892, стр. 291.
[3] «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 2, М., 1888, стр. 300, 303.

Честность перед самим собой и окружающими, стремление познать жизнь отличали Ивана Аксакова. Поэтому Белинский, не щадивший славянофилов, дважды отозвался об Аксакове с явной симпатией. Побывав проездом в Калуге, где служил Аксаков, он писал: «В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом».[1] А спустя полтора года, в письме Анненкову, Белинский, говоря о моральных качествах славянофилов, замечает об Иване Аксакове: «Не знаю, до какой степени он славянофил, но не сомневаюсь в его личном благородстве».[2]

Поэзия Ивана Аксакова — живая исповедь современника, ищущего, сомневающегося, исполненного раздумий. Это поэзия жизни, своеобразно понятой и отраженной.

2

«Нет, какой я поэт! Во мне слишком много гражданина, который вытесняет поэта», — так писал о себе Иван Аксаков.[3] Его стихи — это поэзия гражданская, далекая от излюбленных мотивов «чистой поэзии».

В покое, в сладостном забвенье
Ужели станешь ты дремать,
Когда на славное служенье
Мы собираемся восстать? —

спрашивал поэт в стихотворении «Голос века» своего современника, пожелавшего отрешиться от мира и уйти в сферу, где царствуют «искусство и любовь». Предназначение поэта в глазах Аксакова — высокое, общественное предназначение. В ответ на дружеское послание Н. М. Языкова поэт восклицал:

Пускай же юности моей
Не возмущают девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!
Но всюду нам среди пиров

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1956, стр. 296—297.
[2] Там же, стр. 457.
[3] «Русский архив», 1895, т. 3, стр. 449.

И всяких суетных занятий
Да будут слышны вопли братий,
И стон молитв, и гром проклятий,
И звуки страшные оков!..

При всей резкости и решительности тона конкретный политический смысл стихов Аксакова чаще всего неопределенен и расплывчат. И все-таки лучшие стихи Аксакова привлекали к себе внимание и сочувствие Гоголя, Тургенева, Некрасова, Чернышевского и других выдающихся современников.

В 1856 году Некрасов писал Тургеневу: «Если будешь писать к Ивану Аксакову, спроси его, не хочет ли он дозволить мне перепечатать из разных «Московских сборников» его стихотворения».[1] В «Заметках о журналах» за апрель 1856 года Некрасов перепечатывает два стихотворения Аксакова из «Русской беседы» («Усталых сил я долго не жалел...» и «Добро б мечты, добро бы страсти...»), называя их «превосходными», и добавляет: «Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса».[2] Через несколько месяцев и Чернышевский рекомендует эти стихи И. Аксакова тем, «кто хочет узнать «Русскую беседу» с самой выгодной стороны».[3]

Иван Аксаков писал стихи в ту эпоху, когда николаевское самодержавие, упоенное своим мнимым величием, господствовало во всех сферах жизни, упорно отклоняло решение важнейшего для страны вопроса об отмене крепостной зависимости крестьян, давило и угнетало всякую живую мысль.

«Мы все возрастали, формировались и преуспевали под давлением внушительного страха как начала всякой премудрости, под бдительной ферулой и с вразумительной указкой в руках. Нам говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнее; не верь всякой правде, чтобы не нажить беды, потому что и сама правда бывает двоякая: злая — от наущения дьявольского и добрая, которой поучайся от тех, кому подобает ее ведать; иной раз и ложь не перечит правде, даже ее заменяет, когда, как говорится, бывает она во спасение».[4]

Реакция и деспотизм зашли в 40-е годы так далеко, что даже

---

[1] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 10. М., 1952, стр. 278.

[2] Там же, т. 9. М., 1950, стр. 406—408.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1948, стр. 692.

[4] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, стр. 313.

славянофилы — убежденные сторонники монархического строя и дворянских привилегий — довольно резко критиковали режим Николая I, считая, что правящие круги петербургской аристократии и бюрократии плохо заботятся о национальных интересах России. Со своей стороны, и правительство Николая I относилось к славянофилам с недоверием, преследовало их, запрещало их издания.

Особенно тяжелым стало положение в России после 1848 года, в период так называемого «мрачного семилетия», когда царское правительство, озлобленное и напуганное революционными выступлениями на Западе, еще туже зажало русскую мысль в полицейском кулаке. Еще более губительным и беспросветным стал неимоверный гнет самодержавия, исходившего из самодовольной уверенности в своей безграничной силе.

Чудовищная расправа над петрашевцами, арест Н. П. Огарева и Н. М. Сатина, высылка И. С. Тургенева, политический надзор над А. Н. Островским, цензурный террор — это далеко не полный перечень репрессий, обрушившихся тогда на русское общество. Разгул правительственной реакции коснулся и славянофилов. В 1849 году подвергся заключению в Петропавловскую крепость и высылке в Симбирскую губернию Ю. Ф. Самарин. В его «Остзейских письмах» правительство усмотрело недозволенную мысль о том, что начиная с Петра I русское самодержавие действует только по внушению и под влиянием немцев. Тогда же был арестован и допрошен Иван Аксаков, в частных письмах которого, прочитанных полицией, были найдены опасные рассуждения о разрыве петербургской аристократии с народом. В 1852 году был запрещен второй выпуск «Московского сборника». Его редактор Иван Аксаков был лишен права редактировать какие-либо издания, а главные участники — Иван и Константин Аксаковы, Хомяков, Иван Киреевский — были отданы под полицейский надзор и получили распоряжение впредь проводить все свои произведения через Главное управление по делам цензуры (что равнялось запрещению писать). Еще раньше была признана «предосудительной» поэма И. Аксакова «Бродяга», и в связи с этим ее автору пришлось покинуть государственную службу. Если ко всему этому присоединить последовавшее еще в 1849 году официальное запрещение славянофилам носить бороду и национальную одежду, то их опальное положение в это время станет ясным до конца.

Николаевский режим и реакция 40-х годов неоднократно заставляли И. Аксакова — при всем консерватизме его социально-философских позиций — выступать со стихами, проникнутыми чувством самого горячего негодования и протеста. Репрессии, обру-

шившиеся на русское общество (и на славянофилов в том числе) после 1848 года, только усилили, обострили, довели до предела свойственные поэзии Аксакова обличительные ноты.

Поэт выступает страстным обвинителем порядка, при котором

Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь,

(«Пусть гибнет всё...»)

и обличителем

Среды бездушной, где закон —
Орудье лжи, где воздух смраден
И весь неправдой напоен.

(«Моим друзьям»)

Резкая критика и пафос отрицания постоянно звучат в стихах Аксакова, достигая иногда очень большой силы:

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне:
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

(«Клеймо домашнего позора...»)

В своей ненависти к светскому Петербургу, к петербургской аристократии и бюрократии И. Аксаков доходит до весьма решительных призывов:

А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян, —
Пора упасть твоим веригам!
Пусть, духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права!

(«С преступной гордостью обидных...»)

Эти строки публикуются впервые. В дореволюционной России они ходили только в списках. Конечно, сам И. Аксаков был достаточно далек от революционных призывов к свержению самодержа-

вия и коренному преобразованию всего общественного строя России, но объективно такие стихи вели к самым широким и далеко идущим выводам.

Смысл жизни людей своего времени Аксаков видел в бескорыстном и самоотверженном служении обществу. Самое позорное — лень, бездеятельность, равнодушие к народным бедам:

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя встают задачи,
Вокруг тебя мольбы, и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Тебя огнем палящей жажды
Добра и подвигов не жгло?

(«Зачем душа твоя смирна?..»)

Лучше «бури и ненастья», «мучительные дни», но только не «преступное бесстрастье», не «покой» («А. О. Смирновой»). Постоянно в стихах Аксакова возникает тема действия, борьбы, подвига.

После репрессий 1848—1849 годов он настойчиво требует:

Нет! словом злым и делом черным
До дна души потрясены,
Мы все врагов клеймом позорным
Клеймить без устали должны!
Но если в ком души не станет,
Кто совесть выгодой обманет
И ниц пред Силою падет, —
Тот жди грозы! Тот год от году
Грешнее богу и народу,
И месть обоих призовет!..

(«N.N., ответ на письмо»)

Отсюда один из основных мотивов поэзии И. Аксакова — обличение бездеятельности, праздности рефлектирующей барской интеллигенции, оторванной от народа и способной сочувствовать ему лишь на словах:

Так часто громкими речами
Клянем мы иго светских уз;
Но между словом и делами
Так наш неискренен союз!

(«26-е сентября»)

Лирический герой многих стихотворений Аксакова — это своеобразная разновидность так называемого «лишнего человека»:

Мы все страдаем и тоскуем,
С утра до вечера толкуем
И ждем счастливейшей поры.
Мы негодуем, мы пророчим,
Мы суетимся, мы хлопочем...
Куда ни взглянешь — все добры!

Обман и ложь! Работы черной
Нам ненавистен труд упорный;
Не жжет нас пламя наших дум,
Не разрушительны страданья!..
Умом ослаблены мечтанья,
Мечтаньем обессилен ум!

(«Мы все страдаем и тоскуем...»)

Подхватывая известные мотивы «Думы» Лермонтова («Печально я гляжу на наше поколенье...»), перекликаясь с некоторыми настроениями, нашедшими отражение в поэзии Огарева и Плещеева, И. Аксаков очень скептически характеризует дворянскую интеллигенцию своего времени, своей среды:

Добро б мечты, добро бы страсти,
С мятежной прелестью своей,
Держали нас в могучей власти,
Сбивали нас с прямых путей!
Нет! счастьем мелкого объема
Довольны мы, без бурь и грома
И мирно путь проходим свой,
И, тратя жизнь разумной мерой,
С туманным днем, с погодой серой
В согласный лад живем душой...

А впрочем, мы, дворянской ленью
Врачуя совести недуг,

Святому истины служенью
Свой барский жертвуем досуг!
Мы любим к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу
Иль в поздней ужина поре,
В роскошно убранной палате,
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре!

(«Добро б мечты, добро бы страсти...»)

Конечно, между поэзией И. Аксакова и поэзией таких его современников, как Огарев и Плещеев, есть существенное, принципиальное различие. Поэзия Огарева и Плещеева, обличая и преодолевая пороки и слабости дворянской интеллигенции, в конечном счете, знаменовала движение русской общественной мысли к народу и революционной борьбе за его освобождение. В литературе Огарев и Плещеев от Лермонтова шли к Некрасову.[1] Другое дело И. Аксаков. Его поэзия тоже развивалась в этом направлении, но шла окольными и во многом путаными тропами, чтобы где-то на полдороге заблудиться и зайти в тупик. И если Огарев и Плещеев видели и указывали выход для дворянской интеллигенции (революционная борьба, переход на сторону народа), то Аксаков такого выхода не видел, порвать со своим классом не мог и пути к народу не нашел. В его поэзии, естественно, получили исключительное развитие мотивы бессилия, душевного разлада, отчаяния и тоски. Негодование против николаевского режима, призывы к действию и борьбе повисали в воздухе. Ничего иного и не могло произойти с поэтом, связавшим свою судьбу с славянофильством.

Поэзия И. Аксакова — это безысходные раздумья, неразрешимые противоречия между верой и тягостным безверием, между идеалом и прозой жизни, это постоянные сомнения в своем призвании, сплошной диссонанс, безнадежно запутанный клубок противоположных настроений и переживаний:

Вступаю ль в спор, бросаюсь в битву —
Тревожусь тщетною борьбой,
Творю несвязную молитву —
Но веры нет в молитве той.

(«26-е сентября»)

---

[1] В. В. Жданов. Поэты кружка петрашевцев. — «Поэты-петрашевцы». «Библиотека поэта», Л., 1957, стр. 46.

«Опять тоска, опять раздор» называется одно из лучших стихотворений Аксакова. Так могли бы называться и многие другие его стихи.

Опять тоска! опять раздор!
Знакомых дум знакомый спор!
Давно ли я мечту спровадил,
На мирный строй себя наладил
И сам поверить был готов,
Что жизнь права, что я доволен...
И вот опять я болен, болен
И для тоски не знаю слов!

Иногда скорбь и тоска приобретают у Аксакова особенно сгущенный, тяжелый характер. В таком настроении было написано известное стихотворение «Пусть гибнет всё...» — настоящий вопль отчаяния и разочарования, крик душевной боли:

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!

Философским обобщением настроений безверия и скептицизма является большое стихотворение «После 1848 года», которому Аксаков придавал большое значение и которое вызвало недоумения и опасения в кругу семьи и друзей. Здесь он пытается подвести некие итоги событиям 1848 года. Итоги получились безрадостные. На Западе попытки народа завоевать свободу и счастье окончились полным крахом: «дряхлый мир не обновился вновь, и вера в нем последняя разбилась». С точки зрения славянофильской догмы (а ее в данном случае разделяет и И. Аксаков), это естественно, так как Запад «счастья ждал от мудрости земной», то есть от социалистических учений. Но дальше И. Аксаков отказывается следовать за славянофильской ортодоксией, противопоставлявшей безбожному Западу религиозную Россию и уверявшей, что счастье, благо и свобода будут достигнуты на путях православия. Аксаков сомневается в плодотворности и религиозного учения (не думая,

разумеется, отказаться от веры в бога), ибо оно сулит счастье только за гробом и утверждает, «что мертвым лишь блаженство суждено». На земле же религиозная мораль исповедует аскетизм, отречение, уход в пустыню или в пещеру. На земле счастье для людей, для страдающего человека невозможно. Так снова поэт погружается в бездну сомнений:

В пещере ль жизнь? в пустыне ль примиренье?
Вопросы те ужель не решены?
Стремление, мученье и сомненье
От века нам, как видно, суждены!..

Приходится взывать к «неведомой нам» истине:

Блесни лучом, откликнись мне ответом,
На твой алтарь всего себя отдам!

Перед собой устал я лицемерить!
Для дел твоих мне силы сбереги...
О, если есть, чему я должен верить,
Ты моему безверью помоги!..

Изверившемуся, усталому, отчаявшемуся лирическому герою поэзии И. Аксакова остается одно: «невзрачный путь» повседневного труда при существующих условиях, мелких дел, честного исполнения государственной службы. В молодости он был полон более смелых мечтаний и даже слышал «далекий гром», зовущий на «жаркий бой», но все будто бы оказалось обманом:

И понял я, что спит желанный гром,
Что, вместо битв, нередко с бранным духом
За комаром бежим мы с топором,
За мухою гоняемся с обухом!

И понял я, что подвигов живых,
Блестящих жертв, борьбы великодушной
Пора прошла, — и нам, в замену их,
Борьбы глухой достался подвиг скучный!..

Есть путь иной, где вера нелегка:
Сгорает в нем порыва скорый пламень;
Есть долгий труд, есть подвиг червяка:
Он точит дуб... Долбит и капля камень.

...Но слышно мне порой, в тиши работ,
Что бурных сил не укротило время...
Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..

(«Усталых сил я долго не жалел...»)

Таков итог исканий лирического героя поэзии И. Аксакова, таково его «последнее слово». Как видно, протест против действительности заканчивается на деле примирением с ней, призывы к борьбе и подвигу обернулись разочарованием и утверждением «подвига червяка», обличение праздности и бездеятельности дворянской интеллигенции не пошло далее апологии мелких дел и терпения. Так поэзия Аксакова подошла к самоотрицанию, потому что невозможно поэтизировать и воспевать «подвиг скучный»; так поэт «подготовился» к полному приятию славянофильских догм и убеждений. Началась для него пора журналистской и публицистической деятельности на основе славянофильских взглядов, а с музой пришлось проститься. Она была своенравной и не хотела укладываться на прокрустово ложе мертворожденных теорий.

Лирика Аксакова — это поэзия возвышенная, высокого строя мыслей, чувств и слов. Характерно преобладание у Аксакова не элегической и не медитативной интонации, а декламационной, часто даже ораторской. В то же время в лирике Аксакова нет цельности, монолитности гражданской лирики предшественников. У Аксакова стихи гораздо более субъективны, в них нет логической четкости и строгой последовательности развития темы. Движение мысли идет осложненно, противоречиво; душевный процесс объединяет вместе очень различные состояния. Заключительные строки стихотворений Аксакова почти никогда не служат итогом, выводом из всего сказанного, а вносят лишь соответствующий штрих в образ душевных волнений и порывов.

С одной стороны, можно утверждать, что поэт воссоздает живой процесс мысли, конкретную психическую реальность. С другой, этот процесс — при всей его жизненности и субъективности — почти всегда предстает в очищенном, общем виде («26 сентября», «В тихой комнате моей...», «Странным чувством объята душа...» и др.).

Когда Я. П. Полонский в стихотворном послании Аксакову отождествил в своем адресате поэта и человека, Аксаков отвечал ему дружеской, но резкой отповедью:

Я знаю — в час тоски тревожной
Мой жесткий стих тебя смутил

И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбил.
Ты мир души не видишь тайный,
Ты за вседневный принял строй
Восторга миг необычайный,
Порыв поэзии живой.

(«Ответ»)

Поэзия для Аксакова — «громкие звуки песнопенья», по возможности далекие от ежедневных, обиходных «страстей и мелкой суеты».

В литературе отмечалось, что в некрасовской лирике «нет разрыва между автором-поэтом и автором-человеком, живущим в обществе».[1] Об Аксакове этого не скажешь. Он избегает проникновения в стихи житейских черт самого автора, а также непосредственных откликов на некоторые события его биографии: любовь, путешествия по России, встречи, разлуки. В его стихах очевиден разрыв между высоким поэтическим служением и сферой быта Ивана Аксакова, человека определенного круга и чиновника. Правда, этот разрыв то и дело нарушается вторжением душевного беспокойства поэта, но тем не менее в целом стихи Аксакова сохраняют определенную приподнятость и отрешенность от быта. Не случайно поэтическое «я» часто переходит у него в «мы». Такие черты аксаковской поэзии ведут к преобладанию интеллектуальной лексики, как бы освобожденной от обиходной, житейской окраски.

В данном случае речь шла о принципиальных особенностях аксаковского стиля, а не о прямых недостатках в его творчестве, которых, без сомнения, немало. Это и негибкость, неточность, невыразительность отдельных строк и стихотворений, многословие, известная умозрительность.

Точности ради надо отметить, что среди стихотворений Аксакова 1845—1847 годов попадаются как исключения пейзажные зарисовки, сюжетные новеллы, в общем, образцы той конкретно-бытовой, «объективной» поэзии («Очерк», «Дождь», «Capriccio»), которая в целом не характерна для Аксакова. Но для того чтобы по-настоящему узнать Аксакова как бытописателя и пейзажиста, есть материал гораздо более полный и выразительный.

---

[1] А. Максимович. Н. Некрасов. — В кн.: Н. Некрасов. Стихотворения, т. I. «Библиотека поэта», Л., 1938, стр. IX.

3

Если в своих стихотворениях Аксаков создал неприкрашенную картину душевных исканий, порывов и мук людей его поколения и, в основном, его среды, то в поэме «Бродяга» (сам автор назвал ее «очерком в стихах») он стремился раскрыть основы жизни, которые виделись ему в крестьянстве.

Впервые в крупном поэтическом жанре (да и вообще в своем творчестве) Аксаков обратился к народному быту в «Зимней дороге» (1845). Это произведение (его трудно назвать «поэмой», учитывая, как своеобразно оно построено) имеет подзаголовок «Licentia poëtica» («Поэтическая вольность»). В нем нет единства, оно, действительно, совершенно «вольно» объединяет отдельные воспоминания автора, отголоски событий, отзвуки дум и мнений, приписывает различным персонажам его гражданские монологи и лирические признания. Внешне «Зимнюю дорогу» скрепляют споры западника Ящерина и славянофила Архипова. Ящерин — особенно искусственно составленный характер. С одной стороны, в его речах обнаруживаются незаурядная смелость, далеко идущая последовательность мыслей, в том числе и таких, которые не могли быть пропущены цензурой при печатании «Зимней дороги». Ящерин для Аксакова, таким образом, своего рода «идеолог» определенного, чуждого поэту направления. Но, с другой стороны, по своему поведению и иным речам это банальнейший «светский человек», боящийся опоздать на именины или пропустить какое-либо другое развлечение, полный глупейшей барской спеси и почти карикатурно бестактный с крестьянами.

«Зимняя дорога» — самое славянофильское и одно из самых слабых произведений Аксакова-поэта. Однако необходимо особо отметить, кроме отдельных интересных мыслей и метких строк, реальную картину крестьянской бедности на последних его страницах. «Зимняя дорога» заканчивается женским воплем в избе, где остановились проезжающие Архипов и Ящерин: только что вернувшийся сын хозяина привез известие о том, что на ближайшее время назначен очередной рекрутский набор.

Картины бедности и горя многозначительно перебиваются финалом: проезжающие садятся в повозку и лакей кричит ямщику: «Ну, валяй скорее, господа не скупые, едут на праздник, будет тебе и водка!» Но в «Зимней дороге» всего лишь собраны эмпирические наблюдения над крестьянским бытом и не сделана хотя бы слабая попытка подойти к обобщающему взгляду на народную жизнь. Да и не мудрено. Когда писалась «Зимняя дорога», Акса-

ков еще далеко не полно и не очень ясно представлял себе эту жизнь.

Тогда же, когда запас его собственных впечатлений значительно обогатился, он принялся за выполнение необычного для второй половины 40-х годов по своей смелости замысла: написать поэму, широко, многосторонне отражающую крестьянское житье. «Очерк в стихах» «Бродяга» создавался в 1846—1850 годах. Он не был закончен поэтом. Есть основания считать, что некоторые завершенные части до нас не дошли или, во всяком случае, до сих пор нигде не обнаружены.

Слово «бродяга» в названии аксаковской поэмы лишено той несколько пренебрежительной стилистической окраски, которая часто ему свойственна в современном языковом обиходе. В данном случае «бродяга» — тот, «кто произвольно, без права и письменного вида покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь на чужбине» (В. И. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»). Короче говоря, у Аксакова это беглый крестьянин. Побеги крестьян в крепостной России были широко распространенным явлением. Аксаков по роду своей службы отлично знал причины и обстоятельства побегов. В его поэме не только главный герой Алешка, но и другие крестьяне — беглецы. Причем побеги нигде не беспричинны (наименее определенна причина как раз у самого Алексея). Всякий раз им дается конкретная мотивировка: нищета, невозможность прокормить семью трудом на земле, притеснения со стороны власть имущих.

В марте 1849 года поэмой заинтересовались николаевские жандармы. Арестованному III Отделением по другому поводу Аксакову в числе вопросов был задан и такой: «Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» Аксаков отвечал: «Отчего выбрал я бродягу предметом поэмы? Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что бродяга, гуляя по всей России как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне, как служившему столько лет по уголовной части, хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству русского царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд, — вот герой моей поэмы». [1]

---

[1] «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 2. М., 1888, стр. 162—163.

Наряду с тактическими моментами (Аксаков, например, упорно обходит в своем ответе то обстоятельство, что крестьянские побеги противозаконны, не обсуждает их причин) здесь, бесспорно, есть сведения, заслуживающие доверия. В частности, выбор бродяги главным героем поэмы, действительно, давал простор свободно строить сюжет, создавать «очерк в стихах», включающий разнообразные стороны народного быта и родной природы. Интересно, что в основу сюжета «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов также положил скитания по свету героев поэмы.

В «Бродяге» крестьянская жизнь показана в бытовой конкретности, в богатстве и точности реальных картин. Аксаков создает произведение подлинно эпического размаха. Совершенно очевидно, что поэт испытал на себе воздействие «натуральной школы» в литературе и того «дельного направления» в поэзии, которое с такой силой и страстью утверждал В. Г. Белинский. Реализм, высокая гражданственность, социальная содержательность — основные общие тенденции литературного процесса — коснулись и поэзии И. Аксакова.

Аксаков чуток к новейшим завоеваниям русской поэзии. Он стремится скреплять ход сюжета узлами реалистических мотивировок. Когда нужно, например, объяснить новый побег Алексея, сообшается прежде всего об усиленной деятельности исправника в поисках беглых ради обещанной награды:

...Он теперь, озлясь, по деревням,
По селам всем везде снует и рыщет,
Беспаспортных, всё нашу братью ищет!
Нет, говорит, уж быть по-моему́:
Не тем, так вот бродягами возьму!

Поведение героев постоянно определяется обстоятельствами внешнего порядка, а не одной лишь личной волей. Аксакову вообще важна не только индивидуально-психологическая сущность характеров (здесь особое внимание обращено на последовательное раскрытие душевной жизни Алексея и Параши), но и многосторонняя общественная их обусловленность. Поэтому дорога́, скажем, такая деталь, показывающая в герое черты общекрестьянской психологии: убежавший из села Алексей просыпается после короткого отдыха в лесу. Что делать? Куда направить путь? Но вот он замечает около себя белый гриб, «здоровый и добротный»:

Надел зипун и кудри отряхнул...
А что ж грибы? нельзя же их оставить!

И, завязав их бережно в платок,
Он зашагал и скоро был далек.

В психологических портретах автор стремится преодолеть однолинейность. Первая встреча с подрядчиком Федотом Кузьмичем, пройдохой и жуликом (кое в чем предваряющим, как, кстати сказать, и вся глава «Шоссе», некрасовскую «Железную дорогу»), показывает его с неожиданной стороны:

Скончав обед, досужною порою
Федот сидел с открытой головою,
И дочку он в руках своих держал,
И ласки пел девчонке-замарашке...

Пейзаж в поэме слит с народным бытом, окрашен отношением к природе сельского жителя:

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..
Говор смолк: лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

В «Бродяге» поэтически намечено определенное принципиальное понимание народного характера. Сам Алексей — это и есть в значительной степени, при всех отклонениях и предрассудках, воплощение подлинных черт народа. Труд — необходимость и

труд — радость, неизменная приверженность к труду — коренное положительное качество крестьянина. Ища оправданий своему побегу, Алексей рассуждает:

Что ж, разве я иду
На промысел лихой, как душегубец?
Не тать же я, не вор, не празднолюбец,
Не от труда, а к новому труду!
На честный труд, на вольное терпенье!

Став каменотесом, «он работой веселится, сила бодрая спора!».

Чувство единения с родной природой, восприятие ее как самой естественной, самой привычной сферы жизни — один из залогов здоровья, «нормальности» крестьянского быта. Другой залог — своеобразная и сильная поэзия народа, стихия фольклора, живущая в душе крестьянина. Ее присутствие передается в поэме, например, рассказом о песнях, которые пел Алешка, фольклоризированным распевом «Погони».

Когда впоследствии Некрасов обратился к положительным основам крестьянской жизни — скажем, в поэме «Мороз-Красный нос», — у него определились те же черты, что и в «Бродяге»: труд, природа, любовь, стихия своеобразной поэзии. Тем не менее принципиальные разногласия в понимании народного характера и народной жизни выявились в стихах Аксакова и Некрасова во многом уже в 40-е годы. Отметим особо хотя бы следующее обстоятельство. Крестьяне у обоих поэтов религиозны. Но если для Некрасова религия представляет собой опасный предрассудок, опору темных сторон жизни (ведь и во «Власе» нисколько не одобрен избранный героем путь, он вовсе не признан истинно верным и разумным), то для Аксакова это — могучая нравственная сила, светлая основа народной жизни (достаточно вспомнить, как описана молитва Алексея в главе «Шоссе»). Поэту приходится скорбеть о том, что к словам молитв привыкнуть «сумели люди и смысл из памяти изгнать». Некрасов отвергает религию, Аксаков мечтает о росте религиозных чувств в народе.

Своеобразный подход к крестьянской теме ничуть, однако, не связан у Аксакова с сознательной идеализацией жизни, с нарочитым стремлением рисовать картины идеального существования. Поэт стремится к объективности и полноте рассказа. Убежденный в превосходстве крестьянского «мира», он тем не менее показывает, например, растущие узы товарищества и взаимопомощи в рабочей артели. Изображая мирскую сходку, Аксаков не умиляется и не ле-

пит благостных образов прямых глашатаев божьей мудрости. Он стремится не скрывать и народные беды (особенно характерны в этом смысле рассказы беглых строителей шоссе). Однако стоит только сравнить стихи Некрасова 1845—1854 годов с «Бродягой», как становится очевидным, насколько далеки аксаковские описания от того, чтобы выразить полную меру народных страданий.

Это обстоятельство прежде всего объясняется тем, что эпизоды жизни крестьян у Некрасова всегда выражают собой основной социальный конфликт крепостной деревни — между помещиками и их приспешниками и угнетаемыми крестьянами. В «Бродяге», несмотря на некоторые многозначительные сцены и детали, такой конфликт не определен. Помещики здесь вообще отсутствуют, если не считать нескольких упоминаний в главе «Новый побег». Аксаков полон неприязни к искусственно поставленной поверх крестьянского «мира» сельской бюрократии, к чиновничеству (глава «Бурмистр»). Бурмистр запрещает Алексею жениться на любимой девушке, он вступает в темные сделки с волостным начальством. Но от этих и подобных им частных обличений очень далеко до того, чтобы открыть самую суть социального антагонизма в деревне, что было с такой силой сделано Некрасовым. «Самый принцип борьбы и социального антагонизма определяет собой в поэзии Некрасова все его оценки», — отмечал В. В. Гиппиус.[1] «Крепостническое поместье Некрасов показывал с точки зрения ненавидящего бар мужика», — так определял основную особенность некрасовского раскрытия крестьянской темы А. Я. Максимович.[2]

Оттого поэзия Некрасова глубоко драматична. Он — «поэт обнаженных противоречий».[3] Любое стихотворение 40—50-х годов о крестьянах трагично уже по самой сюжетной ситуации («В дороге», «Огородник», «Тройка», «В деревне» и др.). Если в «Бродяге» картины природы вносят ноту просветляющей гармонии, то здесь они, напротив, нагнетают ощущения тоски и горя. У Некрасова этих лет нет ни одного умиротворенного, светлого пейзажа (ср. «Перед дождем». «Псовая охота», «Несжатая полоса» и др.). После некрасовского разговора «двух старушонок» кажутся наивными нелживо описанные горести аксаковской Параши. Конечно, дело здесь и в степени таланта. Но не только в ней.

---

[1] В. Гиппиус. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. «Литературное наследство», № 49—50. М., 1946, стр. 8.

[2] А. Максимович. Н. Некрасов. — Н. Некрасов. Стихотворения, т. 1. Л., 1938, стр. V.

[3] В. Гиппиус. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. «Литературное наследство», № 49—50. М., 1946, стр. 22.

Иван Аксаков понимает несправедливость крепостного права. «Крестьянин, обрабатывающий землю, крестьянин, для которого она единственная мать и кормилица, более меня имеет на нее прав». [1] Это для него бесспорно. Но последовательности и ясности социальной позиции у Аксакова нет. Конкретно-историческая социальная проблема нередко расплывалась под пером поэта Аксакова в извечную моральную проблему «людского неравенства». Точные жизненные наблюдения вели к слишком общим и абстрактным выводам.

Правда, вера в нравственную природу жизненных конфликтов и в возможность найти такие же пути, чтобы их избежать, проявляется у Аксакова не в нарочитой морализации, не в примитивном разделении всех событий и лиц только на «добрых» и «злых». Для этого Аксаков слишком умен, хорошо представляет себе истинные размеры существующего зла и слишком привержен известным ему фактам действительности. Но если внимательно разобраться в том, как понимает он конечные причины хорошего и дурного в жизни, которую показывает, то, как очевидно, всегда читатель подводится к толкованиям морального порядка, к моральному суду.

В «Отрывках из последующих глав», датированных 1850 годом, Аксаков рисует мрачные картины города:

Теснится там, весь век нуждаясь свой,
Ремесленник с огромною семьей,
И рядом с ним, с семьей его заводят
Разврат и лень бесстыдный свой приют,
Где нищие артелями живут
И женщины растрепанные бродят...

Но, с гневом и болью говоря об отвратительных сторонах жизни, Аксаков постоянно ищет их причины в области личной нравственности. Вот как рассказывает он о кабацком завсегдатае:

Туда ж приходил посетитель обычный,
В лохмотьях, в лаптях, мещанин горемычный,
Был прежде с достатком, зажиточен был!
Кабак близ него приютился соседом,
И, чарка за чаркой, втянулся он следом
И вольную волю навек погубил!

---

[1] «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 2. М., 1888, стр. 108.

Зловещая власть кабака не представляется закономерным и неизбежным следствием существующего социального уклада. Здесь сам кабак оказывается одним из источников, перворaспространителей нравственного зла. Налицо разительное расхождение с некрасовскими стихами тех же лет «Вино», «Пьяница». Оно так же очевидно, если сравнить героиню стихотворения Некрасова «Еду ли ночью...» с аксаковской Груней:

Туда приходила порою девица,
Была черноброва, была белолица!
    Красавицей Груня в деревне росла!..
Сгубил ее парень, и девку с укором
Прогнали родные — позор за позором, —
    И жизнь удалая красу унесла!

Падение женщины здесь не выступает как трагический результат народной нищеты; в аксаковском описании есть определенная единичность, заставляющая винить в исходе событий «парня», «родных», наконец, самую Груню.

Создавая «Бродягу», Аксаков придавал большое значение поискам своеобразных выразительных средств, работе над стихом поэмы.[1] Еще С. А. Венгеров мимоходом отмечал, что стих ее во многих случаях близок позднейшему некрасовскому:[2]

Корнил-бурмистр ругается,
Кузьма Петров ругается,
И шум, и крик на улице.
Три дни прошло, Алешки нет,
Пропал Алешка без вести.

В наши дни писал об этой близости К. И. Чуковский.[3] Однако он решительно отказывает такому совпадению в каком бы то ни было принципиальном значении, приравнивая его к приводимым тут же близким примерам из Жуковского и других поэтов. Но ведь в «Бродяге» для истории поэзии важен не ритмический склад сам по себе (хотя и ритмически, и по отсутствию рифмы стих «Бродяги» ближе к стиху «Кому на Руси жить хорошо», чем все

---

[1] «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 2. М., 1888, стр. 70.

[2] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. СПб., 1887, стр. 922.

[3] Корней Чуковский. Мастерство Некрасова. М., 1955, стр. 612.

другие параллели, приводимые К. И. Чуковским), здесь всего более важно то, что такой стих впервые применен Аксаковым к изображению крестьянской жизни в крупной эпической форме. Таким образом, стих «Бродяги», независимо от того, повлиял он прямо на некрасовский или нет, лежит в общем русле наиболее плодотворных поэтических исканий середины века.

Если продолжить сравнительный анализ подходов к крестьянской теме в поэзии, то надо отметить у Аксакова полное отсутствие столь важных для Некрасова сказовых форм, вообще, слабую характеристичность диалогов. Очень скупо представлено в «Бродяге» просторечие. Для народного языка в поэме Аксакова более свойственны, пожалуй, преображение в духе «высокого» фольклора («Погоня»), а также исконно славянские формы:

Не насмотрюсь на эту косу,
Не налюбуюсь на тебя,
На поступь ли твою павлину,
На грудь, на шею лебедину
Да, что меня с ума свели,
На очи бодрые твои!..

Поэма «Бродяга» осталась незаконченной, хотя Аксаков прожил после того, как оставил работу над ней, около четырех десятилетий. Как дальше должны были развиваться события в поэме? Как предполагал завершить ее автор?

Кое-что в этом отношении нам уже известно из ответов Аксакова III Отделению. Важен отзыв Гоголя о поэме (1850). Его приводит С. Т. Аксаков в письме сыну Ивану, не комментируя и не оспаривая содержащихся здесь предположений:

«Вчера прочли Гоголю также и твои письма. После твоего отзыва о «Бродяге» он сказал: «От него самого зависит, чтоб «Бродяга» имел не временное и не местное значение. Все подробности, вся природа, одним словом, всё, что окружает бродягу, у него сделано превосходно. Если в бродяге будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение. Надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь всё и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери-земле. Иван Сергеевич именно это и хочет сделать и, верно, сделает хорошо». [1]

---

[1] «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1. М.—Л., 1936, стр. 186.

Быть может, Аксаков на самом деле хотел показать неизбежность возврата крестьянина с неиспорченной, здоровой натурой к земле, к сельскому «миру». Для того чтобы закономерно подвести к такому выводу, поэту надо было в какой-то мере осудить уход Алексея. По-видимому, давалось это осуждение Аксакову с трудом. В написанных главах оно высказывается очень редко и очень бегло. Наиболее определенно это сделано в следующих стихах:

Парашка там, во храме, бога молит,
И плачется о нем,
А он — свою, знать, прихоть только холит,
И совесть дремлет в нем!

(«Шоссе»)

Интересно, что в другом рукописном варианте эти строки заменены иными, в общем свободными от порицаний герою.

Поэма, по сути дела, прервалась тогда, когда надо было наконец так или иначе развернуть авторский суд над героем, когда надо было вернуть его в село или окончательно утвердить право на побег. Ясного авторского суда в «Бродяге» нет. В настоящем своем виде этот «очерк в стихах» представляет собой поэму о страстном стремлении крестьянина жить и трудиться «на воле, по охоте», о любви его к воле. Вероятно, именно оттого, что слишком очевидной и естественной была в поэме безудержная радость беглого Алешки, Аксаков снял в «Московском сборнике» 1852 года ряд таких мест («Побег», V—VII; часть главы «Шоссе», рассказывающая о радостном труде Алексея, и др.). Кстати, это не помешало министру просвещения Ширинскому-Шихматову в докладной записке царю о первой книжке «Московского сборника» (1852) писать, что И. Аксаков изображает в таком свете похождения бродяг, что они «могут неблагоприятно действовать на читателей низшего класса».

Вечная борьба многообразных жизненных впечатлений и разъедающих сомнений, стремление доискаться смысла, причин в самих событиях жизни и неспособность вполне довериться объективному ходу жизни, цеплянье за догмы славянофилов и их круга и одновременно неприязнь к догмам — все это заставляет говорить о духовной драме Аксакова-поэта, так и не пришедшего к единству убеждений, к цельности взгляда на действительность. Свою молодость, ту пору, когда он писал стихи, Аксаков провел в тяжелых сомнениях и метаниях.

Для его ближайшего окружения характерно принципиальное и

упрямое следование догмам социального, морального, религиозного и иного порядка, вопреки жизни, ее историческим путям и законам.

Всеми своими достоинствами — критикой николаевского режима, обличением и разоблачением дворянской интеллигенции, реалистическими картинами народной жизни в «Бродяге» — поэзия И. Аксакова обязана тому, что она во многом отступает от славянофильского правоверия и следует за самой жизнью.

Лев Толстой однажды сказал: «Я люблю Аксакова. Его порок и несчастье — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он еще был живой человек» (письмо к А. А. Толстой, 1865).[1]

Так и Аксаков-поэт дорог и интересен нам, когда в его стихах слышен голос «живого человека» его поколения. Эта связь поэта с временем сделала его поэзию явлением, достойным занять свое место в истории русской литературы.

А. Дементьев, Е. Калмановский

---

[1] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 61. М., 1953, стр. 121.

<АВТОБИОГРАФИЯ>

Иван Сергеевич Аксаков родился в Оренбургской губернии, Белебеевского уезда в селе Надёжине (Куроедово тож), 1823 года сентября 26-го. На третий год он был привезен в Москву, где воспитывался дома до 1838 года. В этом году поступил в императорское училище правоведения, где и окончил курс в 1842 году с чином 9 класса. Определился тогда же на службу в Московский сенат (в Уголовный департамент). В конце 1843 года отправился с сенатором кн. Гагариным на ревизию в Астраханскую губернию, где и оставался около года. Возвратившись, продолжал службу в сенате в звании секретаря. В июне 1845 года определился на службу в Калугу в качестве товарища председателя Уголовной палаты. В апреле 1847 года перешел опять в Московский сенат, обер-секретарем. В сентябре 1848 года поступил на службу в Министерство внутренних дел и тотчас же был отправлен бывшим министром Л. А. Перовским в Бессарабию по некоторым раскольничьим делам. Объездив в течение трех месяцев почти всю Бессарабию, возвратился в начале января 1849 года в Петербург, где представил министру отчет о своем путешествии, или записку о расколе в Бессарабии.

В марте 1849 года был по высочайшему повелению арестован и посажен в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Там оставался дней семь или восемь. Причина ареста до сих пор неизвестна и Аксакову не объявлена. Ему предложены были вопросные пункты: о славянофильстве, об его политических мнениях и т. д. Ответы были написаны довольно резко. Император Николай Павлович читал ответы и сделал на полях собственноручно разные замечания и возражения и потом препроводил эту тетрадь к графу (ныне князю) Орлову, надписав сверху:

«Призови. Прочти. Вразуми. Отпусти!». После того Аксаков подвергнут был тайному полицейскому надзору, а министр Перовский командировал его в апреле 1849 года для ревизии городского управления в Ярославской губернии и для обсуждения на месте вопроса об единоверии, введению которого противился ярославский архиепископ.

С апреля 1849 года по апрель 1851 года Аксаков находился в Ярославской губернии. В 1850 году ему велено было состоять членом в комиссии, бывшей под председательством графа Стенбока, для исследования секты странников. Это исследование, т. е. описание учения, догматов и проч., произведено бо́льшей частью самим Аксаковым.

Вследствие доноса ярославского военного губернатора Ал. П. Бутурлина III Отделению, что Аксаков (с которым он находился в столкновении по службе) читает в обществе какую-то поэму противозаконного содержания под названием «Бродяга», III Отделение сообщило о том графу Перовскому, который предписал официально Аксакову представить ему сего «Бродягу»; Аксаков и представил его, как следует, при рапорте. Министр скоро возвратил рукопись, не найдя в ней ничего предосудительного, но в предписании своем сделал Аксакову замечание и объявил, что занятие стихотворством неприлично человеку служащему, облеченному доверием правительства. Аксаков в ответ написал министру резкое письмо, вышел в отставку и возвратился к своему отцу в Москву, где и занялся литературой.

В 1852 году он издал «Московский сборник», том 1-й, и готовился уже издать 2-й том, но продолжение издания было запрещено, самая рукопись 2-го тома конфискована при Московском цензурном комитете. Состоялось высочайшее повеление: «Ивана Аксакова, Константина Аксакова, Ивана Киреевского, Алексея Хомякова и кн. Черкасского обязать подпискою, чтобы все сочинения свои представляли отныне для цензуры не в Московский цензурный комитет, а в *Главное управление цензуры,* в Петербург. Сверх того, Ивана Аксакова лишить на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания». Полицейский надзор был усилен. Аксаков просился в кругосветное путешествие на военном корабле. III Отделение отказало. — Тогда Аксаков принял предложение Русского географического общества: описать торговлю на украинских ярмарках, — и отправился в конце 1853 года в Малороссию, где и путешествовал до конца 1854 года.

Вернувшись в Москву во время самого разгара войны, Аксаков добровольно вступил в ополчение, именно в Серпуховскую дружину,

в начале 1855 года и вместе с дружиной совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию. В марте 1856 года, при первом известии о мире, он бросил дружину и возвратился в Москву, но в мае того же года был приглашен князем Виктором Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. Вследствие этого он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, он в декабре 1856 года возвратился в Москву. В марте 1857 года он представил Географическому обществу свой статистический труд и уехал за границу, откуда вернулся в конце того же года. — Он хотел было в 1858 году взять на себя и продолжать издание газеты «Молвы», в которой брат его Константин был деятельным участником, но попытка эта не удалась вследствие цензурной истории, возбужденной статьей Константина Сергеевича в 34 № «Молвы» «Публика и народ».

В половине 1858 года Аксаков принял на себя, но неофициально, редакторство журнала «Русская беседа» и выдал III и IV томы за этот год. Получив дозволение, после долгих хлопот, издавать газету «Парус», он в январе 1859 года выдал два №№ этой газеты, но на 3 № она была запрещена. Продолжая заниматься редакцией «Русской беседы», Аксаков в этом 1859 году издал 6 томов этого журнала. Издатель А. И. Кошелев просил Главное управление цензуры дозволения передать Аксакову звание официального и ответственного редактора, но Главное управление нашло это «неудобным» и отказало.

Аксаков в начале 1860 года уехал за границу и посетил славянские земли. В конце 1861 года он был уже в Москве, куда привез тело своего старшего брата, умершего на острове Занте.

Никаким награждениям знаками отличия не подвергался.

Аксаков написал несколько стихотворений, из которых многие были напечатаны в «Московском сборнике» 1846 года, 1847 года, 1852 года, в «Русской беседе» (1856—1860 гг.) и в газете «Парус». (Первое его стихотворение было напечатано в «Москвитянине» 1844 г.). Бóльшая часть стихотворений осталась ненапечатанною, по особенным обстоятельствам, от автора не зависевшим. — Более других известна поэма «Бродяга», неоконченная и напечатанная в «Московском сборнике» 1852 года и во 2-м № газеты «Парус».

В 1858 году напечатано в Петербурге императорским Географическим обществом сочинение Аксакова «Исследование о торговле на украинских ярмарках». Оно удостоено Обществом Константиновской большой медали, а Академиею наук половинной премии. В 1857 году напечатаны в Лондоне, в «Полярной звезде» (без ве-

дома автора), его «Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты».

Аксаков Иван принадлежит к той школе, которой органом была «Русская беседа». Издавая «Парус», он имел в виду создать центральный орган славянской мысли, что вполне ясно выражено в его объявлении об издании газеты «Парус», объявлении, переведенном и напечатанном по-польски, болгарски, сербски и чешски.

Больше сказать нечего.

Иван Аксаков

28 апреля 1861

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Есть переулок Денежный в Арбате,
А в переулке домик небольшой.
Там юности прекрасной на закате
Жила княжна с княгинею больной.
Там вспоминала часто об утрате
И свежести, и красоты былой,
Преследованной всюду женихами...
Но все кокетства прогнаны годами!

Теперь княжна, поняв уже, в чем дело,
Спешит свои скорее меры взять,
Чтоб замужем ей можно было смело
О всем, уж не краснея, толковать!
Девичья жизнь давно ей надоела,
Давно она хотела испытать
Все наслажденья брака, и к тому же
Свободой полной завладеть при муже!

Тому назад лет семь, княжна, не дале,
Вы находились в полном цвете лет,
Блистали вы во многолюдном зале,
И рой мужчин за вами несся вслед!
И были вы царицею на бале
И целый ряд срывали вы побед,
Кокетству в танцах вы не знали меры,
И страстны были ваши кавалеры!

Я помню сам, как были вы прекрасны,
Склоненная небрежно на диван.
Кто б ни взирал тогда с улыбкой страстной
На стройность форм, на величавый стан,
На этот взор, всегда веселый, ясный,
На цвет лица, прелестный без румян,
На груди пышность, шеи белоснежность
И грациозную движений нежность.

Московского здесь университета
(Сей просвещенья русских монумент
Не одного уж выпускал поэта)
Влюбленным был в нее поэт-студент.
Он часто так ходил чрез место это,
Что будочник, полиции агент,
На съезжей объявил, что в подозренье
Ему студента частое хожденье!

Не различал в рубашке он изнанки,
Носил сюртук, нечесаны власа,
Вот мой герой, и с дальния Таганки
Он достигал Арбата в полчаса!
Зимой, под вечер, нанимал он санки,
Шел мимо окон, не боясь пса,
Спешил в переднюю услышать шорох платья...
Влюбленному приятное занятье!

Но красота проходит как мгновенье.
Княжна, пора! оказию лови!
Студент, увы! нашел определенье
Давно его оставившей любви,
Считал ее как общее стремленье
К прекрасной девушке, как пыл в крови...
Над старой девушкой смеются, — даму ж
Чтит общество... Княжна, скорее замуж!

А замужем о муже вам нимало
Забот не будет, смею вам предречь,
Охотница до всякого скандала,
До выставки нескромной полных плеч!
При трепете вечернего шандала,

Когда в постель намерены вы лечь,
Едва ль в сей миг, от светских дел досужный,
Супругу долг вы отдадите нужный!

Что ж? наконец, без всякого навета,
Придется вам до поздних лет дожить,
Приготовлять внучат своих для света,
В бостон играть, да свадебки чинить,
А с бала возвратясь, полураздета,
Как фурия, людей своих бранить...
Там, наконец, вы набожно умрете
Да сожаленье ближних унесете.

1841

В АЛЬБОМ П. А. САЗОНОВА

Он наступил — желанный час свободы,
Он в свет для нас открыл обширный путь...
Но прежние товарищества годы
Невольно сердце просит помянуть.
Что ж! время есть. Пред нами свитком длинным
Грядущее стели́тся впереди,
Так вспомним вместе о житье старинном,
О том, что оставляем назади.

Давно ли здесь мы собраны судьбою
Со всех концов России — вверх и вниз?
Все разные и нравом, и душою:
Здесь Ревельский прекрасный Адонис,
Здесь fixer Kerl [1] из области немецкой,
Здесь из Тифлиса сме́тливый грузин,
Почтенный люд столицы Москворецкой,
И севера, и юга верный сын.

Да, прихотью фортуны своенравной
Какой хаос понятий собран здесь!
Как долей все наделены неравной:
Плебейский дух, аристократа спесь,
Стыдливый нрав и страстные желанья,

[1] Ловкий парень, молодец (нем.). — *Ред.*

Холодный ум, дух пылкий и живой,
И гордые, и скромные желанья
Как часто здесь встречались меж собой!

Всё ж общего меж нами было много
И молодость собой равняла нас...
Но врозь теперь нам всем лежит дорога,
Пробил свободы и разлуки час.
Оно исчезнет, классное раве́нство,
Значение получат *граф* и *князь;*
Таков закон земного совершенства,
Ослабится училищная связь!

Простите же; прошла пора былая
Плачевные о мире песни петь,
Дни глупых лет считать блаженством рая
И о мечтах несбыточных жалеть!
Чувствительность уж более не в моде.
Пустой обман разоблачив с утра,
Я рад, что жизнь узнаю на свободе.
Смелей же в путь, пора, давно пора!

Любезный друг, кто знает, счастье ль, горе
В тумане я грядущего найду,
Переплыву ль спокойно жизни море,
До пристани ль желаемой дойду?
Или, быть может, сумраком одетый,
Мне предстоит страданий тяжкий путь...
К тебе в приют, радушием согретый,
Приду тогда, чтоб сердцем отдохнуть.

20 мая 1842

НА ПРОЩАНЬЕ

(При отъезде из Петербурга)

Мне грустно расставаться с вами,
Себя от братства оторвать,
Проститься с близкими друзьями
И вновь свиданья ожидать!
Мне грустно. Странно! оттого ли,
Что власть привычки я люблю,

Что покидаю прежней доли
И прежней скуки и неволи
Своих товарищей семью!

Прошла пора, когда, бывало,
Лишь счастье мнилось впереди
И пламя светлое пылало
В прекрасной юноши груди!
Когда восторженности чистой
Доступна грудь еще была
И верил он, что по цветистой
Дороге жизнь его вела.

Теперь не то: и ум наш зреет,
Холодный с раннего утра,
И перед истиной бледнеет
Очарованья мишура!
Уж вздорных слов наш век не любит,
И, обнажая смысл в тиши,
Сознанье внутреннее губит
Восторги ложные души!
К чему притворство? Нет меж нами,
Как меж лицейскими друзьями,
Ни вечных клятв, ни громких слов,
Ни песен о разлуках дальных,
Ни предсказаний идеальных:
Всё по преданью от отцов!
Но, в духе века современном,
Пусть будет между нас приязнь
На расстоянии почтенном,
Отбросив нежностей боязнь.
Друг друга ведаем мы цену,
Спокойной мудрости жрецы,
Не подеремся за Елену,
Как наши древние отцы!

Но отчего ж тоскою странной
Стеснилось сердце? или я
Здесь покидаю кров желанный,
Так вас люблю, мои друзья?..

18 июня 1842

* * *

Я знаю, Лидия, кто в сумраке ночном,
В беседке, упоен любовью и вином,
Рукою дерзостной покров с тебя срывает...
И стыд девический желанью уступает,
Восторги сладкие предчувствуя любви!
Ты млеешь, ты дрожишь, горят уста твои,
Румянец огненный с ланит прелестных пышет,
А молодая грудь волнообразно дышит.
Вдоль мраморных власы раскинулися плеч,
Уж голос затихал, уж замирала речь...
И слышны слабый стон да звуки поцелуя...

А я стоял вблизи, душою негодуя,
Что девы свежая, роскошная краса
И надо мной свои являла чудеса!
Что мыслил, Лидия, избрать тебя подругой
И в дом отцов ввести хотел своей супругой!
Безумные теперь рассеяны мечты,
И вновь свободен я, и недостойна ты,
Чтоб гордый римлянин к ногам коварной девы
Принес свою любовь и страстные напевы!

11 мая 1843

* * *

Итак, в суде верховном — виноват!
Хотел сказать: на фабрике сенатской —
Среди обширных каменных палат,
Грязнее всякой камеры палатской,
Работаю, как будто на подряд.
Вкусили мы всю прелесть службы статской,
И видим: слишком мало толку в ней,
Чтоб ей отдать цвет лучших наших дней.
. . . .
Хотя б сказал сенатский наш оратор,
Что грудь звездами, дюжих пару плеч
Нам лентами украсит император,
А право, друг, игра не стоит свеч!
Что толку в том, министр ты иль сенатор!

. . . .

Но чужды мне столь сильные желанья
Всю жизнь отдать за ленты и кресты,
Немецкие ничтожные прозванья,
Все полные блестящей пустоты,
Я к ним в себе не чувствую призванья...

1843

К. С. АКСАКОВУ

Не расточай святых даров природы
Пред суетной, бессмысленной толпой;
Сил молодых исполненные годы
Не трать в борьбе бесплодной и смешной.
К чему тебе минутное вниманье,
Участия лишенные слова,
Пустых людей пустое лепетанье:
Мелка их мысль и их душа мертва!

Нельзя дать сил уже гнилому телу,
Жизнь новую — безжизненным сердцам;
Не в их среде расти благому делу,
Не им внимать пророческим словам!
Их легкого обычного круженья
Стремление, поверь, не заменит.
В ком веры нет и нет в ком убежденья,
Событие того лишь вразумит!

Удел толпы означила природа,
И жизнь ее пуста и холодна.
Судеб мирских таинственного хода
Не хочет знать с презрением она!
Скажи ж, зачем высокие надежды
Иль воплощенья ждущие мечты
Ты предаешь на дерзкий суд невежды
Или хвале бессмысленной толпы?

Зачем же ты, не дорожа святыней,
Влачишь везде заветных мыслей клад,

Глубокий смысл их открываешь ныне
И мнимому толпы участью рад?
О верь, она в своем прикосновеньи
Их важности достоинства лишит,
И не поймет сокрытого значенья
И мыслей тех опошлит внешний вид!

Нет, кто перстом божественным отмечен,
Тот святостью призванья полон будь,
Чтоб подвиг был его велик и вечен,
Чтоб был свершен обетованный путь!
Нет, строг и чист от личных побуждений,
Пусть в тишине он труд взлелеет свой,
Пусть он бежит тщеславных обольщений,
Пусть цель одну он видит пред собой!

Когда же час пророческих открытий
Пробьет толпе, как будто божий гром,
И близостью громадных тех событий
Повеет вдруг нежданною кругом, —
Она падет от тяжкого удара,
Как червь гнилой под мощную стопу...

Теперь же ты не трать напрасно дара,
Чтоб убедить заранее толпу!

5 февраля 1844

РОМАНС

Я помню: светлая луна
Мой путь опасный озаряла...
Она сидела у окна,
Тревоги радостной полна,
Она кого-то поджидала.

Я сбросил плащ с своих плечей,
К окну бежал я торопливо;
Услышать звук ее речей,
Увидеть блеск ее очей
Желалось мне нетерпеливо.

И с распущённою косой
Она внезапно мне предстала,
И, озаренные луной,
Блистали плечи белизной!
О, что тогда со мною стало!

Я молод был и полон сил,
И жарко кровь во мне кипела,
Я деву страстно полюбил
И сердце девы победил:
Она понять меня умела!

И дева в сладком забытье
Склонилась с трепетной любовью
И прикоснулася ко мне...
Но я горел, я был в огне,
Не совладал с своею кровью!

Ворота были на запор,
Она впустить меня робела.
Я был решителен и скор,
Не слушал я ее укор
И к ней в окно вошел я смело.

О юга пламенного дочь,
Кто этот миг теперь оценит!
Откинь свои сомненья прочь,
И эта ночь, и эта ночь
Нам целый рай с тобой заменит!

8 июля 1844

ПОСЛАНИЕ

Без опрометчивой отваги
И без заносчивой мечты,
По долгу службы и присяги
Прочти с терпением бумаги
И дела толстого листы!

Пусть грудь чиновническим рвеньем
В тебе забьется, и тогда
Вступи с сноровкой и уменьем
В начало долгого труда!

Да, мнится мне: уж овладела
Рука свинцовым крандашом,
И как хирург вскрывает тело
Анатомическим ножом,
Так хитрописанное дело
Ты в смысле выставишь прямом!

И, за работою своею
Забыв приманчивую лень,
Ты тихо молвишь: «Одолею,
Из мрака выведу я день».
Ты всем запутанностям хода
Итог подробный подведи,
Из новоизданного Свода
Статьи приличные найди.

Когда же ты без самохвальства
И скромно труд представишь свой,
То ведай: высшее начальство,
Хоть не доставит генеральства,
Но наградит за подвиг твой.

Трудись, младой герой — чиновник,
Не пожалей, смотри, себя,
И государственный сановник
Представит к ордену тебя!!!

Август 1844

ХРИСТОФОР КОЛУМБ С ПРИЯТЕЛЯМИ

Первый приятель

Я знаю замысл твой глубокий,
Мечту заветную твою;

И вздох груди твоей широкой
Волнует также грудь мою!
Но время, друг! Перед тобою
Я сны твои разоблачу
И к жизни с бодрою душою
Тебя я вновь воззвать хочу.
Ты рано жизни наслажденья
Отверг далеко от себя
И в грудь вложил одно стремленье,
Одним дыша, одно любя!
Но если цель твоя напрасна,
Но если ложен вывод твой,
Чего ты ищешь ежечасно,
Ввек не достигнется тобой?
Но если ты нигде привета,
Нигде участья не найдешь
И от судей надменных света
Одно презренье обретешь?
Тогда пройдет очарованье,
Надежда минет долгих лет;
Глядишь назад: одно мечтанье!
Глядишь вперед: отрады нет!
Так где же цель суровой жизни?
Служенье праздное мечты!..
Но для себя, но для отчизны,
Но для других — что сделал ты?

Другой приятель

Еще не поздно. Небо чисто,
Не веет в воздухе грозой,
Многостороння и цветиста
Дорога жизни пред тобой!
С высот мечты своей безумной
К нам в мир действительный явись,
Беседой легкою и шумной
Среди друзей одушевись!
Живи, как все, сдержи волненье,
Гляди на мир не свысока,
И ты найдешь успокоенье,
И станет жизнь тебе легка!
Но если будет цель стремленья
Всегда безумна и дерзка,

Ты не найдешь успокоенья,
И станет жизнь тебе тяжка.

Колумб

Лицом к лицу я встречусь с нею
И смелый взор не опущу;
Не отступлю, не оробею,
Судьбе упорством отомщу.
Пойду вперед с своим стремленьем,
Исторгну помысл из глуши,
С неколебимым убежденьем,
Залогом искренним души!
И верю я: наступит время —
Хоть гром греми и ветер вей,
Но долетит благое семя
До почвы избранной своей.
Я не страшусь суда людского,
Я двину смело мысль вперед,
И далеко отгрянет слово
И слух внимательный найдет!
Крик близорукого участья
Меня не тронет, не смутит.
Я жду заранее несчастья;
Мне тайный голос говорит:
Терпи, Колумб, терпи и ведай,
Назло сомненью и врагам
Ты увенчаешься победой!..

Но быть грозе, греметь бедам!

1 ноября 1844

ГОЛОС ВЕКА

Много сил и твердой воли,
Ранних лет твоих в бреду,
Отдал ты ничтожной доле,
В жертву ложному труду...
С бодрым чувством юной мочи
Подвизался ты, — но верь,
Что сознаньем наши очи

Просветилися теперь!
Ваше царство пасть готово,
Ваше благо — вред и ложь,
Ваш закон — пустое слово,
Ваша деятельность — тож!
Но иной теперь стремится
Мир достигнуть высоты,
И грозят осуществиться
Наши давние мечты!
Но вижу я: печальный, утомленный,
Свои глаза ты обращаешь вновь
К той области от мира отрешенной,
Где властвуют искусство и любовь!
Но берегись, чтобы в обмане чувства
Не погубил ты лучших сил своих,
Чтоб в радостях возвышенных искусства
Не позабыл о скорбях ты людских!..
Не время вам теперь скитаться
В «садах Аркадии златой»:
Гражданский быт готов распасться,
Грозит вам близкою бедой!
В покое, в сладостном забвенье
Ужели станешь ты дремать,
Когда на славное служенье
Мы собираемся восстать?
Для нас искусство стало средством,
Науки путь избрали мы —
Грядущей радостью и бедством
Да преисполнятся умы!..
Услышь мой зов! ужели руки
Теперь ты сложишь навсегда?
Нет, в пользу дела и науки
Ты принесешь мечты и звуки
И жар обильного труда!

25 декабря 1844

* * *

«Среди удобных и ленивых,
Упорно медленных работ,
Негодований говорливых,

Привычных зол и терпеливых
Надежд, волнений и забот —

Живем, довольные судьбою,
Браня судьбу. Досуга нет
Ни сладить с внутренней борьбою,
Ни дать взывающему к бою
Вопросу жизненный ответ.

Но жизни нашей ложь и бремя
Сознали мы; — чего ж мы ждем?
Ужели не приспело время,
Ужели мы, бросая семя,
Его плодов не соберем?»

И мне в ответ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно неслыханно и ново,
Всей силой пламенного зова
В моей груди отозвалось!

И, вере уступая жгучей,
Стал также веровать и я
И современности могучей,
И близости еще за тучей
От нас таящегося дня.

Но время мчится, жизнь стареет
Всё так же света не видать:
Так незаметно дело зреет,
Так мало вас, которых греет
Любви и скорби благодать!

И дней былых недаром, мнится,
Тяжелый опыт учит нас,
Что много лет еще промчится,
Пока лучом не озарится
Давно предчувствуемый час!

Пока роскошный и достойный,
Заветный не созреет плод;

1

Среди удобных и хлопотливыхъ
Упорно-медленныхъ работъ
Негодований говорливыхъ,
Привычныхъ долгихъ терпеливыхъ
Тревогъ, волнений и заботъ
Живешь, довольный судьбою,
Браня судьбу. Охоты нетъ
Ни сладить съ внутренней борьбою,
Ни дать — взывающему живо
Вопросу жизненный ответъ!

Но жизни нашей горе и бремя
Сознали мы. Чего ж мы ждемъ?
Зрели не созрелаго времени?
Зрели мы, бросая семя,
Его плодовъ не соберемъ?

И мне во ответъ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно, неслыханно и ново,
Всей силой пламеннаго зова
Высокой груди отозвалось!

И вдругъ уступная другой,
Стала также веровать и я
И современности злощей
И близости — еще за тучей
Отъ насъ скрывавшагося дня!

Пока неумолимо стройный,
Тяжелый, твердый и спокойный
Событий не свершится ход.

А сколько прежде поколений
Ждет вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремлений,
И оскорбительность явлений,
И безутешныя борьбы!

7 февраля 1845

* * *

Зачем опять теснятся в звуки
Вопросы, спавшие в тиши,
Всё те же образы и муки
Сосредоточенной души?
Зачем стиха волшебной чарой
Я не могу облечь сполна
Всю скорбь души, еще не старой,
Всю глубину ее до дна?

Когда кругом себя, тоскуя,
Гляжу на юность наших дней,
Былое время памятуя,
Теперь иное вижу в ней:
Ей веселится неохотно,
Ей слышен гром издалека,
И не живется беззаботно,
И ноша жизни нелегка!

Но не обманы, не мечтанья,
Не жажда счастья и надежд —
Самолюбивые страданья
Разочарованных невежд
Волнуют нас. Иное время.
Теперь иным полны умы, —
Зачем неправедное бремя
Условий ложных терпим мы?

И быстро ходит молодая
Великодушная молва,
Что человечество, страдая,
Кладет на всех свои права,
И что напрасно в жизни нашей
Мы скорби тяжкие несем
И пьем отраву полной чашей,
А чаши той не разобьем!

Что грех искать нам наслаждений,
Когда теперь сознали мы
Многозначительность стремлений
На божий свет — из мрака тьмы,
На животворную свободу...
Когда сказалися слова,
Провозгласившие народу
Принадлежащие права!

Но где звезда? Кто путь укажет?
Кто прорицать событий ход
Дерзнет — и жертвой смело ляжет,
Готовя нам богатый плод?
За опрометчиво прекрасный
Порыв — ужель господь судил
Пасть не одной младой и страстной,
Высокой жертве в цвете сил?

К чему? Быть может, мы избрали
Не путь, назначенный судьбой:
Еще таясь в туманной дали,
Он проложился б сам собой?
И то, чего мы так хотели,
Придется поздно позабыть:
Всю жизнь стремим к единой цели,
И к цели ложной, может быть?

Не легче ль ждать, влача оковы —
Их бремя вздорная мечта, —
Пока громадные засовы
Падут — и двинутся врата?
О нет! смотрю, в часы раздумья,

Я с негодующей тоской
На эгоизм благоразумья,
На возмутительный покой!

О нет! страданье благодатно
Пусть наш воспитывает век;
Пусть беспрерывно, безвозвратно
Стремится к цели человек!
Пусть сторожит тревожным слухом
Движенье всякое добра!
Блаженны алчущие духом:
Наступит жданная пора!

23 февраля 1845

* * *

Не в блеске пышного мечтанья,
Не в ложном сладком полусне,
Не с красотой очарованья,
Бывало, жизнь являлась мне.
Но предан юному усердью
К трудам суровым бытия,
Казалось мне, с землей и твердью
Не прочь бы был сразиться я!
И для потехи оборонной
Готовил я, на всякий час,
Так много воли непреклонной,
Да сколько мужества в запас!..
Сначала бодро и упруго
Кипела деятельность сил,
Я душу — вредного досуга,
А сердце голоса лишил.
И рад я был в своей гордыне
Жить без отрады и в тиши,
Да всё идти!.. Слабеет ныне
Высокий строй моей души!
Когда напев забытых песен
Вдруг пронесется надо мной,
То мнится мне, что мир мой тесен,
Но что прекрасен мир иной!

Что много в жизни упоенья
Дарует образ красоты,
Что есть возможность увлеченья,
Что власти много у мечты!
Что тяжко иго сил железных
И что бездействие иных
Полезней всех трудов полезных,
Отрадней всех даров земных!..

Февраль 1845

* * *

Нет, с непреклонною судьбою
Не мог я сладить, милый мой!
Я взять ее пытался с бою,
Но кончил тщетною борьбой
С упрямой Панина башкой!

И вот теперь один единый
Брожу по улице моей:
Еще не спущены гардины, —
Везде семейные картины
При блеске трепетном свечей!

А дома пусто, безотрадно,
И, будто в ссылке, дни мои
Проходят вяло и досадно,
Так утомительно нещадны,
Без песен, дружбы и любви!

И мой досуг проходит даром,
Тоска меня лишает сил,
С бывалым я простился жаром, —
Я поэтическим товаром
Давно портфель не богатил...

Но всякий раз вскипаю новой
Безумной яростью и злой,
Как вспомню я, что сей дубовый,

Сей дуралей, сей столб мостовый,
Сей Виктор сам тому виной!

Нет, полно, друг, закроем лавку;
Придет ли день, о мой творец,
Когда, включив *закон и справку,*
Пошлю я к Панину отставку
И буду волен наконец!

Сентябрь 1845

26-е СЕНТЯБРЯ

Всяк человек ложь.

Псалом 14

Я не всегда обычной жизни
Бываю вихрем увлечен;
Смущают сердце укоризны;
Нередко ими пробужден
От чаду жизненной тревоги,
От мелких, суетных забот —
Как бедный путник, средь дороги
Свой останавливая ход,
На землю с плеч слагает бремя
И, погружен в свою печаль,
Глядит назад, считает время,
Усталым оком мерит даль...

Так вызываю беспристрастно
На суд из мрака и тиши,
Что там звучит, живет неясно —
Движенья тайные души;
Так мысли я, труда и дела
Причины скрытые слежу,
И, в глубь души взглянувши смело,
Я много плевел нахожу!
Не то чтоб дар моей свободы
Я жизни робко уступил
И семя доброе природы
Страстями рано заглушил:
Сознанье бодрое не дремлет,
Неумолкаемо зовет...

Но сердце слышит и не внемлет
И жизнью прежнею живет!

И истребить не знаю власти —
И силы нет, и недосуг —
Мной презираемые страсти,
Мной сознаваемый недуг!
Вступаю ль в спор, бросаюсь в битву —
Тревожусь тщетною борьбой,
Творю несвязную молитву —
Но веры нет в молитве той!

В чаду тщеславных искушений,
Как душу ты ни сторожи,
В ней мало чистых побуждений,
В ней мало правды, много лжи!
Так мало в нас любви и веры,
Так в сердце мало теплоты,
Так мы умны, умны без меры,
Так мы боимся простоты!

Так часто громкими речами
Клянем мы иго светских уз;
Но между словом и делами
Так наш неискренен союз!
Как быть! — Покойно и лениво,
Удобно, вяло и легко,
Полустрога, полушутлива,
Не заносяся далеко,

Жизнь наша тянется... «Ужели
Тревожить мирный наш очаг?
Зачем искать суровой цели
При дешевизне наших благ?
Добры, но слабы мы, и, право,
Излишен строгий нам упрек!..»
Так извиняем мы лукаво
Меж нас гнездящийся порок!

Мне ясны лживые порывы
И тайна помыслов в тиши,
Хитросплетенные извивы
Моей испорченной души.

Привычкам вредного влеченья
Хотел бы я противустать;
Но, устрашася исцеленья,
Спешу вослед другим опять!

И бесполезно мне сознанье
Душевных немощей моих;
Мгновенный жар негодованья
Не властен свергнуть бремя их.
В борьбах тяжелых и бесплодных
Я много жизни пережил:
Движений нет во мне свободных,
Нет первобытных, свежих сил!..

Сентябрь или октябрь 1845

СОН

Я видел странный, дивный сон,
Какой не видывал от века.
Поведай мне, Мартын Задека,
Уж не пророческий ли он?..

Мне снилась грозная царица
С державным скипетром в руках;
Ей лик скрывала багряница,
Ее возила колесница
На исполинских колесах;

И в дышле разные народы
Идут под крепкою уздой,
Гордяся призраком свободы!
Но где Судьба стезей крутой
Проходит время и пространство,

Там все дрожат ее оков,
Высокой мудрости тиранства,
Ее тяжелого убранства,
Ее увесистых даров!

Где ни пройдет — глубоко вдавит
Неизгладимый, яркий след,

И часто путь ее кровавит
Трофей безжалостных побед!..

Но вкруг тяжелой колесницы
Там суетятся и кричат...
И хохот слышится царицы,
Как грома дальнего раскат:

«Что это там? какая туча?
Откуда страшная взялась?
Как суетлива и гремуча!
Вот я тебя, земная куча,
Не в добрый миг ты поднялась!
Они шумят, они бормочут,
Они кишат, как муравьи,
Меня с привычной колеи
Долой свести они хлопочут!
Хотят маршрут мне обновить!
Хотят тщедушные пигмеи,
В пылу мечтательной затеи,
Мой твердый ход остановить!
Прочь, прочь, что лезете вы смело,
Куда нелегкая несет?
Не за свое взялись вы дело,
Мое желанье не приспело,
Моя рука вас поведет!
Прочь, прочь!..» И, вняв такому слову,
Благоразумные спешат,
Чтоб подобру да поздорову
Скорей убраться им назад.
Толпа редеет. Но иные,
Хоть и смутясь от слов таких,
Еще стоят: все молодые
Да старцы доблии, прямые...
Но вот один, ловчей других,
Не слыша слов, вперед несется,
Глядит, не видя ничего,
Но так и метит, так и рвется,
Чтоб угодить под колесо!..

Проснулся я; мной овладела
Тоска, и долго думал я...

Пора пришла ль иль не созрела,
Не знаем мы... но вы, друзья,
Во мне не встретите сноверца:
Ужели внутренний призыв,
И скорбь души, и голос сердца —
Одна мечта, простой порыв?
О, прочь тяжелые сомненья,
В груди возникшие моей!
Пора иль нет, без убежденья,
Без благородного стремленья
Что ж будет жизнь? Что пользы в ней!
Нет! делу доброму ужели
Не лучше в дар принесть ее,
Чем так, без толку и без цели,
Влачить пустое бытие?..

Начало октября 1845

ОЧЕРК

Уж веет всё зимой могучею и грозной,
Холодной ясностью сверкает синева;
Октябрьской осени день пышный и морозный,
Готовясь сумраку отдать свои права,
Склонялся к западу... Прощальные, наводят
Тоску, предшествуя медлительной ночи,
И косвенным столбом по комнате проходят
От солнца пыльные лучи!..
Но вдруг природа вся как будто встрепенулась
И светом розовым подернулась... Тогда
По небу далеко и быстро растянулась
Волнистых облаков румяная гряда;
Зарей багровою край неба обложился,
И солнца ярко-золотой,
Невыносимый блеск в доступный изменился,
В шарообразно-огневой!
Мгновенно вспыхнули и жарко погорели
И стекла, и дома, и куполы церквей...
А тени, падая, ложились вкось, чернели,
Всё безобразней и длинней!..

Но закатился шар... Средь быстрых изменений
Заря потухла... Свет погас.
Стемнело. Сумерки... раздумья грустный час,
Надежд несбыточных и горьких сожалений!..

И, сумерки любя, она одна сидит
В пустынной комнате и темной,
И устремленный взор ее полусокрыт
Ресницей длинною и томной.
Чело, склоненное под бременем мечты,
И простота и прелесть положенья,
Ее прекрасные и строгие черты,
Немая музыка движенья —
Всё дышит скукою, печалью и тоской:
Опять зимы черед исправный!
Пора рабочая для жизни городской,
Для суеты ее тщеславной,
Для светских радостей и мелочей пустых!
Пора веселостей обычных,
Где всё — под тяжестью искусственно-простых
Условий, ложных и приличных!..
Так вот что бедной ей грядущее сулит:
Ряд ба́лов и знакомств да женские работы!
Потом, быть может... Что ж?.. потом ей предстоит
Опять смирение, покорность и заботы!..
Но женской участи послушаться она
Всегда без ропота готова;
Лишь изредка, когда в мечты погружена, —
Ее душа стремится снова...
И детство прежнее воскресло перед ней:
Ей вспомнились — деревня, лето,
И роскошь зелени, и золото полей,
Цветы, которыми по прихоти одета,
По мягкой свежести некошеных лугов
Так часто бегала... Те молодые годы,
Когда росла она среди веселых снов,
Под сенью мирною природы!..
И неподвижность вод при тишине ночной:
Деревья спят; не дрогнет колос;
И слышится напев унылый и простой
И чей-то тихий, тихий голос!..

И часто... Но звонят?.. Еще... Она встает;
    По милому челу промчалось нетерпенье.
Нарушен строй души!.. Вздохнув, она идет,
    Готовя рук приветное движенье...
Как в эти сумерки отрадно было ей!
    Когда ж свободное опять настанет время?
Когда?.. Но ближе шум, дверь настежь — и гостей
    Идет докучливое племя!

18 октября 1845

НОЧЬ

В заботах жизни многосложной,
В ее шумливой пустоте,
Далеко мысль о непреложной
Природы дивной красоте!
Так, охлажденных и привычных,
Нас не смущает вид небес,
Ни повторение обычных,
Всегда торжественных чудес!
Но в час внезапный пробужденья
Душе послышится опять
Восторга тихого смятенье,
Мгновений чистых благодать!..

Полны чудес неистощимых
Природы вечные дела!
Полны пространств неизмеримых
Все неба звездные тела!
Идут чредой бессчетной годы,
Один другим теснится век;
Сменились царства и народы,
Преобразился человек!..
А ты стоишь неизменимо,
Не увядаешь ты одна;
Твое убранство нерушимо, —
Всё те же солнце и луна!
Твое безмолвие ночное
Всё то же таинство хранит;

Всё так же небо голубое
Нас неизвестностью манит!..

А ты, которая воспета
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвета,
Как много грез ты родила,
Как много снов и вздоров милых!
Повсюду, блеск твой возлюбя,
Толпы мечтательниц унылых
Подъемлют взоры на тебя!..

О, помню я твое сиянье
И целый ряд таких ночей,
И тихий говор, и молчанье
Невольно прерванных речей!
Река, блестя, струилась мимо,
Шумели листья в вышине...
Проснулось всё, что недвижимо
В душевной спало глубине!..

И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,
Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной!
Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно,
И так же тихо светишь ты!

2 ноября 1845

* * *

С преступной гордостью обидных,
Тупых желаний и надежд,
Речей без смысла, дум постыдных
И остроумия невежд,
В весельях наглых и безбожных,
Средь возмутительных забав

Гниете вы, — условий ложных
Надменно вытвердя устав!
Блестящей светской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы ваших помыслов тщету?
Того, что вам судьба готовит,
Еще ли страх вас не проник?
Всё так же лжет и срамословит
И раболепствует язык!
Не стыдно вам пустых занятий,
Богатств и прихотей своих,
Вам нипочем страданья братий
И стоны праведные их!..
Господь! Господь, вонми моленью,
Да прогремит бедами гром
Земли гнилому поколенью
И в прах рассыплется Содом!
А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян, —
Пора упасть твоим веригам!
Пусть, духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права!..

22 ноября 1845

* * *

Вопросом дерзким не пытай
Судьбы таинственных велений,
Поднять завесы не мечтай,
Не разрешай своих сомнений
И не тревожь в тиши ночной
Видений злых готовый рой!..

Оставь, забудь, не трогай их,
Там нет отрады и спасенья...
В борьбах измученный пустых,

Ты пожелаешь разрушенья...
Так пусть в сердечной глубине
Всегда безмолвствуют оне!..

Что, если б — страшные мечты! —
Всё беспредельное созданье
И мир бы целый понял ты
И перенес в свое сознанье?..
Но мнится, дух напором сил
Земные узы б сокрушил!

Моли, чтоб вечно не могла
Раскрыться истины пучина,
Заговорить с тобою мгла,
На зов откликнуться темнина
И дать властительный ответ,
Где дышит смерть и жизни нет!

23 ноября 1845

ЯЗЫКОВУ

Мне неожидан был и нов
Твой отзыв дружески пристрастный,
Ты мира звуков и стихов
Распорядитель полновластный!
Благодарю тебя, поэт!
Мне руку подал ты, как другу,
Твой одобрительный привет
Рассеял вмиг тяжелый бред,
Моей души печаль и тугу!..
И рад бы был поверить я
Призывам опыта и дружбы!..
Но знаешь сам: в заботах службы
Тянулась долго жизнь моя!
Потратив годы золотые
В делах усердных и пустых,
Ужель для подвигов иных
Назначен я?.. Когда впервые,
Средь утомительных трудов,
Мое раздалось песнопенье,

Мне странен был моих стихов
Язык и ново — вдохновенье!..

Так указать свою судьбу
Дерзнет ли воля молодая,
Вопросов внутренних борьбу
Самонадеянно решая?..
Но если смутно и темно
В груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будет мир души моей
Высокой думою настроен,
Да не угаснет пламень сей,
Да буду ввек его достоин!

Да тяжесть нашего греха
И поклонение обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!..
Пускай же юности моей
Не возмущают девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!
Но всюду нам среди пиров
И всяких суетных занятий
Да будут слышны вопли братий,
И стон молитв, и гром проклятий,
И звуки страшные оков!..

Декабрь 1845

* * *

В тихой комнате моей
Мне привольно и просторно,
Миром, царствующим в ней,
Я приветствуюсь покорно.
Об чужое в ней мое
Не граничит бытие...
Всё, что там определенно,
И понятно, и ясно́,

Что забыто, несомненно,
Что давно разрешено, —
Из оков определенья
В образ смутного виденья
Здесь выходит и растет,
Без границ освобожденье!
Все былые впечатленья
Выдвигаются вперед
Из пучин бездонных духа,
Тихо носятся по ней,
Не боясь чужого слуха,
Не стыдясь чужих очей!
И в беззвучной тишине
Всё поет и шепчет мне!
Оттого-то мне просторно
В тихой комнате моей,
Где приветствуюсь покорно
Миром, царствующим в ней.

1845

ОТРЫВОК ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

Душевных смут рассказ печальный
Кого из вас теперь займет?
И стан борьбы многострадальный
Кто не осудит, кто поймет?
Кто всей душой теперь со мною
Послышит мир чужой души,
С ее бездонной глубиною,
С работой вечною в тиши?
Ее стремления и муки,
Ее особый, тайный строй,
Ее молитвенные звуки,
Ее задумчивый покой;
И всё, что так волнует глухо
Поток привычный жития,
Все тайны внутренние духа,
Весь хор чужого бытия?..

1845

ANDANTE

Когда с боязнью и тревогой,
С сознаньем робким тайных сил,
Впервые жизненной дорогой
Я самобытно поспешил,
Тогда надежд и веры сладкой,
И многих юности прикрас
Чуждался я, — хотя украдкой
И мне мечталося не раз!
И мысль таилась одиноко
И ободрительно в груди,
Что молод я, что так далеко,
Так много, много впереди!

За днями дни промчались мимо,
И годы — быстрой чередой;
Давно отверг я, что любимо
Так прежде пылко было мной.
Хвалой не раз сменился ропот,
Тоской — веселья шумный час...
Чем дальше в жизнь, тем строже опыт,
Тем он суровей учит нас;
Так много мне в борьбе и деле,
Не в очарованном кругу,
Поведал он... Но я доселе
Привыкнуть к жизни не могу.

Когда, смирив огонь кичливый
И гордость пылкую в крови,
Направишь взор неторопливый,
Вниманье, полное любви,
На всё, что так творцом обильно
Тебя кругом расточено,
Что дышит пламенно и сильно,
Что жизнью медленной полно,
Что тихим здесь согрето жаром,
Чем жизнь богата и бедна...
Тогда в душе твоей недаром
Напечатлеется она!

Тогда душа послышит звуки,
Досель не слыханные ей;

Подаст ответ на скорбь и муки
И радость всякую людей,
На зов и клич во имя братства;
Провидит мыслей глубину,
Свои безвестные богатства,
Чужого сердца тишину...

Так пусть душа не унывает
И лени вкрадчивой бежит,
Повсюду взором вопрошает,
Пытливым слухом сторожит
Те вековечные явленья,
Те жизни тайные черты
Недостижимой высоты,
Неистощимого значенья,
Непреходящей красоты!

2 мая 1846

ПОЭТУ-ХУДОЖНИКУ

«Твой дар высок и благороден,
Но бесполезен и бесплоден
Для бед и горестей людских;
Поэту мир юдольный тесен,
А нам, страдальцам, не до песен
Свободных, сладких и живых!
От пышных зал до темной хаты
Все думой страшною объяты;
Но о себе поэт твердит!
Поэт блаженствует, страдая...» —
Ревнуя пользе, молодая
Толпа безумцев говорит!

И пользы ищет близорукой
Она искусством и наукой,
Волнуясь пылко и спеша;
Нередко суд ее превратен...
Но скорбный клич ее понятен,
Ему сочувствует душа!..

Но ты, поэт, толпы призывам
Не верь послушно и сполна:

Морским отливам и приливам
Подобна в мнениях она!
Не мысли подвиг благородный
Рассчетам мелким подчинять;
Страшись, поэт, твой дар свободный
К случайной цели приковать!..
Блажен, кто чист и неизменен
Искусству вечному служил,
Он постоянно современен,
Он для людей полезен был!

Полезны нам его мечтанья,
Его надежда — хороша!
По ним путем образованья
Проходит юная душа!
Нередко стих его летучий
Дает святой отрады час,
И прелесть тайная созвучий
Перевоспитывает нас!

Блажен, кому в удел служенье
Искусству дали небеса,
Кому чрез труд и откровенье
Его доступны чудеса!
Весь мир в нем дивно отразится,
И всё, чем душу мир проник,
В огне души преобразится
И обретет себе язык!..

Трудись, поэт, трудись келейно,
Исполнись веры и любви
И совершай благоговейно
Священнодействия твои!
И день придет, еще далекий,
Когда они благословят
Досугов праздных длинный ряд,
Твой тихий труд и одинокий,
И трезвость дум, и чистоту
Твоих возвышенных созданий,
И благодать твоих страданий,
И бурь душевных красоту!..

9 мая 1846

РУССКОМУ ПОЭТУ

Поэт, взгляни вокруг! Напрасно голос твой
Выводит звуки стройных песен:
Немое множество стоит перед тобой,
А круг внимающих — так тесен!
Для них ли носишь ты в душе своей родник
Прекрасных, чистых вдохновений?
Для них! Народу чужд искусственный язык
Твоих бесцветных песнопений,
На иноземный лад настроенные сны
С тоскою лживой и бесплодной...
Не знаешь ты тебя взлелеявшей страны,
Ты не певец ее народный!
Не вдохновлялся ты в источнике живом
С народом общей тайной духа,
Не изучимого ни взором, ни умом,
Неуловимого для слуха!
Ты чужд его богатств! Как жалкий ученик,
Без самородного закала,
Растратишь скоро всё, чем полон твой родник,
Чем жизнь заемная питала!
Пусть хор ценителей за робкий песен склад
Тебя и хвалит и ласкает!..
Немое множество не даст тебе наград:
Народ поэта не признает!

11 июня 1846

ДОЖДЬ

Тепло и тихо; ливень крупный
Гудит, стуча по мостовой.
Скорей, скорей! Приют доступный
Еще далек передо мной!
По желобам вода струится,
Шумящим падает ручьем;
По скатам бешено катится
Потоком грязи в водоем,
На кры́льца, под навес, тревожно
Досужий прячется народ;

Кой-где по камням, осторожно,
Ступает мокрый пешеход;
Да шляпу завернув в бумажный
Широкий клетчатый платок,
Закинув голову, отважный,
Спешит купеческий сынок.
Порой чрез улицу мелькает
Огромный зонтик иногда,
Тяжелый, синий; и вода
По прутьям звонко ниспадает.
Да в луже целою ступней,
Походкой пьяной и кривой,
Мужик шагает, распевая...
Порой мещанка молодая,
Подол забравши без затей,
Красуясь белыми чулками,
Проходит ловкими ногами
По ребрам вымытых камней!
Но вот блестящая карета
Несется шумно. В ней сидит,
С лорнетом, сморщен и сердит,
Какой-то франт большого света;
Небрежно смотрит, развалясь,
На дождик; зол и полон гнева...
Кругом направо и налево
Колеса вскидывают грязь!..

Но дальше, дальше. Мчатся кони
То мимо лавок и рядов,
То мимо разных благовоний
И ветхих, низменных домов.
Пестреет всё в движеньи скором...
Вот дом огромный за забором.
Я мимо дома проскакал,
И мне, сквозь ряд окошек длинный,
Мелькнули быстро: желтый зал,
Две печи в голубой гостиной,
Да у последнего окна
Сидит красавица, одна...

И вот уносится и скачет
Моя досужая мечта:

О чем грустит и будто плачет,
О чем тоскует красота?
Пред нею даль; окно открыто;
Тепло и тихо; дождик льет...
Всё настоящее забыто,
Одно минувшее живет!
Зачем она поникла взором?..
Иль смущена теперь иным?
Заботой мелкой, женским вздором,
Тщеславьем жалким и смешным?..

А между тем приют доступный
Уж мне мелькнул издалека...
Не продолжи́тся ливень крупный,
И разойдутся облака!
И воздух чистый и прекрасный
Благоуханием пахнет,
И в вечер теплый, тихий, ясный
Душою каждый отдохнет!

13 июня 1846

А. О. СМИРНОВОЙ

<I>

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не в меру,
И вашу мудрость, вашу веру
Теперь я понял глубоко!
Вчера восторженной и шумной,
Тревожной речью порицал
Я ваш ответ благоразумный
И примиренье отвергал!
Я был смешон! Признайтесь, вами
Мой странный гнев осмеян был;
Вы гордо думали: «С годами
Остынет юношеский пыл!
И выгод власти и разврата,
Как все мы, будет он искать
И равнодушно созерцать
Паденье нравственное брата!
Поймет и жизнь, и род людской,

Бесплодность с ним борьбы и стычек,
Блаженство тихое привычек
И успокоится душой».

Но я, к горячему моленью
Прибегнув, бога смел просить:
Не дай мне опытом и ленью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мне сил и помощь божью,
Мой дух усталый воскреси,
С житейской мудростью и ложью
От примирения спаси!
Пошли мне бури и ненастья,
Даруй мучительные дни, —
Но от преступного бесстрастья,
Но от покоя сохрани!
Пускай, не ста́рея с годами,
Мой дух тяжелыми трудами
Мужает, крепнет и растет
И, закалясь в борьбе суровой
И окрылившись силой новой,
Направит выше свой полет!

А вы? вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущают вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье —
Не христианская любовь!
И вы к покою и прощенью
Пришли в развитии своем
Не сокрушения путем,
Но... равнодушием и ленью!
А много-много дивных сил
Господь вам в душу положил!
И тяжело и грустно видеть,
Что вами всё соглашено,
Что неспособны вы давно
Негодовать и ненавидеть!..

Отныне всякий свой порыв
Глубоко в душу затаив,
Я неуместными речами
Покоя вам не возмущу.
Сочувствий ваших не ищу!
Живите счастливо, бог с вами.

15 июня 1846

А. О. СМИРНОВОЙ

<II>

Когда-то я порыв негодованья
Сдержать не мог и в пламенных стихах
Вам высказал души моей роптанья,
Мою тоску, смятение и страх!
Я был водим надеждой беспокойной,
Ваш путь к добру я строго порицал
Затем, что я так искренно желал
Увидеть Вас на высоте достойной,
В сиянии чистейшей красоты...
Безумный бред, безумные мечты!

И этот бред горячего стремленья,
Что Вам одним я втайне назначал,
С холодностью рассчитанной движенья
И с дерзостью обидною похвал,
Вы предали толпе на суд бесплодный:
Ей странен был отважный и свободный
Мой искренний, восторженный язык,
И понял я, хоть поздно, в этот миг,
Что ждать нельзя иного мне ответа,
Что дама Вы, блистательная, света!..

Между июнем и августом 1846

К ***

О преферансе не тоскуя,
Не утруждая головы,
Один мечтанием живу я,
Один бездействую... Но Вы,
Ссылаясь с важностью на опыт,

Смирясь пред наглостью судьбы,
Избрали род иной борьбы,
Где мысль нема, где дремлет ропот,
Где, в боевые вечера,
Вас тешит жар ее бесплодный
И счастья прихоти свободной
Волнообразная игра!
Вы правы, так. Живей и краше
Стократ, чем бальный contredanse;[1]
Отвод деятельности нашей —
Долгоживучий преферанс!

Как быть? жизнь тянется сурово,
Так всюду скучно, всё одно:
Стеснен порыв, робеет слово,
Перу свободы не дано!
Куда идти? и где дорога?
Куда девать богатство сил?
Я долго ждал, я слишком много
В мечте досугов погубил!
Не лучше ль с Вас мне брать примеры?
Завиден жребий, черт возьми:
Вы примиряетесь с людьми,
Все люди годны Вам в партнеры!
Быть так; решаюсь наконец.
Хочу моим досугом править
Отныне картам предоставить...
Но нет, спаси меня, творец,
От безнадежности покорной,
От сна ленивого души,
От жизни долгой, скучной, вздорной,
От прозябания в тиши!

15 августа 1846

* * *

Бывает так, что зодчий много лет
    Над зданием трудится терпеливо
И, постарев от горестей и бед,
    К концу его подводит горделиво.

---

[1] Кадриль (франц.). — *Ред.*

Доволен он упрямою душой,
Веселый взор на здание наводит...
Но купол крив! Но трещиной большой
Расселся он, и дождь в него проходит!

Ломает всё, что выстроено им...
Но новый труд его опять бесплоден
Затем что план его неисполним,
И зодчий плох, и матерьял не годен!

Не так ли ты трудишься, человек,
Над зданием общественного быта?
Окончен труд... Идет за веком век,
И истина могучая разбита!

И всякий раз как много с ней падет
Безвинных жертв рабочего движенья!..
Ужель твое развитие идет,
Как колесо, путем круговращенья?

О род людской! Не раз в судьбе своей
Ты мнил найти и Истину, и Веру,
Затем чтоб вновь разуверяться в ней
И строить храм по новому размеру!

Каким путем ты цели не искал,
К каким богам не воссылал моленья?
Но много ль ты вопросов разгадал,
Но тайный смысл ты понял ли творенья?

К чему же ты нас ныне привела,
Судеб мирских живая скоротечность!
Всё та же власть враждующего зла,
Всё так же нам непостижима вечность.

Но опытом смирилися умы,
Исчезли с ним надежды и утехи;
И жизнь теперь, как бремя, носим мы,
И веры нет в грядущие успехи!..

26 августа 1846

СОВЕТ

(К. С. Аксакову)

Храни устав приличий строгих света,
Волненья дум глубоко затаив.
Их назовут горячностью поэта,
Почтут хвалой твой искренний порыв!

Но похвала горячему движенью,
Как яд крови, опасна и вредна:
Она ведет к вопросу и сомненью,
Свободу чувств смутит в тебе она...

И чистота внезапного порыва
Затмится вдруг тщеславною мечтой.
О, бойся их хвалебного отзыва,
Не щеголяй душевной красотой,

Чтоб гордый свет улыбкой снисхожденья
Не оскорбил восторженную речь:
Бессильных душ порывом не увлечь!
Своей души растратишь ты движенья,
Остынет жар и притупится меч!

1 сентября 1846

МУХАНОВОЙ

Смущен, и тронут, и согрет,
Прочел я отзыв Ваш похвальный,
И Вашей прозе музыкальной
Пишу рифмованный ответ.
С какою смелостью живою
Путь достославный на земли
Вы ободряющей рукою
Мне указуете вдали!
Боюсь — не та моя дорога!
И в простодушной слепоте
Боюсь судить себя не строго,

Боюсь поверить слишком много
Самонадеянной мечте!

Когда б, как Вы, душою нежной,
И я душе упрочить мог
Отраду веры скоробежной
И усмирить порыв мятежный
Сомнений дерзких и тревог;
Когда бы точно величавый
В моей груди таился дар,
Не самозванный, не лукавый,
Не просто молодости жар, —
Тогда принес бы я, напрасной
Себя борьбою не губя,
На подвиг чистый и прекрасный,
Высокий, стройный, сладкогласный
Всю жизнь свою, всего себя!
Но я, я грустного сознанья
В пустых мечтах не заглушу:
Я богом данного призванья
В груди бездарной не ношу.
Стремясь достигнуть идеала,
Гонясь за творчеством живым,
Бессильной мукою томим,
Казнюсь я казнию Тантала!

11 октября 1846

К ПОРТРЕТУ

Смотри! толпа людей, нахмурившись, стоит.
Какой печальный взор! какой здоровый вид!
Каким страданием томяся неизвестным,
С душой мечтательной и телом полновесным,
Они речь умную, но праздную ведут;
О жизни мудрствуют, но жизнью не живут
И тратят свой досуг лениво и бесплодно,
Всему сочувствовать умея благородно!
Ужели племя их добра не принесет?
Досада тайная подчас меня берет,
И хочется мне им, взамен досужей скуки,

Дать заступ и соху, топор железный в руки
И, толки прекратя об участи людской,
Работников из них составить полк лихой!..

Между 15 и 20 октября 1846

САННЫЙ БЕГ, ВЕЧЕРОМ, В ГОРОДЕ

Бежит стрелой неудержимо
Озябший конь;
Дома, столбы несутся мимо,
Блеснет огонь.
Теней бродящих вереница
Во тьме ночной
Скользит поспешно; в окнах лица
Мелькнут порой;
И брань и шум внезапной встречи
На краткий миг,
И недослышанные речи,
И смех и крик!..
Отрадно мне! люблю хрустливый
Морозный снег, —
По нем тревожно-торопливый
Лихой набег!
Когда зима здоровьем пышет
В лицо, и грудь
Смелей, вольней, бодрее дышит, —
Мне весел путь!
Мне благодатен зимний холод,
И полюбил
Я снова жизнь, и добр, и молод,
И полон сил!
И вновь стремлюсь, и не послушен
Своей судьбе,
Отважен, горд, великодушен,
Готов к борьбе!
И вновь я слышу вдохновенья
Святой призыв:
Теснятся в душу песнопенья
Наперерыв!
Так много, много сил свободных
В груди моей

Для всяких чистых, благородных,
Живых страстей!..
Отрадно мне! Порыв мятежен,
Подумал я,
Но краток он и скоробежен,
Как бег коня!
Исчезнет мир мечты свободной,
И с нею вновь
В труде пустом, в тоске холодной
Смирится кровь.
Пусть так! я рад, когда, усталый,
В заботах дня,
На сладкий миг, хотя и малый,
Забудусь я!

Ноябрь 1846

CAPRICCIO

Законы осуждают
Предмет моей любви.

(Старинный романс)

Напев, давно забытый мною,
Опять преследует меня!..
Знакомец старый, где с тобою,
Когда и как сдружился я?
В часы ли тягостные скуки,
В минуты ль радости живой
Я под твои простые звуки
Носился вольною мечтой?..
Как часто мне, в дали туманной,
Сквозь дел и дум докучный ряд,
Вдруг звуки памятью нежданной
Былое время озарят!..

Теперь, конечно, — я не скрою —
Романсы прежние смешны,
Но я люблю внимать порою
Романс унылый старины!
Под лад мотива старомодный
Слежу фантазией свободной
Его бывалую судьбу:

Как много раз его, в печали,
Уста красавицы певали,
Любви упреки и борьбу
Чужою речью выражали!
Его чувствительный напев
Свидетель многих был мучений
В домашней драме приключений
Влюбленных юношей и дев!

Старушки с прелестью былою,
Ко мне! Я дряхлые черты
Одену свежей красотою,
Всесильной властию мечты!
Я пудрой волосы седые
Украшу снова. Я отдам
Улыбку яркую устам
И в душу чувства молодые,
Движенью легкость, томный взгляд
И обольстительный наряд!
Поставлю тесной вереницей
За своенравною певицей
Кругом открытых клавикорд;
Пред ней лежат, пестрея, ноты,
На нотах нимфы и эроты
Везде красуются... Аккорд
Берет она рукой небрежной,
И вот чувствительный и нежный
Романса слышится куплет.
Она поет с тоской и жаром,
Она поет его недаром:
Кому-то в нем лежит ответ!
Вздыхатель страстный...
Но довольно!
Времен отжитые черты,
С какой улыбкою невольной
Рисуют вас мои мечты!
Смешны теперь нам эти нравы
И простодушные забавы!
Презреньем к прошлому дыша,
Иначе любит и страдает,
И не о том уже мечтает
В нас беспокойная душа.

Всегда готовы мы к отпору,
И красоты не верим взору,
Суровой твердостью гордясь...
Но иногда, борьбой сомнений,
Бесплодной мукою стремлений
И дум высоких утомясь,
Я, как теперь, в отраду скуки,
Люблю вечернею порой
Под гармонические звуки
Забыться вольною мечтой!..

1846

* * *

Блаженны те, кто с юношеских лет
Заботой дум себя не отравили,
Но радостей сорвали полный цвет,
Но на земле для жизни только жили!

И наконец под старость, в добрый час,
Когда грешить им стало не под силу,
Покаялись на случай, про запас,
И отошли в холодную могилу!..

1846

ПАНОВУ

Хотел я прозой и стихами
Вам изготовить целый лист,
Но срок прошел и перед вами
Винюсь я, милый журналист!
И приношу чистосердечно
Вам покаяние мое,
Вы сами знаете, конечно,
Как здесь промчалось скоротечно,
Лениво, сонно и беспечно
Мое домашнее житье!
Привычкой сладостной покоя
Тревогу мысли заглуша,

От строгих дум, труда и боя
Отстала мирная душа.
Вопросы спят, и стихли звуки,
И поэтический призыв,
И очистительные муки,
И освежительный порыв!
Среди пленительного круга
Семьи домашней и друзей
Не раз сурового досуга
Я пожелал душе моей!
И, полон тайного стремленья
В беседе шумной и живой,
Нередко рвусь с своей мечтой
Я на простор уединенья,
И мнится — в звучной тишине
Знакомый мир предстанет мне!..

1846

ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Ю. ЖАДОВСКОЙ

В наш век пересуда, страдальческий век
Сомнений, вопросов, раздумья,
Стал скуден душой и бежит человек
Порывов святого безумья.

В нем ум, изощренный трудами веков,
Так зорок, разборчив и гибок!..
В нем чувство стыдится обманчивых снов
И сердце боится ошибок.

И мир обнаженный стал грустен и пуст
Для бедного, праздного чувства,
Не слышно вещаний пророческих уст,
Святых откровений искусства!

Рой светлых видений и грез отлетел,
Пытливых очей убегая:
Нам думы и думы достались в удел,
Тяжелым ярмом налегая...

Но я красотою мечтанья и сна
Любуюсь и радуюсь вчуже:
Мне веет отрадой и негой она,
И так непривычна к тому же!

Былые напевы, преданья отцов
Люблю я душой староверца,
И прелесть сих женских, небрежных стихов,
Поэзию чистую сердца!

Отрадней, доступней, приветней для Вас
Те сладкие, тихие звуки,
Чем мой непрерывный, тяжелый рассказ
О страшных вопросах, волнующих нас,
Чем все современные муки!..

19 декабря 1846

* * *

Мы все страдаем и тоскуем,
С утра до вечера толкуем
И ждем счастливейшей поры.
Мы негодуем, мы пророчим,
Мы суетимся, мы хлопочем...
Куда ни взглянешь — все добры!

Обман и ложь! Работы черной
Нам ненавистен труд упорный;
Не жжет нас пламя наших дум,
Не разрушительны страданья!..
Умом ослаблены мечтанья,
Мечтаньем обессилен ум!

В наш век — век умственных занятий —
Мы утончились до понятий
Движений внутренних души, —
И сбились с толку! и блуждаем,
Порывов искренних не знаем,
Не слышим голоса в тиши!

В замену собственных движений,
Спешим, набравшись убеждений,

Души наполнить пустоту:
Твердим, кричим и лжем отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!

И, предовольные собою,
Гремучей тешимся борьбою,
Себя уверив без труда,
Что прямодушно, не бесплодно
Приносим «мысли» благородно
Мы в жертву лучшие года!

Но, свыкшись с скорбью ожиданья,
Давно мы сделали «страданья»
Житейской роскошью для нас:
Без них тоска! а с ними можно
Рассеять скуку — так тревожно,
Так усладительно подчас!

Тоска!.. Исполненный томленья,
Мир жаждет, жаждет обновленья,
Его не тешит жизни пир!
Дряхлея, мучится и стынет...
Когда ж спасение нахлынет
И ветхий освежится мир?

1846 или 1847

* * *

При кликах дерзостно-победных,
Торжеств блестящей суеты,
О, сколько раз красавиц бедных
Встречал я грустные черты!
И в них, приличию послушных,
Сквозь блеск и шум читалось мне
Так много жертв великодушных,
Так много горя в тишине!..

Легла на вас — условий разных,
Неумолима и тяжка,
Приличий света безобразных,
Житейской мудрости рука!

Должны вы стон многострадальный
От всех далеко затаить...
Хотел бы я душой печальной
Все ваши скорби разделить!
Хотел бы я лампадой ночи
Светить пред ней в заветный час,
Когда подъемлет к небу очи
Одна страдалица из вас,
Чтоб видеть пыл душевной битвы
Перед творцом, наедине,
Чтоб слышать мне полет молитвы
В благоуханной тишине!..

Я святость тайны не нарушу:
О, дай понять мечты твои
И врачевать больную душу
Словами мира и любви!
Пускай теперь мой стих летучий,
Как дань участья моего,
Волшебной властию созвучий
Дойдет до сердца твоего!..

2 февраля 1847

* * *

Что мне сказать ей в утешенье,
Чем облегчить ярмо судьбы?
Она отвергнет примиренье,
Она не вынесет борьбы!
Ее ли чувство не глубоко!
А сколько зла судили ей
Так простодушно, так жестоко
Законы мудрые людей?..
Пускай же, миром позабыта,
Она страдает до конца,
Живой упрек земного быта
И обличение творца!..

Февраль 1847

* * *

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя встают задачи,
Вокруг тебя мольбы, и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Тебя огнем палящей жажды
Добра и подвигов не жгло?

Ты возлюбил свое безделье
И сна душевного недуг.
В пустых речах, в тупом веселье
Чредою гибнет твой досуг.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
С неправдой быта своего,
С уродством всех его увечий,
Не разъяснив противоречий,
Не разрешая ничего!

Пред богом ленью не греши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всем пылом дерзостным души!
Освободись, в стремленье новом,
От плена ложного стыда,
Позорь, греми укорным словом,
Подъемля нас всевластным зовом
На дело общего труда!

Безумцем слыть тебе у всех!
Но пред святыней убежденья
Ничтожны мира оскорбленья
И прелесть жизненных утех.

Кто может здесь, презрев преграды,
Без ободренья, без награды

Безумно правду полюбить,
Тот век стремись за правды светом...
Одним безумцам в мире этом
Дано лишь истину добыть!..

Февраль 1847

* * *

Свой строгий суд остановив,
Сдержав готовые укоры,
Гордыню духа усмирив,
Вперять внимательные взоры
В чужую душу полюби...
Верь: в каждой пре́зренной и пошлой,
В ее неведомой глуби,
И в каждой молодости прошлой
Отыщешь много струн живых,
Мгновений чистых и прекрасных,
Порывов доблестных и страстных
И тайну помыслов святых!

Благие в жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелеять семена,
Когда мечты роями вьются;
И чутко сердце к красоте,
И сердце он другое любит, —
Пока в житейской суете
Себя напрасно не погубит;
И постепенно, день за день,
Окаменеет он лениво...
Бери ж надежное огниво,
Ударь в заржавленный кремень!..

Да не смутит же сор и хлам,
На сердце жизнью наносимый,
Твоих очей! Пусть смело там
Они провидят мир незримый.
Любовью кроткою дыша,
Вглядись в него: и пред очами

Предстанет каждая душа
С своими вечными правами.
Поверь: нетленной красоты
Душа не губит без возврата;
И в каждом ты послышишь брата,
И бога в нем почуешь ты!

Между январем и апрелем 1847

* * *

Странным чувством объята душа,
Будто хочет проститься с землею,
Будто всё, чем земля хороша,
С бесконечной и пестрой семьею,
Всё покинуть ей до́лжно спеша!..

И с порывом тоскливо-больным
Про́сит воли, — на миг позабыться,
Всё вместить, полюбить, всем земным,
Всем дыханием жизни упиться,
Всем блаженством ее молодым!..

Между январем и апрелем 1847

ОТДЫХ

В жизни путь предназначив себе,
На него я без страха гляжу,
И, скупой покорившись судьбе,
Твердо цель я простую слежу.

Много было вопросов в груди,
Всяких смелых порывов и грез,
И надежд предо мной впереди,
И ненужных страданий и слез.

Все мечты обличить я умел,
Не пришлось им меня обмануть,
И, поняв ежедневный удел,
Я побрел в незаманчивый путь...

Нынче целый трудился я день,
Утомленный, сижу без огня, —
И покой, и законная лень
Сладкой негой объемлют меня.

Тихо. Ночь. На простор голубой
Из-за туч выплывает луна,
Белый свет пробежит полосой,
В тучи снова уходит она.

И сменило заботливый шум
Беспокойной дневной суеты
Время стройных и медленных дум,
Время легких видений мечты...

Всё, что в сердце давно улеглось,
Что таила души тишина,
Всё нежданно с глуби поднялось,
Всколебалось до самого дна!

Все вопросы моей старины,
Неоконченных песен слова,
Все мои позабытые сны,
Все забытые жизни права!

Стаю дум поднимая собой,
Шепчет голос лукавый в тиши,
И слабеют — трудом и борьбой
Напряженные силы души!..

О, вернись, утомительный день!
Пристыди малодушную ночь,
Ярким светом природу одень,
Отгони всё неверное прочь!

Снова жизнь, без прикрас и затей,
В ежедневных размерах яви
И насмешкою бодрой рассей
Полуночные грезы мои!

1847

* * *

Не дай душе твоей забыть,
Чем силы в юности кипели,
И вместо блага, вместо цели
Одно стремленье полюбить.
Привычка — зло. Одним усталым
Отраден дух ее пустой...
Стремясь, не будь доволен малым
И не мирись своей душой!..

Хоть грезим мы, что цели ясны,
Что крепок дух и прочен пыл,
Но для души ленивых сил
Пути нескорые опасны!
Но стынет жар с теченьем лет,
Но каждый подвиг наш душевный,
Прожитый жизнью ежедневной,
Готов утратить прежний цвет!

1848

А. П. ЕЛАГИНОЙ

Душевных тайн не прозревая,
Ее не ведая путей,
Не раз один хвала людская
Взмутила глубь души моей.
Больней хулы, больней упрека
Звучит, увы! мне с давних пор
Обидной колкостью намека
Хвалебный каждый приговор!

Мне ведом мир, никем не зримый,
Души и сердца моего,
Весь этот труд и подвиг мнимый,
Весь этот дрязг неуловимый
Со всеми тайнами его!..
С каким же страхом и волненьем
Я дар заветный увидал
И пред святым изображеньем,

Как перед грозным обличеньем,
С главой поникшею стоял!

Но я с болезненной тоскою,
С сознаньем немощей земных,
Я не гонюсь за чистотою
Всех тайных помыслов моих!
Стыжусь бодрить примером бога
Себя, бродящего во мгле...
Пусть приведет меня дорога
Хоть до ничтожного итога
Случайной пользы на земле!..

1848

ПОСЛАНИЕ К Л. И. АРНОЛЬДИ

Нет, не фа́та формошика,
Не дудука в цвете лет,
Черноброва, мититика
Нежный шлет тебе привет;
Не молдавская кукона,
Ратник правды и закона,
Посулит тебе наград...
Нет, письма сего виновник
Стихотворец и чиновник,
Твой кочующий собрат.

Славных дел твоих отгула
Вся далекая полна,
От Днестра и до Кагула,
Новой Руси сторона!
Ты бежал трудов доселе;
Я твердил тебе о деле,
Я твою позорил лень;
Но теперь ты мне любезен,
Твой досуг общеполезен,
Труден труд, но честен день!

Жаром подвига объята,
Пусть рука громит сплеча

Спесь и злость аристократа
И неправду богача!
Станет лгать на спрос докучный,
Оробев, развратник тучный,
Он, подобьем требуха!..
Ты раскрой тот быт безбожный,
Наглый срам, порок вельможный,
Мерзость знатного греха!

И, познавши сладость дела,
Доведешь его тогда
До желанного предела,
До надворного суда.

Декабрь 1848

* * *

Пусть гибнет всё, к чему сурово
Так долго дух готовлен был:
Трудилась мысль, дерзало слово,
В запасе много было сил...
Слабейте, силы! вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!

Так сокрушись, души гордыня,
В борьбе неравной ты падешь:
Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь!
Она страшней врагов опасных,

Сильна не внешнею бедой,
Но тратой дней и сил прекрасных
В борьбе пустой, тупой, немой!..

Ликуй же, Ложь, и нас, безумцев,
Уроком горьким испытуй,
Гони со света вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабейте ж, силы!.. вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Февраль 1849

N. N. N., ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Противен смех и говор шумный
Обычных, суетных речей —
Живой, законной и разумной,
Внезапной скорби наших дней.
Ужели свет, ярму послушный,
Не может ныне, малодушный,
Почтить страдание сполна,
Уважить памятью особой,
Когда Бессмыслицей и Злобой
Святая правда попрана?..

Нет! словом злым и делом черным
До дна души потрясены,
Мы все врагов клеймом позорным
Клеймить без устали должны!
Но если в ком души не станет,
Кто совесть выгодой обманет
И ниц пред Силою падет, —
Тот жди грозы! Тот год от году
Грешнее богу и народу
И месть обоих призовет!..

Март 1849

* * *

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне:
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

Ее в своем безумье яром
Гнетут усердные рабы...
А мы молчим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!

И слово правды оробело,
И реже шепот смелых дум,
И сердце в нас одебелело —
Порывов нет, в забвенье дело,
Спугнули мысль... стал празден ум...

Декабрь 1849

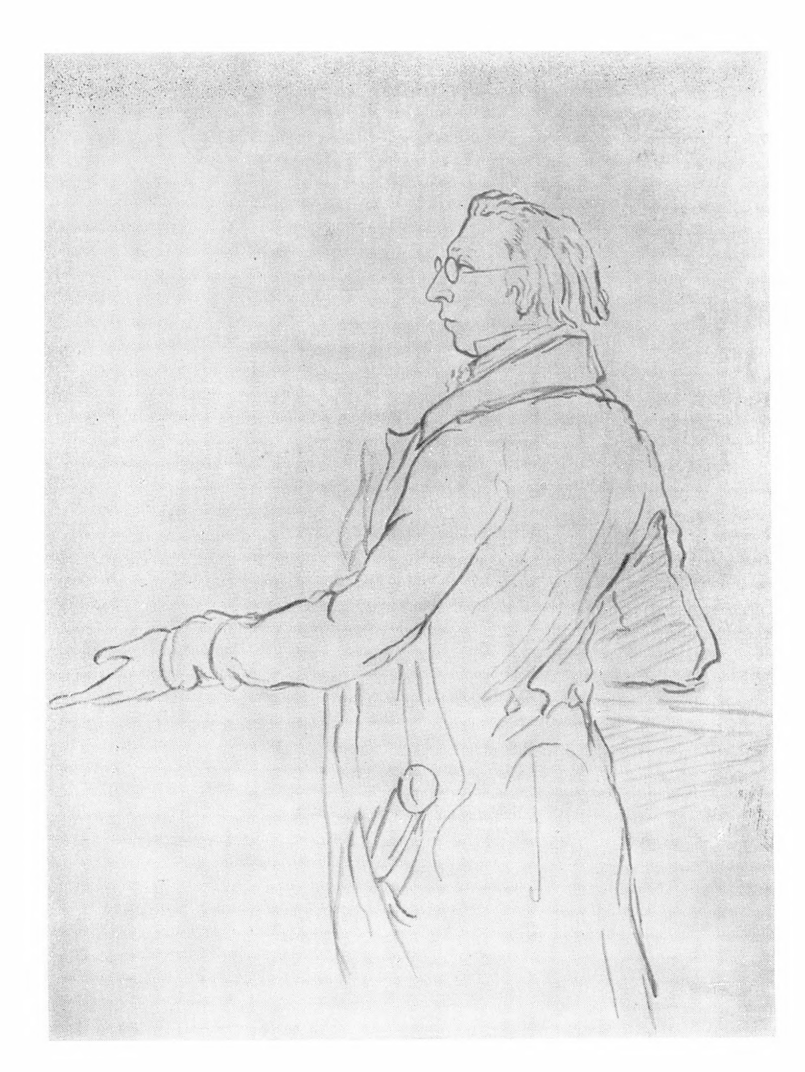
* * *

Усталых сил я долго не жалел.
Не упрекнут бездействием позорным
Мою тоску; как труженик, умел
Работать я с усердием упорным.

Моей душе те годы нелегки;
Скупым трудом не брезгал я лукаво,
И мнится мне — досуга и тоски
Купил себе я дорогое право!..

В былые дни поэтов чаровал
Блаженства сон, эдем в неясной дали...
Почуяв ложь, безумец тосковал,
И были нам смешны его печали!

И, осмеяв его бессильный плач,
Я в жизнь вступил путем иных мечтаний:

К трудам благим, к решению задач,
На жаркий бой, на подвиг испытаний

Все помыслы, все силы, всю любовь
Направил я, и гром далекий слышал!..
Лгала и ты, о молодая кровь,
Исчез обман, едва я в поле вышел!

И понял я, что спит желанный гром,
Что, вместо битв, нередко с бранным духом
За комаром бежим мы с топором,
За мухою гоняемся с обухом!

И понял я, что подвигов живых,
Блестящих жертв, борьбы великодушной
Пора прошла, — и нам, в замену их,
Борьбы глухой достался подвиг скучный!

Отважных сил не нужно в наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны нам — затем, что все они
Так хороши, так ярки, так красивы.

Есть путь иной, где вера нелегка:
Сгорает в нем порыва скорый пламень;
Есть долгий труд, есть подвиг червяка:
Он точит дуб... Долбит и капля камень.

Невзрачный путь! тебе я верен был!
Лишен ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложил
Тяжелый гнет упорного терпенья!..

Но слышно мне порой, в тиши работ,
Что бурных сил не укротило время...
Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..

23 ноября 1850

ПОСЛЕ 1848 ГОДА

Глагола ему Пилат:
Что есть истина?

Иоан. XVIII, 38.

Пережита́ тяжелая година;
Была борьба и пролилася кровь.
Последних грез решалася судьбина...
Но дряхлый мир не обновился вновь!

И вера в нем последняя разбилась!
Он счастья ждал от мудрости земной —
Она ему обманщицей явилась,
А истины не видит он другой!..

О гордый ум! средь дерзостной надежды
Вдруг старым вновь ты словом поражен,
Что вечно здесь тебе удел невежды
Неведомой судьбою обречен.

Среди побед над силами природы,
Среди чудес, что всюду ты воздвиг,
Раскрыл ли нам ты таинство свободы,
Каким путем блаженства ты достиг?..

Смутился мир... окрест себя взирая,
Обломки вер он видит пред собой:
Возникнет мысль... является иная,
Миг отживет и сменится другой!

Безумец пал, весь преданный мечтанью,
Но сном почить страдалец не успел:
Еще живой, он предан осмеянью,
Уже забыт для новых жертв и дел!..

И мы, трудясь, трудам своим не верим,
И втайне мы не верим ничему;
Бежим ли в бой, на гибель?.. лицемерим,
Назло себе, наперекор уму!

Где ж истина?.. Безмолвствует могила,
Везде алтарь разрушенный стоит...

Какая ж мир зиждительная сила
Для жизни вновь и веры оживит?..

Но слово есть... Любви, свободы, света
Оно создать пыталось дивный храм...
Вполне ль оно дождалося ответа?..
Сдержало ль всё, что обещало нам?..

Иль на земле с землею примиренье
И счастье дать не властно и оно,
И нам, живым, дарует утешенье,
Что мертвым лишь блаженство суждено?..

Вам слово то дало ль отраду мира,
Скажите мне, вы поняли ль завет,
Вы, заживо умершие для мира,
Ты, на столбе стоявший тридцать лет,

Ты, целый век молившийся в пустыне,
Ты, в гробовой себя зарывший мгле,
Святые все безумцы! дайте ныне
Ответ: где жизнь, меж вас иль на земле?..

И вправе ли или не вправе к счастью
Стремиться здесь, средь мира, человек,
Он, созданный ему безвестной властью,
Он, мучимый страданьем целый век?

В пещере ль жизнь? в пустыне ль примиренье?
Вопросы те ужель не решены?
Стремление, мученье и сомненье
От века нам, как видно, суждены!..

Безмолвно всё!.. Но если в мире этом
Есть истина, неведомая нам,
Блесни лучом, откликнись мне ответом,
На твой алтарь всего себя отдам!

Перед собой устал я лицемерить!
Для дел твоих мне силы сбереги...
О, если есть, чему я должен верить,
Ты моему безверью помоги!..

31 декабря 1850

К. Ф. МИЛЛЕР

Есть много истин задушевных,
Есть много старых, добрых слов:
Добыча праздных языков,
От повторений ежедневных
Они не будят сердца в нас,
Звучат без смысла и значенья...
Зато случаются мгновенья,
Такой простой находит час,
Такие нам бывают встречи,
Когда, стыдяся слов пустых,
Как будто вновь те слышишь речи,
Впервые будто молвишь их.

Так, вещь, не новую в подлунной,
Твержу я с новой простотой;
Я рад, что с Вашей многострунной
Созвучно встретился душой,
Что много всякого богатства
Моя душа в Вас обрела,
Что правда дружбы, правда братства
Меж нас уставиться могла!
Причудам мелким не подвластный,
Я путы светские рассек,
И честен он, мой суд бесстрастный:
Мне дела нет, что Вы прекрасны,
Но Вы — хороший человек.
Я не могу хвалить иначе, —
Себя б и Вас я обманул...
Я будто сам душой богаче
С тех пор, как в Вашу заглянул!

Счастливой, трудной ли дорогой,
Я верю, жизнь пройдете Вы
Путем добра и правды строгой,
Не оскудев любовью многой,
Не устрашась людской молвы!
В той вере твердой — на разлуку
Без опасений я смотрю.
Простите ж! Крепко жму Вам руку
И снова Вам я повторю

Всей силой трезвого участья
Звучащий искренно привет:
Бодрее в путь! Дай бог Вам счастья!
Дай бог Вам много светлых лет!..

7 января 1851

МОИМ ДРУЗЬЯМ,
НЕМНОГИМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ, СОСТОЯЩИМ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В среде бездушной, где закон
Орудье лжи, где воздух смраден
И весь неправдой напоен, —
Один лишь ты мне был отраден,
Ты, малочисленный союз
Мужей без страха и без лести,
Себя добром взаимных уз
Скрепивший для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзких замышлений;
Вы не взложили на себя
Задачи целых поколений.
Скупой покорствуя судьбе,
Избравши путь, неяркий с виду,
Вы обрекли себя борьбе,
И слабых внемлете мольбе,
И мстите бедного обиду.

Я знаю — подвиг вам сужден
Докучный, тесный, ежедневный,
Но сколько раз прекрасней он
Печальной праздности душевной,
Бесплодным преданной мечтам!..
А вы, средь козней и проклятий,
Всё тот же пыл несли к трудам...
Мужайтесь! сил добудут вам
Благословенья меньших братий!

Я знаю — мелок ваш удел,
Но пышен плод усилий дружных:

Невинный в битве одолел —
Проснулась бодрость в *безоружных!*
И мог обиженный не раз
Изведать здесь, в среде разврата,
Что встретит в каждом он из вас,
На всякий день, на всякий час,
В делах добра слугу и брата!

Так пусть же дремлет в тишине
Тоска несбыточных желаний;
Зато, без праздных ожиданий,
Вы люди честные вполне.
Так жизнь скупа! предел так краток!
Надеждам смелым не созреть!
И благо всем, кому без взяток
Придется здесь разов десяток
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стесненным грудям
Простор и воздух в душной мгле...
Так благо вам, хорошим людям,
За ваше дело на земле!

Декабрь 1851

* * *

Могучим юности призывам
Правдивый выслушай ответ:
Не уступай ее порывам,
Не верь кипенью бурных лет!
Ее любви восторг поспешный
Бежит труда. Дороже ей
Ненужный шум борьбы потешной,
Красивый жар ее страстей;
Ей недоступен подвиг темный,
И много грешной суеты
Таит нередко пыл нескромный
Ее возвышенной мечты!
И речи, шумные для слуха,
В разладе с правдой и добром!..

Не в блеске дел, не в буйстве духа
Мы силы духа познаем!

Пусть твердость мужа, с беспощадной,
Докучной зоркостью суда,
Блюдет от той заразы смрадной
Заслугу честного труда.
И, всех тщеславных обольщений
Мятеж корыстный усмирив —
Да будет свят тебе призыв
Одних лишь строгих побуждений!
Чтоб, трезвым мужеством дыша,
Ты не робел судьбы бесславной,
Чтоб шел ты честно в бой неравный,
Чтоб ненавидела душа —
Где б ни был ты, в глуши ль невидной,
Иль на опасной высоте —
При бодрых силах сон обидный,
С неправдой мира мир постыдный,
Потворство лжи и суете!..

Март 1852

* * *

Добро б мечты, добро бы страсти,
С мятежной прелестью своей,
Держали нас в могучей власти,
Сбивали нас с прямых путей!
Нет! счастьем мелкого объема
Довольны мы, без бурь и грома
И мирно путь проходим свой,
И, тратя жизнь разумной мерой,
С туманным днем, с погодой серой
В согласный лад живем душой.

Но эта жизнь — ни сон, ни бденье,
Бог знает что! Подчас, друзья,
Какое горькое презренье
К себе и к вам питаю я!
Нам всё дано! Мы грубой ложью

Затмить не в силах правду божью, —
Так ярок свет ее вдали!
Ее мы чтим, о ней мы тужим...
Но где же храм, в котором служим?
Какие жертвы принесли?

А впрочем, мы, дворянской ленью
Врачуя совести недуг,
Святому истины служенью
Свой барский жертвуем досуг!
Мы любим к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу
Иль в поздней ужина поре,
В роскошно убранной палате,
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре!

Что ж толку в том? Проходят лета, —
Любовь по-прежнему мертва!
О, слово старое поэта:
«Слова, слова, одни слова!»
Не то чтоб лгали мы бесстыдно,
Но спим, но дремлем мы обидно;
Но постепенно силы в нас,
Пугаясь подвигов суровых,
Средь мелких благ, средь благ дешевых,
Счастливо гаснут каждый час!

Не всё же сон! Худых желаний
Соблазн послышав иногда,
Обману ловких оправданий
Мы поддаемся без труда.
Мудрец умом, хитрец душою,
Как примирился ты с собою?
Как столько выгод согласил
Ты с духом мудрости змеиной,
Какой «златою серединой»
Ты путь опасный проходил?..

Нет! темных сделок, боже правый,
С неправдой нам не допусти,

Покрой стыдом совет лукавый,
Блаженство сонных возмути!
Да пробудясь в восторге смелом
С отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самым делом
Почтим веления твои!

Апрель 1853

* * *

Опять тоска! опять раздор!
Знакомых дум знакомый спор!
Давно ли я мечту спровадил,
На мирный строй себя наладил
И сам поверить был готов,
Что жизнь права, что я доволен...
И вот опять я болен, болен
И для тоски не знаю слов!

И скажут мне — и знаю сам, —
Что бесполезен ропот нам,
Что жизни путь призванью верен,
Что мудрый ход ее измерен...
Всё это ведаю давно!
Всё мной самим или друзьями
Раз двести, прозой и стихами,
На все лады повторено!

Всё это сердца не мирит!
Душа в огне, душа горит, —
Она насилью ждет отпора,
Ей нужно воли и простора,
Все силы в подвиг положить
Велит ей дух неугомонный...
Души мятеж и бунт законный,
Бесплодны вы!.. Но так и быть!

Бесплодна ты, тоска моя!
Твою законность слышу я!
Не грез обман в туманной дали
Виною скорби и печали,

Но гибель силы молодой,
Но гнет всего, что дух возносит,
Чего душа безумно просит —
Служенья истине живой!

Молчи же, умник! твой совет
Давно знаком мне, с детских лет.
Всегда в труде, с судьбой не споря,
Я праздным днем не тешил горя;
Но сердце тщетно вдалеке
Восхода утра ожидало...
И ныне сил моих не стало —
Я волю дал моей тоске!

Но я пределы наложу
Души святому мятежу;
Примусь, смиряя пыл душевный,
За мелкий труд мой ежедневный,
И побредет со мною он
День за день, шагом, до могилы...
Есть силы, боже!.. гибнут силы!
Есть пламень честный... гаснет он!..

1853

* * *

На Дунай! туда, где новой славы,
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где, на спор взирая величавый,
Целый мир ждет божьего суда!

Чудный миг! миг строгий и суровый!
Там, в бою сшибаясь роковом,
Стонут царств могучие основы,
Старый мир об мир крушится новый,
Ходят тени вещие кругом.

И века над ратными полками
Грозными виденьями встают,
Мрачными глядят на них очами,

Держат свитки длинные руками —
К страшному ответу их зовут.

Там, сквозь пыл, и стоны, и рыданье,
Гул и гром тревоги боевой,
Чьих-то крылий слышно трепетанье,
Чье-то дышит мерное дыханье,
Чья-то длань простерлась над землей!

На Дунай! что медлишь ты напрасно?
Слыша сил властительный призыв,
Подвигов у бога ежечасно
Ты просил... Мгновение прекрасно;
Подвиг свят и праведен порыв!

О, туда! Отрадно на просторе
Там вздохнуть средь жизни мировой,
В горе всех — свое растратить горе,
В счастье всех — исчезнуть будто в море,
Хода дней не слышать над собой...

В общей жизни — жизнью потеряться,
В общем деле — свято послужить:
Дням таким уж вновь не возвращаться.
На Дунай! Что медлить? чем смущаться?
Раз один дается в мире жить.

Так проси ж у бога сил небесных,
Всё для дня великого забудь,
Весь зажгись огнем восторгов честных,
Меж рабочих темных и безвестных
Ты везде рабочим добрым будь!

26 апреля 1854

ОТВЕТ

Я знаю — в час тоски тревожной
Мой жесткий стих тебя смутил,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбил.
Ты мир души не видишь тайный,

Ты за вседневный принял строй
Восторга миг необычайный,
Порыв поэзии живой.
Нет! пусть дары ее высоки,
Но даже лучшие жрецы
Во храме — вещие пророки,
Вне храма — жалкие слепцы!
Пускай поэт — небес избранник,
Но, к долу снидя с высоты,
Он снова узник, раб и данник
Страстей и мелкой суеты!

Так, в громких звуках песнопенья
Сокрыты всем мои борьбы,
Мои нечистые влеченья
И сердца тайные судьбы...
Всё то, что жарко ненавидел,
Всю власть общественного зла
В себе самом я с детства видел,
Во мне самом она жила! —
И вот, тоской объят душевной,
Из хора всех доступных муз
Я с музой бодрой, строгой, гневной
Вступил в воинственный союз!

Сурово песнь ее звучала,
Ничто не грело сердца в ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзии своей.
Не прелесть праздного мечтанья,
Не нега сладостных молитв,
Но злой порыв негодованья,
Жестокий суд, призывы битв,
Отвага дерзко-молодая
В ней вдохновляли песен строй, —
И каждый раз, к другим взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мне, за каждый проблеск нежный,
Был обращен ее укор,
Меня в стихах ее мятежный
Казнил так часто приговор!..
Но никогда на гибель брата,

Неправде в честь, во славу зла
Она наперсницей разврата
В моем паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласил веселый стих...
Ее хвали: умней и чище
Она и дел и чувств моих!
Но муза строгая немеет,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стих души не греет:
Другого слова нужно ей!
В моих строфах насмешку злую
Читаю я; я слышу в них
Души разлад и боль немую
Сердечных судорог моих.
Но, как плащом, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою пред жизнию живою
Без животворного труда.
Порыв, упрек, негодованья,
Как мне наскучил ваш причёт!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодов живых не принесет!..

Отвергну ль путь?.. Решить не смею;
В стремленьи новом есть ли толк?
Но с музой гневною моею
Теперь надолго я умолк.

1857

НА 1858 ГОД

День встает, багрян и пышен,
Долгой ночи скрылась тень,
Новой жизни трепет слышен,
Чем-то вещим смотрит день!
С сонных вежд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна,
Вышла с богом на работу
Пробужденная страна.

Так торжественно-прекрасно
Блещет утро на земле;
На душе светло и ясно,
И не помнится о зле,
Об истекших днях страданья,
О потрате многих сил
В скорбных муках ожиданья,
В безвременности могил!

Пусть почиют мирно гробы
Тщетно ждавших столько лет!
Память им! Но в сердце злобы,
Ни вражды, ни мести нет.
Всё простит он без расчета,
Устоявший в дни тревог, —
Он, чей дух годину гнета
Пережил и перемог.

Слышишь: новому он лету
Песню радости поет:
Благо всем, ведущим к свету,
Братьям, с братьев снявшим гнет.
Людям мир, благословенье,
Долгих мук исчезнет след,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привет!

31 декабря 1857

* * *

Навстречу вещего пророка
И с ним грядущего суда —
Еще в ночи, еще востока
Дрожала яркая звезда —
Он вышел, град покинув сонный,
Не взяв ни пищи, ни одежд,
В тоске святой, неугомонной,
Свершенья чающей надежд!
Кругом лишь темь да влага ночи,
Не скоро светлый день взойдет...

Но он, во мрак вонзая очи,
Стоит и ждет; стоит и ждет.

И мыслит: «Чаемый, молимый
День наступает. Близок срок.
Узрю тебя, досель гонимый,
Но ныне судящий пророк!
Не призрак ты: с костьми и кровью,
Как мы, в плоти́ идешь ты к нам...
С каким стенаньем и любовью
Я припаду к твоим ногам!
И всё, что в эти дни и годы
Терзаний, мук изведал я,
Всё в этот миг, пророк свободы,
Благословит душа моя!
Какое утро миру встанет!
Какая вера вспыхнет в нем!
С каким позором зло отпрянет
Перед святым твоим челом!
Свершишь ты жертвы очищенья —
И в жизнь оденутся слова:
Освобожденья, обновленья,
Любви и правды торжества!..

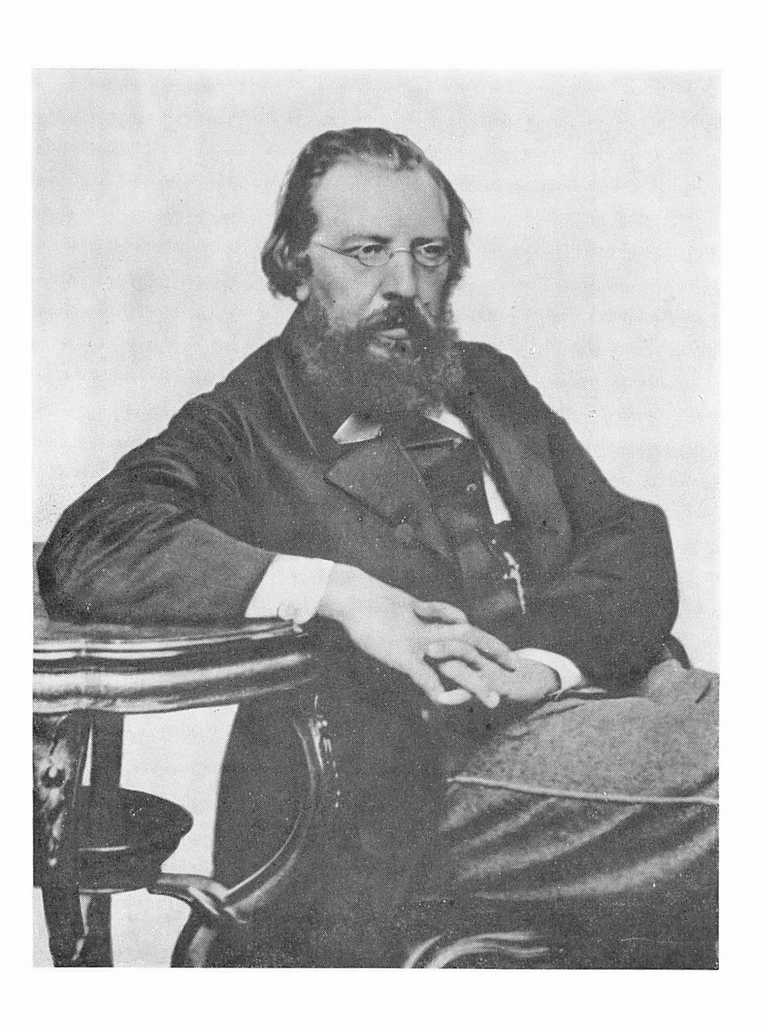
Оттуда путь ему, с востока...
Придет, смиренен и могуч,
Под пыльным рубищем пророка
Скрывая слова острый луч!
О, эту пыль одежды бедной
Как я слезами орошу!
Какою праздничной, победной
Я песнью воздух оглашу!
Но близко, боже!.. Ныне, ныне!..
Вся кровь отхлынула в груди;
Ужасен ты в своей святыне,
Великий бог!.. Гряди, гряди,
О жизни новое начало,
О царства нового рассвет!..»

Заря пылает. Солнце встало,
Проснулся дол. Пророка нет.

«Нет! но придет он в сроке скором,
Я верю, знаю — он придет!»
И смотрит, даль пытая взором...
Сменился день. Пророк нейдет.
Но, сердцем скорбь приняв покорным,
Он всё зовет, он всё глядит;
Всё тем же гордым и упорным
В нем вера пламенем горит.
И дни бегут, — за днями годы
Неудержимой чередой;
Над ним бушуют непогоды,
Его сжигает солнца зной;
Он миг за мигом время мерит,
Мольбу призывную твердя,
И с каждым мигом ждет и верит,
Очей с востока не сводя.

И лет несчетных ряд промчался...
Он старцем стал. От мужа сил
Один лишь остов воздвигался.
Как тень, как выходец могил,
Снедаем тайною тоскою —
Видали странники, — порой
Дрожащей, старческой рукою
Он тусклый взор прикроет свой.
Но веры пламенной гордыни
Душа не свергнула его:
Стоит до днесь он средь пустыни
И ждет пророка своего!

Безумец! страстными мольбами
Вотще зовешь пророка ты!
Давно он ходит между вами,
Но скрыты вам его черты.
Как знать — с полудня ль, иль с востока,
В начале ль дня, или в конце, —
Но он не в рубище пророка,
Пришел не в царственном венце!
И речь его не йдет мимо,
И правит царство он свое,
И мира нашего незримо
Преображает бытие!..

Когда ты к встрече нас готовил,
Он близ тебя, с тобою был;
Когда ты пел и славословил,
Не он ли песнь тебе внушил?
Когда ты ждал зари начала,
Чтоб новой жизни встретить день, —
Уж целый век заря пылала,
Ночи веков сгоняя тень!

Взгляни назад. Смотри: в то время,
Пока ты взор стремил вперед,
Взошло посеянное семя, —
Не те уж люди, мир не тот!
Безумец! тайный ход творенья
Как подстеречь и уловить,
В пределы зыбкие мгновенья
Жизнь мира вечную втеснить?
А ты хотел чертой отметить
Начало новых, лучших дней,
И песнь пропеть, и громко встретить,
Упиться радостью своей!..
Нет! верь, кто божье слово сеет,
Что, как древесное зерно,
Оно неслышно, тихо зреет
И всходит медленно оно,
И туго стебель свой подъемлет,
Пока корней могучих сеть
Охватит мир...
Но он не внемлет,
Мечту бессильный одолеть,
И, несказанной полон муки,
Уж слыша жизни скорый срок,
Стоит и ждет, простерши руки,
Подъемля очи на восток!

24 февраля 1860

* * *

К тишине, к примиренью, к покою
Мне пора бы склониться давно.
Порешить я намерен с тоскою!..
Но могу ли? удастся ль оно?

Отвращусь ли от грустной юдоли,
Убаюкаю ль скорбные сны —
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Сам своей я боюсь тишины!

Всё как будто обман и забвенье
Притаились под мудрости сень:
Мыслим — в душу сошло примиренье,
А в душе лишь усталость да лень!

Всё как будто готовлю измену
Я великому множеству их —
Обреченных работе и плену
Бедных, страждущих братьев моих.

Нас роднят лишь печали да горе,
Только там я не чуждый им брат,
Только в скорбном сливаяся хоре,
Наши песни согласно звучат!..

И сдается — над всей бесконечной
Жизнью мира проносится стон,
Стон тоски мировой, вековечной,
Порожденный в пучине времен, —

В те творения дни молодые,
Как, собравшись на жизненный пир,
Человеческим воплем впервые
Огласился ликующий мир...

С той поры и поныне ты с нами
Неразлучно проходишь века,
О всесильная, ветхая днями,
О владычица мира, тоска!

Март 1860

Ф. В. ЧИЖОВУ

Так далека, так весела дорога!
Так молод он!.. и путник сгоряча
Кладет в суму, не разбирая строго,
Всё, что взвалить он может на плеча!

И тешится он ношею тяжелой,
И путь ему окольный нипочем!
Но с каждым днем скромнее пыл веселый,
И взор его тревожней с каждым днем.

Уж он устал — а не набрел дорогу!
Их много там, заманчивых путей!..
Но ждать нельзя: пора, доверясь богу,
Избрать один, попроще, попрямей!

А путь избрав — к чему такую ношу
Ему таскать?.. И, сняв свою суму,
Решает он: «Всё лишнее я брошу,
Лишь нужное я в новый путь возьму!

Чего в ней нет! Какой мечты досужной,
Каких затей и прихотей следы!..
Мне роскошь их в те дни казалась нужной!..
Обман, обман! в них больше нет нужды!..»

Не ново ты, печальное сближенье,
А всё звучишь как новое порой!
Как в путнике, раздумье и сомненье
Встают и в нас о жизни прожитой.

В свою суму, как он, заглянем строго!..
Как много в ней напрасной тяготы!
Как на́лгано, надумано как много
Влечений, мук, терзаний суеты!

Но прочь с души сметая сор ненужный,
Спугнули мы мечтаний целый рой...
Заветный рой, пленительно-недужный!..
Прочь, прочь и ты! опасен шепот твой!

Не скуден был отваги и задора
Растраченный, растерянный запас!
Немало мы отмерили простора
Про нашу мощь... Но недостало нас!..

То не был труд — но жизни пированье,
Но праздник сил, броженья гул и шум!..

Где ж дерзких рук могучее созданье?
Где добрый плод кипучих дел и дум?

Устали мы!.. Но опытом мы зрелы;
Своих задач убавим же объем,
Стесним простор, дадим ему пределы
И цель одну — из многих изберем!

Молчите ж вы, лукавые призывы!
По сторонам не разбегайся, взор!
Сберитесь все тревожные порывы
В один тугой и медленный напор!..

Начало мая 1860

ВАРВАРИНО

(Послание Е. Ф. Тютчевой)

Как будто вихрем бури злой
Снесло мой дом, и я — изгнанник!
Но дружба путь водила мой,
И вот я в пристани... Я твой
Отныне гость и сердцем данник.

Как тихо дни мои текут!
Как мил, укромен твой приют!
Как сердцу вид его отраден,
Как нежит душу, тешит взор,
Как в простоте своей наряден!..
Как величав и безогляден
Пред ним раскинулся простор!

Реки серебряный извив,
Блестящий в мураве зеленой;
По зыбким скатам желтых нив
Бродящей тени перелив
И рощей сумрак отдаленный...
Виднеют села... здесь и там
Сверкает крест, белеет храм.

Куда ты взор ни обратишь,
Какая ширь! какая тишь!

Но всюду в ней снует, бесшумный,
Рабочей Руси труд святой...
О чудный мир земли родной,
Как полон правды ты разумной!

Великий мир, родимый мир!
Ты бодр и мощен, как стихия...
Твоей лишь правдою Россия
Преодолеть возможет мир
И свергнуть идолы чужие!..
Но час не близок. Злая мгла
Вершины Руси облегла.

В той безнародной вышине
Родная мысль в оковах плена;
Одни лишь властвуют вполне
Там лесть и ложь, и буйство тлена!..
Но внимет бог простым сердцам:
Сквозь смрад и чад всей этой плесни
Восходит с долу фимиам,
Несется звук победной песни,
Поющей славу небесам.

18 августа 1878

АННЕ

Еще морозом не побиты,
Среди осенней пестроты,
Как ясным днем росой обмыты,
Пышней красуются цветы!
Они всё те же, но иначе,
Но ярче блещет их наряд,
Благоухание богаче,
Свежей струится аромат.
Весь до конца свой подвиг чистый
Как бы торопятся свершить,
И всё, что силы есть душистой,
Пока щадит мороз сребристый,
До дна исчерпать и излить!

Не так ли, друг, душа твоя,
Презрев невзгоды и насилья,

Широко расправляет крылья,
Встречая осень бытия?
Звучнее сердце, выше строй,
И чувств и мыслей лад упрочен,
И голос правды золотой
Так безусловно полномочен!..

8 сентября 1878

НОЧЬ

Спустилась ночь в убранстве звездном,
И, дольних чуждые страстей,
Как бы зажглись по синим безднам
Тьмы зорких, мыслящих очей.
Мир опочил. Едва колышет
Листы ветвей; кругом дрема
И сон...
Лишь ночь не спит сама,
Живет и мощно, мерно дышит,
И чутко землю сторожит,
Всё вещим таинством объемлет,
И всё невидимое зрит,
Неизглаголанному внемлет!
Беззвучный хор во мгле ведет...
И внятна сердцу песнь ночная,
И мнится — с горних тех высот
Зияет правда неземная!..

10 сентября 1878

* * *

Среди цветов поры осенней,
Видавших вьюгу и мороз,
Вдруг распустился цвет весенний —
Одна из ранних алых роз.
Пахнуло вдруг дыханьем мая,
Блеснуло солнцем вешних дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мне принесла, благоухая,
Привет из юности моей!..

7 октября 1878

29 НОЯБРЯ

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей!
В моей изгнаннической доле
Как благодатно было мне,
Радушный кров, приют неволи,
В твоей привольной тишине!
Когда в пылу борьбы неравной,
Трудов подъятых и тревог,
Так рьяно с ложью полноправной
Сразился я — и изнемог,
И прямо с бранного похмелья
Меня к тебе на новоселье
Судьба нежданно привела, —
Какой отрадой и покоем,
Каким внезапным звучным строем
Душа охвачена была!
Как я постиг благую разность,
Как оценил я сердцем вдруг
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досуг!..

29 ноября 1878

ПОЭМЫ

ЖИЗНЬ ЧИНОВНИКА

Мистерия в трех периодах.

Действующие: Чиновник будущий в 1-м периоде, настоящий во 2-м и старик в 3-м. Демон службы. Таинственный голос. Чиновники. Главный начальник. Хор добрых гениев. Курьер. Канцелярия присутственного места.

Период первый

Комната, скромно убранная; в ней тихо и уединенно; будущий чиновник сидит за столом, на котором лежат книги, журналы и бумаги да еще не разрезанные томы Свода Законов.

Будущий чиновник

Служить? иль не служить? да, вот вопрос!
Как сильно он мою тревожит душу!
Не я ль мечтал для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обет нарушу?
Но службою достигну ль цели я?
Но благородные движенья,
Тревожная деятельность моя
Найдут ли в ней себе вознагражденье?
Отраду ли пошлет в моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоит ли стремление души?
В груди моей всегда так много билось!

Демон службы

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордого мирная олива!

Пылкие и смелые рушатся мечты,
Так с судьбой заранее примирися ты.
Сам достопочтенный, ревностный чиновник,
Подчиненных счастья будешь ты виновник.
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украсит лентою, осенит звездой!
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты Действительный, будешь ты
и Тайный!

Не толкуя о вещах превратно
И любя приличие и мир,
Приходи на службу аккуратно,
Надевай зеленый вицмундир.
Лишь войдешь в присутствие — учтиво
Всех приветствуй, прочь отбросив спесь;
А взойдет начальник — торопливо
Ты почтительный поклон отвесь...
На столе реестры и таблицы
Взор привычный манят на себя;
Букв чернильных белые страницы
Просят жадно-жадно у тебя!
Благородной службою довольный,
На бумагах нумера отметь,
Свой реестр переберн настольный:
Надо всюду зоркий глаз иметь!
Вечером с супругою достойной,
Чуждый всех бессмысленных тревог,
Будешь чай вкушать с душой спокойной, —
А малютки ре́звятся у ног!..
Год за годом так промчится мимо,
Чин за чином станет приходить,
И, начальством и судьбой хранимый,
Будешь долго в лоне мира жить!
И когда наступит год урочный,
В сердце той же ревностью горя,
Обретешь знак службы беспорочной,
Пенсион по милости царя.
Да! поверь! Сатурном убеленный,
Жизнь свою на службу посвятив,
Гражданин полезный и почтенный,
Будешь век в архивных списках жив!

Будущий чиновник
(в раздумье и как бы вспоминая)

Не буйная радость,
Веселье и шум
Тревожили младость,
Пленяли мой ум:
Сил юных отвага,
Дум гордых полет,
Цель — общее благо —
Высоких забот!..
И грудь воздымалась,
Ждал пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя!
Мне грустно: ужели
Из сердца изгнать,
О чем с колыбели
Привык я мечтать?

Таинственный голос

Прекрасного в тебе таится много:
Ты божьей искрой свыше наделен,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удел: к иному ты сужден!
Да, с ранних лет в тебе жила тревога,
Стремление твой волновало сон,
Иную цель, цель высших наслаждений
Тебе давно предназначал твой гений!
Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей:
Чтоб не внушило поздней укоризны
Сознание ничтожности твоей!
На поприще служебном для отчизны
Не будешь ты полезней и славней.
Еще в тебе так силы свежи, новы:
Ужель на них оденешь ты оковы?
О, верь же мне! грядущее богато
Вознаградит прошедшие года!
Ничтожных выгод жалкая утрата
Раскаянья не вызовет следа!
Смелей же в путь, с надеждою крылатой

На поприще и славы и труда!
Всем существом стремися безвозвратно,
Чтобы достичь до цели благодатной!

Будущий чиновник

Голос пленительный, голос лукавый,
Много сулишь ты мне чести и славы!
Было б отрадно мне верить тебе,
Что предназначен иной я судьбе!
Кто же мне верною будет порукой,
Что не окончу бесславьем и мукой?
Чем за мечтою гоняться пустой,
В жизни не лучше ль бесстрастный покой?

Демон службы

Оставь тревожные мечты,
Услышь совет благоразумный,
Признайся сам мне: в праве ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?
Полно самолюбивых дум,
Волнуется младое племя,
Кипит свободный, гордый ум
И мыслит: будет наше время;
Узнаем мы народный плеск,
И гром похвал и славы блеск!
Но время твердою стопой
Наружу истину выводит,
И свет ее мечтаний рой
Отгонит прочь. Туман проходит,
И, с настоящим примирясь,
Ватага прежняя безумцев
Нисходит в жизненную грязь,
В ханжей, в рабов из вольнодумцев!
Поглотит их толпа людей
Обычной пошлостью своей!
К превосходительным чинам
Стремятся Бруты, Александры!..
Внемли же ты моим словам,
Услышь пророчество Кассандры!
Немного я в тебе нашел:
Ты не из ярких исключений,

Не слишком добр, не слишком зол,
Не то чтоб глуп, не то чтоб гений!
Так избери солидный быт,
Где был бы счастлив ты и сыт!

Будущий чиновник
(хватая себя за голову)

Горе мне! какие звуки!
В душу голос твой проник,
И уж вижу я в тумане
Свой чиновнический лик!

(Придвигается к столу и пишет просьбу о принятии его на службу.)

Период второй

(Пятнадцать лет спустя после первого)

Канцелярия присутственного места. Обширная грязная комната, уставленная столами и шкафами и наполненная чиновниками. Одни сидят и занимаются, другие хлопочут, суетятся, беспрестанно входят и выходят. Шум. Все говорят вслух и в одно время. Среди этого гула слышится:

Хор
(на голос духов из «Роберта Диавола»)

Нам любо и мило
Средь грязных палат,
Где брызжут чернила,
Где перья скрипят!
Согнувши где спины,
Мы вечно сидим.
Огромной машины
Колеса вертим!
Здесь нашему брату
Отрадный приют,
И добрую плату
Берем мы за труд!
Богач ли спесивый,
Бедняк ли зайдет,
От всех нам пожива
И дань и почет!

И казнь и прощенье,
И радость и страх —
Всё в нашем владеньи,
Всё в наших руках!

Два чиновника (встречаясь).

1-й

Петр Карпыч! будьте мне полезны.

2-й

В чем-с? рад служить, дозволит лишь закон...
Чего же?

1-й

Табачку, любезный!

2-й вынимает табакерку, 1-й нюхает и кланяясь

В знак благодарности усердный мой поклон.

Расходятся.

Один столоначальник

(своему помощнику)

Скажите, Марк Ильич, ну кто так скверно пишет?
Всё думаете вы: сойдет и так авось!
Нет-с, Секретарь у нас всё видит и всё слышит,
И этот приговор теперь хоть даром брось!

Другой столоначальник

(принимая бумаги от регистраторского помощника и отдавая их писцу)

Отметьте здесь регистратуры номер,
Бумаги все сложите к сорту сорт.

(Обращаясь к регистраторскому чиновнику)

Скажите, правда ли, что Марк Терентьев помер?
Есть, говорят, из Грузии рапóрт?

Регистраторский помощник

(указывая на одну из бумаг)

Да, вот он налицо.

Столоначальник

Благодарю, мой боже!
Так дело кончено. Доложим дня сего же!

Чиновник

(в очках)

Что это! новые таблицы,
Плод министерского ума,
Для арестантов! Эки птицы!
Да нам-то каково: ведь их такая тьма!
Об них монарших повелений
Мы удостоились в апреле до двух сот!
Мошенники не стоят попечений,
А здесь за них трудись, потей честной народ!

Один секретарь

(проходя через комнату с другим)

Его превосходительство,
Вот видишь, ономнясь,
Про чье-то покровительство
Просить изволил князь.
А наш его сиятельству
На это говорит,
Что в жертву он приятельству
Душой не покривит.
Однако нынче *мнение*
Велел мне сочинить,
Чтоб это преступление
Законно извинить!
Да всё, брат, недосужливо...

Другой

Mon cher,[1] что́ много врать?
Закон у нас услужливый,
Так долго ль написать!

Проходят.

Еще секретарь

(Столоначальнику подавая черновую резолюцию)

Смотрите: Демина они велели высечь!
Вот вздор подчас изволят городить!

---

[1] Мой милый (франц.). — *Ред.*

И слушать не хотят! Да этак сотни тысяч
И скоро нас самих придется им судить.
То строги чересчур, то чересчур уж слабы,
Какой на них найдет, извольте видеть, час!
Эх, будь-ка я министр, Лука Ильич, так я бы...

(Махая рукой и со вздохом)

Пиши, брат, приговор! да заготовь указ!

Столоначальник-старик

Ребята! за дело,
Пишите дружней!
Что только поспело,
Давайте скорей.
Готовы ли перья?

Писцы

Готовы.

Столоначальник-старик

Вонми:

(диктуя)

Крестьянка Лукерья
Сечется плетьми!

4-й столоначальник

(читая просьбу)

Ах, бестия Будылкин, — снова с просьбой!
Побили дурака, и поделом. А он
Бесчестия просить изволит; видишь,
Обижен, говорит, честь страждет, впрочем, что ж?
Кажись, не всё по форме. Дай-ка справлюсь.

(Роется в X томе.)

И впрямь, вот тут четырнадцатый пункт
Не соблюден, — так с надписью, приятель,
Назад ее получишь! Но сперва
Ты подождешь за это в наказанье.

Главный начальник

(входит в комнату; все опрометью вскакивают с мест; он подзывает к себе одного из секретарей)

У вас какие неисправности —
С прискорбием замечу вам:

Писцы без всякой благонравности,
Без уважения к чинам!
Признайтесь мне, — не отмечаете
Настольный вовсе вы регистр?
Вы так по службе потеряете:
Что, ежели б узнал министр?
По высочайшим повелениям
Печатный шлете вы указ!
Да, повторяю с сожалением,
Не ждал я этого от вас!

Секретарь

Завален, право, я работою:
Дела в три тысячи листов!
Поверьте мне: со всей охотою, —
А не могу быть в срок готов.

Главный начальник
(пожимая плечами)

Мне дела нет, — министр наш требует,
Чтоб только полон был итог!
Я предварил вас так, как следует.
Я сделал всё, что только мог!..

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ

Комната настоящего чиновника, уставленная кипами бумаг и томами Свода Законов. Он сидит за столом и пишет.

Таинственный голос

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь, как прежде, я.
Это ль деятельность духа,
Это ль цель была твоя?
Где ж движенье, где же благо,
Сердца искренний призыв,
Благородных дум отвага,
Прежних лет твоих порыв?
Ты не тот, каким был прежде,
С строго-честною душой

Доверявшийся надежде,
Обольщавшийся мечтой!
Нет души той в прежнем теле,
Пламень светлый в ней погас:
Ты растратил в мертвом деле
Свежих сил своих запас!
Ты отвергнул путь спасенья,
Был ты глух на голос мой, —
Прозябай же без стремленья
И косней своей душой!

Чиновник

(среди занятий своих не слыхавший таинственного голоса, кладет перо, зевает, на креслах придвигается к окошку и задумывается)

Пятнадцать лет служу я; каждый день
Хожу в присутствие; и с совестью спокойной
Могу сказать, что долг служебный свой
Я исполнял усердно и достойно!
И счастлив я: моя прекрасная жена
Толпой резвящихся детей окружена!
Лишь орден бы еще мне дали для почета,
Да денег от казны, да генеральский чин —
Тогда б я стал служить без скучного расчета,
Чиновник ревностный и добрый семьянин!
А праздник нынче! все толпятся на гулянье:
Туда и модники, туда бородачи!
Вот сколько молодых в курьезном одеяньи,
Спесивый всё народ и, верно, богачи!
Я их не жалую: они народ ученый,
И смотрят всё на нас, как будто, право, мы
Здесь бесполезный класс, на плутни лишь смышленый.
Что ж их работают великие умы?
Болтают целый день да ни об чем не тужат,
А между тем, туда ж, о пользе говорят.
Служить не так легко: зато они не служат,
А нашу братию безжалостно бранят!

Демон службы

Они кружатся в вихре света
Толпою жалкою невежд,

И по́лны их младые лета
Пустых речей, пустых надежд!
Любовь к отчизне производит
И в их сердцах какой-то жар.
Но их без пользы жизнь проходит,
Но их любви бесплоден дар!
Они отчизне стали чужды,
Не постигая меж собой
Ее действительные нужды!
Привычно им страны родной, —
Среди поверхностных суждений
О том, что стыдно им не знать, —
Ткань многосложных учреждений
Безумной речью порицать!
И, расточая даром время,
Всё осмеянью обреча,
Трудов правительственных бремя
Не возлагают на плеча!
Но если грозный час настанет,
Раздвинет мрак, рассеет сон,
И над безумцами прогрянет
Словами вещими закон, —
Перед тобой тогда во прахе,
Поняв ничтожество свое,
Сознают в трепете и страхе,
Закон, могущество твое!
Да, в них сердца надменны, души гнилы...
Чиновник выше их, блуждающих во мгле,
Орудие правительственной силы
И правосудия служитель на земле!
Гражданское ты ведаешь устройство,
И тщательно тобой изучены
Законодательства все стороны и свойства,
Их приложение к обычаям страны!
Жрец истины, в том слове проявленной,
Покорен дух в тебе, но веселится он,
Когда гремит, на благо устремленный,
С неотразимой силою закон!

Чиновник

Да, это так; служа по части судной,
Могу сказать аминь, но что-то я

Работой утомился многотрудной,
И отдых, верно, подкрепит меня.

(Протягивается в креслах.)

Эх, хорошо б теперь на миг забыться
От деловых бумаг в приятном, легком сне...
Чтоб рой приятных грез приснился,
Отрадный след оставив мне!

(Мало-помалу засыпает.)

Таинственный голос

Нет! не помысл благородный
Движет весь чиновный люд,
Вызывает ум холодный
На полезный мнимо труд!
Мысль о славе, о бесславье
Не волнует вашу кровь,
В вас живет одно тщеславье,
Мелких почестей любовь!

Хор добрых гениев
(витающих около спящего чиновника)

О тебе мы пожалеем,
Ты работой утомлен,
Поласкаем, полелеем
И пошлем приятный сон!

1-й

Что тебе пророчить смею,
Примешь к сердцу горячо:
Анны крест тебе на шею,
Станислав через плечо!

2-й

И другого жди патента,
Только службе верен будь:
Ляжет Аннинская лента
Широко тебе на грудь.

3-й

Будь Фемиды обороной
И получишь знак иной;

С императорской короной,
С осьмигранною звездой.

Чиновник сквозь сон улыбается и простирает руки.

Все вместе

Простирает он объятья,
Лент и звезд желает он!
Мы ему послали, братья,
Улыбающийся сон!

Входит курьер.

Курьер

Его сиятельство прислал меня с пакетом.

Чиновник
(вскакивая)

Его сиятельство? с пакетом? дай сюда...

(Берет пакет в руки и как бы взвешивая его.)

Что может заключаться в этом?
Награда ль моего недавнего труда —
Иль приказание? иль выговор, быть может?
Последнее меня чувствительно тревожит!
Что, если выговор?

(Смотрит на стенные часы.)

Часы бегут пока...
Дай распечатаю... дрожит моя рука...
(Распечатывает, из пакета выпадает крест Анны 2-й степени, Иван Ильич поспешно подхватывает его.)

Что это! Боже мой! глазам своим не верю!
На шею? Анны крест! Давай же я примерю!
Вот радостный сюрприз! как благодарен я
Его сиятельству и вся моя семья!

(Перед зеркалом.)

Надеть его... вот так... чтоб был он виден целый
На черном галстухе и на манишке белой!..

Курьер

С монаршей милостью...

Иван Ильич

Спасибо, брат курьер!
Вот красная тебе: пей за мое здоровье.

Отдает курьеру ассигнацию, тот кланяется и уходит.

Ну! зависть Трухмина теперь не знает мер:
Он всё без ордена: терпение воловье!
Однако написать к Суханову скорей,
Чтобы прислал аршин он орденской мне ленты.
А полученные сегодня мной патенты
Пойду и принесу туда, к жене моей!..
Нет, что ж это, дурак, я даром время трачу?
К его сиятельству скорей, скорей на дачу
Благодарить его... Я будто бы во сне
Всё вижу... Прошка, эй! поди сюда ко мне!
Ты эту отнесешь к Суханову бумагу
И приготовишь мне мундир, жилет и шпагу.

(Уходит.)

Период третий

(Тридцать лет спустя после второго)

Чиновник-старик, дряхлый и больной, лежит в креслах; тяжелое чувство грусти выражается на его лице. На диване кинут небрежно мундир, украшенный звездами.

Чиновник

Мой путь свершен. И на краю могилы
Я вспоминаю всё, о чем давно забыл!
Куда бывалые свои растратил силы,
С какою целию и для чего я жил?
Когда назад я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взором я,
Скорблю тогда и духом я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!

Бесцветной я и ровною тропою
Шел за другими вслед и так же, как они,
С летами дождался, чего по службе стою:
Пустые, мертвые лишь почести одни!
Да! Счастье пошлое судьба мне даровала,

Занятья дельные мой иссушили ум,
И грудь чиновника ничто не волновало:
Лишь служба — вот предмет моих привычных дум.

А памятны мне прежние те годы,
Когда был молод я и на своем пути
Так смело выжидал житейские невзгоды...
Но жизнь прожить — не поле перейти!
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мне волновали грудь!
Но жизнь бумажная в ней свежесть погубила,
И вот к чему привел избра́нный мною путь.
И грустно думать мне, что тщетно я трудился,
Что даром отдал жизнь на жертву службе я,
Что тружеником здесь напрасным я явился,
Что не своей я шел дорогой бытия!
Что от моей усердной долгой жизни,
От моего служебного труда
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни светлой памяти, ни ясного следа!
О, тяжело! во мне проснулись снова
Все прежние движения души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня в ночной тиши!

Таинственный голос

Да! вновь к тебе я слово обращаю,
И в грудь твою проникнет речь моя,
Поймешь теперь, что я тебе вещаю
И что тебе вещал, бывало, я!

Еще не весь ты очерствел в покое
Убийственно однообразных лет!
В тебе опять проснулося живое,
И я опять найду себе ответ!

Называют люди счастьем
Жизнь, подобную твоей,
Не смущенную ненастьем,
Не знававшую страстей!

По плечу им счастье это,
Любят души их покой,

И сердца не жаждут света
Истин мудрости живой!

Но губительно влиянье
Той надменной слепоты;
Но опасно обаянье
Безмятежной пустоты!

В ком она — тот голос шумный
Заглушит в груди своей,
Умертвит, благоразумный,
Всё трепещущее в ней!

Отдал ты за горький опыт
Жизни лучшие лета,
И теперь невольный ропот
Издают твои уста!

Ты к иному был назначен;
Жребий тот тобой утрачен!
И постигнуть не умел
Ты свой истинный удел!

Помню я: живое чувство,
И науки и искусства,
Бескорыстная любовь
Волновали сильно кровь!

Если б первого призванья
Ты послушался влиянья,
Может быть, твои труды
Дали б вечные плоды.

Не терзался бы сознаньем,
Что ничтожным ты созданьем,
Чадом пошлой суеты
На земле явился ты!

И взамен служебной муки
Ты под знаменем науки
Славы, может быть, венец
Приобрел бы наконец!

Много сладостных мгновений,
Много чистых наслаждений
С чувством легким бытия
Испытала б жизнь твоя!

Поздно всё, перед собою
Видишь даром прожитою
Жизнь свою! Отрады нет,
Не воротишь прежних лет!

Чиновник в ужасе содрогается.

Демон службы

В обширном поприще служебного труда
Есть много отраслей и деятелей много...
Но к достижению великого плода
Ведет различная дорога.
Одни (и много их) — правительственных дум
Орудья верные, смиренные пружины:
Полезен их всегда покорный ум
Для государственной, в движении, машины!..

Так, если божий храм художник создает,
Потребен каменщик с испытанным терпеньем:
Он жизнь творению художника дает
Работы мертвой исполненьем!..
И счастье мирное их наполняет грудь,
Вне гордых помыслов, волнения и страсти;
Но не для них иной, богатый славой путь,
Не им удел правления и власти!
Тот удел — удел немногих,
Свыше избранных людей!
Духом твердых, духом строгих,
Цели преданных своей.
Благородной страсти жаром
Сердце в них воспалено,
И чело высоким даром
От небес озарено!
Благодетельные мысли
Воплотить они спешат,
Не смущаясь — глубь ли, высь ли
Им преградою лежат!

Много в них судьба вместила,
Вознесла их высоко;
Им привычны власть и сила,
Двигать массой им легко.

Доступны им труды большого
Объема числ,
Законодательного слова
Глубокий смысл!
Их подвиг тяжкий, но полезный,
Всегда дает
Добытый волею железной,
Великий плод.
Им чужды легкие забавы,
Их труден путь;
Для блага общего и славы
Их бьется грудь.
Зато, лишившись личных в жизни
Утех, они
Все на алтарь своей отчизны
Приносят дни!..

Но если не горит в груди тот дивный дар,
Но если в сердце нет призванья
И пыл стремления — лишь юной крови жар,
Хладеющий от испытанья...
Но если кто служить орудием слепым
Не может, о пустом значеньи не хлопочет,
Живет стремлением иным,
А счастья мирного душ дюжинных не хочет,
То пусть служебного тот поприща бежит
Далеко от его однообразной муки,
Пусть свежестью души и чувством дорожит
Под сению искусства иль науки!

Чиновник

Да! ясно мне теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничем уж на земле!
Я, с чувством пламенным, с тревожною душою,
Призванью чуждому пожертвовал собою,
Сам проволачил всю жизнь в какой-то жалкой мгле;

Теперь ужасное свершилось пробужденье,
И правды поздний блеск мне очи просветил:
Благоразумия слепого заблужденье
Я дорогой ценою искупил...
Так разреши мне смерть, зачем, к чему я жил?..

(Умирает.)

Эпилог

Великолепные похороны. Народ останавливается и смотрит.

Один

Э! как знатно! должно быть, важный!

Другой

На подушках несут звезды... верно, чиновный...

Третий

А ведь говорят, был так, простой дворянчик, дослужился. Ну, да не всякому такое счастье!

Проходят.

Еще двое.

Первый

Кто покойник, как слышно?

Второй

Не знаю; по приходу хвалят.

Первый

Ну, царство ему небесное!

Уходят.

Два чиновника.

Молодой чиновник

Покойный его превосходительство нам всем пример. Служил, трудился, и что ж? До всего дошел, всего достиг, счастие узнал полное.

Пожилой чиновник

Нам всем пример! тебе, брат, хорошо так говорить. Ты молод, впереди еще хоть лет сорок службы, всего можешь надеяться; а я, что я?..

Молодой чиновник

Благородный человек покойник. Сколько лет, с каким усердием послужил царю и отечеству! и как добр и вежлив был: придут, бывало, просители, оборванные, грязные, нищие... что ж, выйдет, бывало, говорит, бывало, со всяким: рад был бы, говорит, душевно рад сделать доброе дело, да нельзя, не могу, долг службы не позволяет, закон препятствует. Да, всякого, бывало, обласкает!..

Пожилой чиновник

Добрый был генерал. Впрочем, унывать не надо. За богом молитва, а за царем служба не пропадет.

Проходят.

Женщина

А скажите, батюшка, кто был покойный?

Барин

Черт его знает; так себе какой-нибудь!..

Купец

Нет-с. Почет велик. Понимать должно, что важный чиновник.

Голос из толпы

Чиновник, точно. А что, если правду сказать, ведь, верно, был такой же мошенник!..

1843

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Введение

Всегда нуждой или заботой,
Иль — делом собственной вины,
Мы равнодушною дремотой
От строгих дум отвлечены.
Но если дел и свойств презренных
Придет сознанья грустный миг,
Отраден вид благословенных
Тех непреложных древних книг.
Они другое нам вещают,
Они уносят в мир иной:
Язык и буквы отрывают
Нас от случайности земной.
Из них люблю я описанья
Мужей предызбранных судьбы,
Годов тяжелых испытанья,
Надежд, печали и борьбы.
Люблю спокойствие и важность,
Особый склад рассказа их
Про недоступную отважность
Трудов и подвигов святых.
Люблю я их живое слово
Про сокровенный мир небес
И прелесть тихую простого
Повествования чудес.
Мне вразумительнее сила,
Яснее стали времена,

Когда от нового светила
Заколыхались племена.
Когда они с безумным плеском
Помчались страшною волной,
И древний мир ломился с треском,
И воцарялся мир иной.
А между тем повсюду странник
Живому слову поучал
И, сил невидимых посланник,
Земные силы покорял.
И совершались всюду дивной
Могучей веры чудеса:
Казалось, в связи непрерывной
С землею были небеса.

Понятен мне в то время каждый,
Кто, вызван Истины лучом,
Томился внутреннею жаждой,
Горел мучительным огнем,
Высокой тайной благостыни
Был осеняем — и опять,
Объятый ужасом святыни,
Оставя мир, бежал в пустыни,
Один, молиться и страдать!
Непостижимые примеры
Все книги древние хранят.
Какую мощь и силу веры
Явил нам мучеников ряд,
Когда с отвагою чудесной,
Душой далеко от земли,
Исполнясь силою небесной,
Они на казнь и муку шли,
Хвалой и песнями святыми
Судьбу приветствуя свою...
Благоговею перед ними
И нашу слабость познаю.

Но падший духом и восставший,
Но тот, который в цвете сил
Сей грешный мир, его пленявший,
Так человечески любил,

Кто много суетных волнений,
Кто много благ земли вкушал,
Пока со страхом не познал
Всей меры тяжких заблуждений,
И, мучим жаждою святой,
Палим огнем воспоминанья,
В пучине страшной покаянья
Обрел спасенье и покой, —
Тот ближе к нам. Его паденье,
Страданьем выкупленный грех
И милость божия — для всех
Животворящее явленье.

Так, об одной из этих жен,
Издревле чествуемых нами,
Там есть рассказ. Поведан он
Благочестивыми устами.

I

Жила в том городе одна
Далеко славимая дева,
Но, страстных помыслов полна,
Не чая божеского гнева,
Она бежала строгих дум,
Любила грешное веселье,
Любила жизни блеск и шум,
Пиров разгульное похмелье;
Своей роскошной красоты
Дары свободно расточала;
Но не корыстные мечты,
Не звон блестящего металла
Ее пленял; казалось, мгла
Ей душу странная одела:
Любить иначе не могла,
Иначе жизнь не разумела.
Она дала себя вести
Ей непонятному влеченью
И шла по грешному пути
От наслажденья к наслажденью;
Но под личиной красоты

Коварных мыслей не хранилось,
И в сердце злобы не таилось,
А было много теплоты!

II

А как чудесно хороша
Была Египетская дева,
Когда она, едва дыша,
Под звуки древнего напева,
Тимпан вертя над головой
И станом косвенно склоняясь,
Кружилась резвою ногой,
Огнем веселья разгораясь!
Или когда, закинув вдруг
Назад с тимпаном обе руки,
Под ускоряемые звуки
Неслась, неслась она вокруг;
И очи вспыхивали ярче,
И, страстным пурпуром облит,
Тогда роскошнее и жарче
Был смуглый цвет ее ланит!
По воле ветра воздымались
Одежды легкие ее,
Движеньем быстрым обвевались
Иль развивались вкруг нее,
Широкой складкою носились.
И густо черные власы
Ее подобранной косы
Волной по воздуху ложились!
Но девы царственная власть
Неотразимо познавалась,
Когда томительная страсть
В ее чертах не отражалась,
Когда лишь просто весела,
Не в вихре шумных упоений,
Она пленительна была
Прелестной тихостью движений;
Когда на берегу морском
От всех подруг сидела тайно
Или задумалась случайно,

Сама не ведая о чем:
Быть может, на душу укора
Ей чувство смутное легло...
И низко, низко пали взоры,
Склонилось грустное чело...
Но, будто ночью блеск зарницы,
Так озарялась красота,
Когда подымутся ресницы,
Смеются тихие уста!

III

Зато пред этим многогласным,
Пред этим взором молодым,
То нежным и глубоко ясным,
То упоительно живым,
Могучей силы впечатленья
Никто досель не избегал,
Но, весь исполненный смятенья,
Как очарованный стоял!
Недобрый слух о ней носился,
Был явен всем ее порок,
Но ей никто бы не решился
Тяжелый высказать упрек!
Нет, гибли все стезею зыбкой
Суровой твердости мечты
Перед чарующей улыбкой,
Пред этой бездной красоты!
И не один из темных келий,
Забывши стыд и божий страх,
За нею в бешенстве веселий
Бежал взволнованный монах!
И Гностик был Александрийский
Невольным трепетом объят,
Когда, убравшися в нубийский
Простой и легкий свой наряд,
Она пред Гностиком стояла
С огнем губительных очей
И строгий довод разрушала
Внезапной резвостью речей!

IV

— Скажи, зачем несутся шумно
Толпы народа к берегам?
Не для потехи ли безумной?
Беда ли вновь случилась там?
— Нет, их не праздная затея
Влечет, не новая беда.
Ты видишь, там стоят, чернея,
Остроконечные суда;
Они, при свежем ветре, в море
У нас быстрейшими слывут,
На них толпы народа вскоре
На брег Сирийский отплывут,
Чтоб светлый праздник Вознесенья
В земле священной отправлять,
Чтоб в храме чин богослуженья
Иерусалимском увидать.
Там, там, по общему рассказу,
Творятся чудные дела...
— Я не видала, я ни разу
В том храме славном не была!..
Но я пойду на праздник ныне,
Увижу я Иерусалим
И побываю в Палестине,
Пройдусь по всем местам святым!
Туда ближайшая дорога
С остроконечным кораблем,
Там богомольцев будет много,
Мне будет весело на нем!
— Но корабельщик, знай, Мария,
Того лишь примет, кто за труд
Заплатит деньги золотые,
А ты... тебе не место тут!
— Зачем ему такая плата!
Приду на пристань и скажу:
Возьми меня к себе без злата,
И всё, чем, бедная, богата,
Тебе я щедро предложу!

ПЕСНЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Там, вблизи святого кедра,
Где палящий солнца луч
Прожигал земные недра,
По камням струился ключ
И манил к себе отрадой;
И к нему в полдневный зной
Приходила за прохладой
Дева странная порой.
Веселилась, молодая,
Ноги в воду опустя,
Беззаботная, живая
И красавица... как я!..

У ручья сидя на плите,
Видит раз, что фараон,
Грозный царь, что на граните
Обелиска иссечен,
По тропинке к ней подходит
И, огонь смирив в крови,
Речь смущенную заводит
О богатстве и любви!

Тонкий стан, как пальма гибкий,
Гордо выпрямивши свой,
Говорит она с улыбкой,
Вся блистая красотой:
«Матерь общую Изиду
Я в свидетели зову:
Про дворец и пирамиду
Ни во сне ни наяву
Не мечтала, не мечтаю
Ни про злато, ни парчу;
Жизнью весело играю
И люблю кого хочу!
Видишь, там — толпа мелькает,
Страстью пылкою дыша?
Но по сердцу выбирает
Прихотливая душа!
Тот, кого теперь люблю я,
И забавен, и умен;

Будет с них и поцелуя,
А счастливцем будет — он!
Говорят, что дева много,
Веселяся, прожила;
От красавца полубога
Трех красавиц родила;
И, с бойцом краев далеких
Уходя в страну лесов,
Трех красавиц одиноких
Вдоль священных берегов
Положила; молвят слухи,
Будто мне они родня...
Говорили мне старухи,
Воспитавшие меня!

1845

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

(Licentia poëtica) [1]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Петр Семенович Архипов. Андрей Владимирович Ящерин.	Молодые люди, едущие из Москвы на именины одного помещика, родственника Ящерина.

Иван — слуга.

Действие происходит в повозке, а частью и на станциях.

Деревня на большой дороге. Подле станционной избы стоит повозка, запряженная тройкой. Архипов и Ящерин выходят из избы

Ящерин

Ну что, готово ли?

Иван

Готово-с.

Архипов

Ну, так с богом...

Подходит ямщик.

Ямщик

Старому, барин, ямщику на водку...

Архипов дает ему.

---

[1] Поэтическая вольность (лат.). — *Ред.*

Ящерин

Ведь мы должны будем своротить на проселочную дорогу; нам уже теперь до места недалеко...

Усаживаются в повозку.

Архипов

(ямщику)

А сколько до этой станции будет?

Ямщик

Да верст тридцать считают.

Ящерин

Какая скука! А мне еще и спать не хочется, на той станции выспался славно. Выкурить разве сигару...

Подходит другой ямщик.

Ямщик

Старосте, барин, за хлопоты...

Ящерин

Поди ты прочь! довольно и того, что ямщику на водку дают. Какие тут хлопоты?.. Да что ж это наш ямщик копается так долго? — Ну, уселся что ли? Валяй!..

Ямщик

(трогая лошадей)

Эх вы...

Колокольчик звенит. Иван подпрыгивает на облучке. Повозка выезжает из деревни на большую дорогу.

Архипов

А ведь не холодно?

Ящерин

Не холодно, конечно,
Да не мешало б и теплей!

Архипов

Ты, брат Андрей, всё зябнешь вечно;
А мне на холодке как будто веселей!

Ящерин

Да, знаю я твое веселье!
Прошедшею зимой случилось ехать мне
В Москву, к сестре на новоселье:
Во-первых — от толчков тогда моей спине
Досталось крепко; не забуду
Ухабов зимнего, привольного пути!
Да во-вторых — уж вечно помнить буду,
Что я себя насилу мог спасти
От стужи, а слуга мой с козел
Во всю дорогу не сходил, —
Так, кажется, себе он ноги отморозил!
Вот как твой холодок над нами подшутил!

Архипов

Ну, кто и говорит про эдакую стужу!
А кстати, что твоя семья?
Твоя сестра на днях поедет к мужу?
Не знаю от кого, но только слышал я...

Ящерин

Да, муж ее живет в деревне постоянно;
Хозяйством занят он, поверишь, день и ночь
И умножает беспрестанно
Он годовой доход; однако дочь,
Мою племянницу, в Москву на воспитанье,
Отцовский капитал туда ж на проживанье
Со всей семьей он скоро повезет!..

Несколько времени продолжают ехать молча. Наконец ямщик гонит лошадей шибче, и они проезжают мимо небольшой деревушки. Мальчишки, игравшие на дороге, с визгом разбегаются. Одна баба останавливается и смотрит.

Мужик

(толкает ее)

Ну, что глядишь, чего не видала?

Баба

Эк, шуб-то, шуб-то на них! вишь, как господа-то себя греют!

Мужик

На то они и господа! А ямщик-то никак из Семеновки?..

Баба

Из Семеновки. Он еще давеча, ранехонько по утру, провез туды барина, а теперь оттоль домой с попутчиком.

Мужик

Пойдем! Вишь, барин глядит на нас и смеется...

Повозка проезжает далее.

Ящерин

Ну, некрасива, нечего сказать:
Какой костюм, какая стать!

(Запевает мотив из «Нормы».)

Архипов

Фальшивишь, брат. Никак не можешь ты
Пропеть порядочно и верно ни полслова!

Ящерин

Тебе так кажется, — обман твоей мечты...
Не вник ты в пение, а критика готова...
Ты, впрочем, оценить достойно голос мой
Теперь не мог бы и внимая:
Мешает мне вот этот *«дар Валдая
Гудит уныло под дугой!»*
А кстати — спеть: «Вот мчится тройка удалая».

Запевает. Архипов подтягивает сначала тихо, потом мало-помалу громче, и таким образом поют всю песню.

Ящерин

(ямщику)

Стой! — Дай зажечь спичку. Да помоги, Петр, от ветра оборониться...

Архипов

Изволь, изволь.

Останавливаются. Под полой шубы зажигают огонь и закуривают сигары.

Архипов

Ну, пошел!

Едут.

Архипов

Люблю я зимний, красный день:
Он гонит прочь покой и негу;
Люблю глядеть, когда по девственному снегу,
По ярко-белому, слегка ложится тень!
Смотри, как на краю дороги, здесь, на правом,
Нас отражает солнца свет,
И наша тень, в размере величавом,
С повозкой, с ямщиком за нами скачет вслед.
Деревья снежною опушены одеждой,
И синева прозрачна и ясна,
И воздух чист, — и грудь надеждой
И чувством юных сил полна!
По ровному пути несешься; вместо крылий
Полозья гладкие скользят
Легко, подвижно, без усилий,
И искры снежные по сторонам летят,
Блестя на солнце. Под ногою
Хрустит мороз. А там, недалеко,
Над каждою избой, над каждою трубою,
Синеет дымный столб: сначала высоко,
Всё прямо, прямо подымаясь,
Потом меняя стройный ход,
Ложится косвенно и, в облако сливаясь,
Теряется. Роскошный неба свод,
И в белом образе прекрасная природа,
И лица свежие и бодрые народа —
Всё веселит меня. Как рад я, боже мой,
Что от искусственной, условной жизни нашей
Могу прибежище свободнее и краше
Найти в природе русской и простой!

Ящерин

Ты фантазируешь не худо,
Да я не фантазер. Хоть сам люблю порой
Природу и стихи; но занят я покуда
Всё той же думою одной.
Я далее тебя несусь своей душою,
Скажу тебе здесь кстати вновь:
Я не с одной хочу сочувствовать страною, —
Во мне пространнее любовь!
Природой русскою и русским человеком

Нельзя, поверь, довольным быть
Тому, кто вслед идет за просвещенным веком!
Скажи, могу ли позабыть,
Что жил он, будет жить всегда презренно, рабски...
О человеческих правах
Не говори ему... Скорее по-арабски
Поймет он, нежели... Один лишь только страх,
Насилье грубое — его руководитель!
А между тем, смотри, везде в чужих краях,
Где Запад, наш непонятый учитель,
Господствует, — то мировым трудам
Какое поприще! Как сильно зреет там
Общественной науки семя!
Стремление свободы и любви,
Быть может, скоро свергнет бремя,
Гнетущее народ во прахе и крови!

Архипов

Мы любим жить чужим умом,
Свое чужим аршином мерить
И пировать в пиру чужом;
Кому ненужны мы — о том
И хлопотать, и лицемерить!

Но если в ком недаром кровь
Волнует пылкое стремленье,
Зовет пространная любовь,
Чтоб угнетаемому вновь
Воздать всё прежнее значенье, —

Так чем глядеть по сторонам,
В чужом пиру искать похмелья
И по проложенным тропам
Идти вослед чужим стопам,
Ковать ненужные изделья —
Пусть пелену с себя сорвет,
Пусть ближе он допустит к сердцу,
Что отзыв в нем родной найдет,
Что чужестранец не поймет,
Что будет дико иноверцу!

Пусть он почувствует в себе
Всю святость уз своих к народу,

К его страдальческой судьбе,
Пусть посвятит себя борьбе
Ему на пользу и свободу!

Но не проложенным следом,
Не по стопам чужим и узким, —
Народ в развитии своем
Пойдет, поверь, иным путем,
Самостоятельным и русским!

Услышь, господь, усердный зов:
Чтоб самобытное начало
Своих рассеяло врагов
И иго нравственных оков
С себя презренное сорвало!

Ящерин

Смешно твое негодованье,
Безумны детские мечты!
Ужели думать смеешь ты,
Твое свершится ожиданье?

Скажи: что делал наш народ,
Когда тяжелыми трудами
Другие собирали плод,
Взращенный долгими веками?

Они собою движут мир,
Гордяся опытом и славой;
Богат их жизни, шумен пир,
Их достоянье величаво!

Они решат задачу нам
Вопросов жизни и стремленья...
А где же ты своим мечтам
Нашел основу? Где спасенье?

Нет! обольщаться не спеши
Одной потехою гремучей!
Где те сокровища — могучей
Народа русского души?

И я не чувствую нимало
В себе пристрастья твоего:
Где, в чем лежит *его* начало?
Что нам порукой за *него?*

Архипов

Кто имеет слух — да слышит,
Кто имеет очи — зрит;
В ком живое чувство дышит, —
В том оно заговорит.
Я не дам тебе ответа,
Возражать не буду я:
Блеском внутреннего света,
Жаром тайного огня,
Вечной истиной согрета
Жизнь народа для меня!

Раздаются звуки русской песни: «Вниз по матушке по Волге...» Едут большие розвальни, запряженные тройкой, в которых сидят человек до десяти мужиков и поют. Поравнявшись, они обмениваются с ямщиком поклонами.

Ящерин

Что за народ, откуда?

Ямщик

Да с работы, из города, к празднику домой торопятся. Эк их там насело! Любо, весело едут.

Ящерин

Ну, ну, пошел!

Ямщик

(погоняя)

Эй вы, залетные!

Архипов

Какая песня, что?

Ящерин

Ну хороша, конечно,
Готов признаться я. Но разве тут и всё?
Позволь теперь чистосердечно
Сказать мне про тебя суждение мое:

Хоть есть в тебе и искреннее чувство,
Но пользы от того не вижу никакой!
Напротив, ты живешь одной своей мечтой,
От дела ты отвык и бредишь про искусство,
Насилие творя душе своей,
Национальное ты ставишь ей кумиром.
Напрасен труд: ей жить привольней с целым миром,
Ей там отрадней и светлей!
Затем-то полон ты вопросов и сомнений,
И поэтическим мечтам
Не хочется, в среду действительных явлений
Сойдя, разрушиться... ведь правда, знаешь сам!

Архипов

Отчасти, должен я признаться,
Что правда есть в твоих словах:
Еще не мог вполне я с жизнью уравняться,
Быть цельным существом, хоть в молодых годах!
Но я тебе во всем другом противоречу...

Ящерин

Постой, кто это к нам катит теперь навстречу?

Едет кибитка: в ней лежит старый отставной офицер и курит трубку.

На городничего беловского похож,
Не правда ль? Сходство этих рож
Разительно!..

Архипов

Да уж не он ли самый?
Такие же усы, и вид такой упрямый.

Ящерин

О нет! того я знаю коротко...

В это время сильный порыв ветра выметывает несколько искр из трубки офицера и доносит отдаленный отзыв пения мужиков: «Уж я в три косы косила». Офицер поспешно накрывает трубку, ложится опять и запевает вполголоса: «Уж я в три косы косила»...
День вечереет. Повозка несется далее. Иван давно уже спит, качаясь на облучке, но по временам, ударяясь о ямщика, кричит ему: «Пошел!» Ящерин лежит долго молча и потом мало-помалу засыпает. Архипов впадает в дремотное раздумье. Перед ним, в неопределенных, смутных образах, носятся его собственные разнообразные думы, и слышится ему их звучный шепот.

Голос

Кто слезы льет, простерши руки,
От скорбной сердца полноты?
Чьи грусть тяжелая разлуки
Печалит нежные черты?

Она стоит перед иконой,
На ней дрожит лампады свет;
Ее молитва — обороной
Тебе от горестей и бед!

То мчится вдаль она мечтою,
Покинув спящую семью,
То смотрит с тихою тоскою
На опустевшую скамью, —

Где ты всегда сидел, бывало,
Скучал покойною судьбой,
Она с прискорбием внимала
И говорила: бог с тобой!

И, силе той молитвы веря,
Ты бодрый дух несешь в себе...
Готов идти, не лицемеря,
Навстречу жизни и борьбе...

О, что бы ни могло случиться,
Но знать отрадно каждый час,
Что есть кому за нас молиться,
Кому любить и помнить нас!..

Другой голос
(перебивая)

Жизнь общественная мчится,
И без устали, всегда
Колесо ее вертится
Без заметного следа!

И, одно другим сменяя,
Жизни каждый миг, она,
Непрерывно отживая,
Новой жизнию полна!

Отъезжающему странно
Воротиться будет к ней:
Всё, что он носил сохранно
В глубине души своей,
Всё, что он живым оставил,
Все вопросы, всякий спор,
Что любил, на что направил
Любопытства полный взор;

Всё, что в нем в определенность,
В образ твердый перешло,
Вся былая современность —
Всё забыто, всё прошло!
Всё звучит воспоминаньем
Неуместным и глухим,
Уступив мечтам, желаньям
И событиям другим!

Будет ли так и с тобою?
Грустью душа облеклась,
Думой волнуясь простою,
Что́ ты найдешь, воротясь?
Всё начатое — свершится,
Многого след пропадет,
Много должно измениться,
Много воды утечет!..

Над Архиповым пролетают и несколько раз повторяются звуки стихов:

«Тебе; но голос музы томной
Коснется ль слуха твоего,
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?»...

Перестают.

Еще раз:

«Тебе; но голос музы томной»...

Умолкают на время.

Опять:

«Тебе; но голос музы томной
Коснется ль слуха твоего»...

. . . .

Зачем, откуда безотвязно,

Без умолку звучите вы,
Так упоительно, несвязно,
Былые пробуждая сны?
«Поймешь ли ты душою скромной»...
. . . .

Как сладко в час успокоенья,
Когда вся жизнь кругом уныла и тиха,
Внимать гармонии стиха
Иль слышать издали несущееся пенье!
«Для берегов отчизны дальной»
. . . .
Блажен, кто мог здесь вдохновенья
Святой поэзии узнать,
Всю бесконечность упоенья
И всю восторгов благодать!
Тот много жизни дней ненастных,
И гроз, и бурь простить готов
Затем, что столько есть прекрасных
Волшебных звуков и стихов!
Что многое стихом открыться
Нам лучше всяких может книг,
Что есть с чем в мире позабыться
Хоть на единый только миг!

Хор невидимых

Нет, напрасно, погоди!
Жизнь повсюду — впереди
И кругом тебя несется;
Впечатленьями сполна
Наделит тебя она,
И нередко содрогнется
Всё в тебе... но погоди!
Кто-то едет впереди!

Едет старый тарантас, поставленный на полозья и запряженный шестью лошадьми, с форейтором.

Тарантас

(поет)

Всё живу я в службе да в ответе,
На своем помаялся веку;

Скольких я возил на этом свете,
Видел Волгу матушку-реку!

Помню день, как вышел я впервые
Из родной просторной мастерской;
Братья были у меня родные,
Все они рассеяны ездой!

Лето был я всякое в дороге,
А зимой по праву отдыхал;
Но увы! мои хозяин дроги
На полозья сдвинуть приказал!

И моих встревожили пенатов,
Беззаконно снарядили в путь!
И теперь тащуся я в Саратов.
Стар уж я, пора мне отдохнуть.

Мне житье давно уже постыло;
Всё на смерть здесь осудил творец!
Я скриплю, скриплю теперь уныло,
Скоро я разрушуся вконец!

Тарантас подъезжает ближе. В нем сидит подле старой помещицы молодая девушка прекрасной наружности и дремлет. Перед нею также носятся разнообразные видения и звуки.

Голос

(напевая Архипову)

Жаль мне и грустно, что ты, молодая,
Будешь томиться в глуши;
Жаль, что исчезнет в тебе, увядая,
Свежесть прекрасной души!

Будешь под гнетом пустой и бесплодной
Мелких забот суеты,
Будешь подавлена жизнью холодной, —
Бедная девушка, ты!

Другой голос

(напевая молодой девушке)

Взамен разлуки и печали
Что впереди тебе дано,

Что в безотрадно-грустной дали
Тебе судьбой обречено?

Зачем возможность понимала
Ты жизни лучшей и другой;
Зачем ты душу воспитала,
Зачем стремилась в мир иной?

И знай: должна уединенно
Твоя поблекнуть красота,
Промчаться юность постепенно,
Разбиться светлая мечта!

Но заживет с годами рана,
С своим ты свыкнешься житьем!
И все мы, поздно или рано,
Себя самих переживем!..

Экипажи разъезжаются. Перед Архиповым возникает образ беловского городничего.

Городничий

Прочесть я должен паспорт ваш;
Не то другим повадка.
Законов аккуратный страж,
Блюститель я порядка.
Давно служить имею честь,
Так у меня, поверьте, есть
Проворная приглядка!..
Своею властью мог бы я
Вам способ дать уехать,
Но...

(Исчезает.)

Повозка проезжает мимо обширного старого барского дома, который видится издали Архипову даже сквозь дремоту.

Голос

Глядит он, мрачен и угрюм,
Пустой, холодный и старинный!
Как много, много грустных дум
Встают во мне чредою длинной!

Была здесь некогда семья,
Знавала счастие и радость;

Под сенью тихого житья
Росла, воспитывалась младость!

И был в кругу домашнем их
Свой мир отдельный, мир заветный;
Отвсюду веяло на них
Знакомством, дружбою приветной!

И этот дом, и этот сад,
Для птиц узорчатая клетка,
Столов, скамей зеленых ряд
И отдаленная беседка,

И сход к тенистым берегам
Реки излучистой, плотина,
И пруд, и мельница, а там
За рощей скрытая равнина...

Чего свидетелями вы
В былое время ни бывали?
Каких забав, какой игры,
Каких тревог, какой печали?..

Когда ж для всех наступит сон,
Одна, быть может, оставалась,
С тебя, возвышенный балкон,
Безмолвьем ночи любовалась...
О чем тогда ее мечты,
О ком была ее забота?..
Зачем так поздно с высоты
Стремилась вдаль, ждала кого-то?..
И всё промчалось...

Дом скрывается из глаз.

Другой голос

С юных лет в тебе бывало
Всё раздумью отдано,
Беззаботному мешало
Наслаждению оно!
Всё везде тогда носило
Для тебя в себе вопрос...
Развилась младая сила,
Возмужал ты и возрос!..

Но и ныне среди шумной
Разговорной суеты,
Легкомысленной иль умной,
Погружаться любишь ты
В те немые созерцанья
Лиц, явлений, каждый час
Без следа и замечанья
Проходящих мимо нас!
Всё иначе представало
Взорам внутренним твоим,
В образ новый возрастало,
Миром веяло своим!
Все отдельные явленья
Обретали, расширясь,
В хоре царственном творенья
Гармоническую связь!

Но неопытной душою
Возмущался сильно ты,
Видя наглою бедою
Погубленные цветы!
Видя много зол напрасных,
Много горестей немых,
Слыша жалобы несчастных
И тщету молений их!
Как развитию, движенью
В человеческой семье
Служат первою ступенью
Плач и слезы на земле!
И пока затихнуть может
Бесполезная борьба,
Сколько жертв она положит!
Как безжалостно судьба,
По законам властелинским
Непреложности своей,
Давит ходом исполинским
Жизнь отдельную людей!..

Так в немые созерцанья
Погружаться любишь ты,
Пробуждать в себе желанья
И высокие мечты!

И носиться в мире сложном
Чувства грусти и любви,
И в участии тревожном
Проводить младые дни!

Другой голос

Окрепни дух! воскресни сила!
Гони бездействие мечты!
Всё то, что грудь в себе носила,
Осуществить не можешь ты!

Откинь же ложное стремленье
И чувств восторженных порыв:
Они приносят расслабленье,
Все силы духа умертвив!

Твои бесплодные страданья,
Лишь даром возмущая кровь,
Твои бесцельные исканья
И бесполезная любовь

Не разрешат тебе задачи,
Не изменят земли суда:
Всё так же горести и плачи,
Как были, будут и всегда!

Ты уносился в мир нездешний,
Ты отдал юности почет:
Пусть мир действительный и внешний
Всего теперь тебя займет!

Его дела пробудят в теле
И бодрый дух, и силы вновь...
Но на одном высоком деле
Сосредоточь свою любовь!

Первый голос
(прерывая)

Кто из нас в былое время,
Полон скорби, не хотел
Облегчить чужое бремя,
Усладить чужой удел!

И беду, и грусть лихую
Отогнать далеко прочь,
Утолить печаль чужую,
Горю всякому помочь!

И хоть знаешь: скорбь и муки
Всё равно должны мы несть,
Знаешь ты, что здесь разлуки
Неминуемые есть!
Что для всех таятся в жизни
Неизбежные труды,
Что печаль и укоризны
Не защита от беды!
Но для мертвого воззренья
Ты себя не воспитал,
Чувств живых ограниченья
Ты душе не налагал!
Пусть живут в тебе достойно
Заблужденья и мечты...
Но законность жертв спокойно
Признавать не можешь ты!

Другой голос

Зачем же чувства в вас прекрасные всегда
Работ действительных боятся?
Вам, видно, легче жить без всякого труда
Да в отвлеченности скитаться!
Тот эгоист холодный и пустой,
Кто жизнь свою не посвятил народу,
Что б он ни говорил про долг любви святой,
Про человечество, свободу!..
Спадет твоих сомнений шелуха,
Сильней восторжествует чувство,
И смело ты...

Попадают в ухаб. Ящерин и Архипов привскакивают оба с своих мест и смеются.

Ящерин

Вот ровный зимний путь! он разбудил меня!
Ну, кстати выкурить! Иван, подай огня!
Не нужно, нет: заснуть попробую я снова!
Да ты что? спал иль нет, не скажешь мне ни слова!

Архипов

Не знаю, спал ли я, дремал,
Но много, много, мне казалось,
Я видел образов, яснее понимал,
Что прежде мне неясным представлялось!
Вопросы разные, сужденья зрелых лет,
И чувства юности, внутри противоречья,
Желание найти себе ответ —
Везде всегда со мной. Их от себя отвлечь я,
Как ты, не в силах; твоего
Я б не хотел холодного покоя:
Он разрушает то, что для меня всего
Святее: чувство гонит он родное!

Ящерин

Желаю я тебе найти
Себе по нраву разрешенье;
А я уже давно нашел успокоенье!
Приятных снов тебе, прости!..

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ

Черная, бедная изба, освещенная двумя горящими лучинами. Под образами, за столом сидит человек пять мужиков-извозчиков, подле них хозяин-старик. Две бабы: одна, старуха, сидит в углу; другая, молодая, с добрым и приятным выражением лица, сидит подле огня, прядет и беспрестанно вставляет новые лучинки в светец. Ребятишки всех возрастов в изорванных и грязных рубашонках лежат частию на полатях, частию на печке, частию сидят на полу. За перегородкой слышится хрюканье свиней, мычанье телят и т. п. Месяц светит сквозь замерзшее окно.

Один из извозчиков

Дай квасу, бабушка!

Старуха

(подавая квас)

На, родимый, пей!

Другой извозчик

Эх, месяц светит! теперь бы и быть в дороге! А мы заплошали, ночку должны переждать...

Хозяин

А как дорога-то, ухабиста?..

Извозчик

Всяко случалось; где ухабиста, где как шаром покати.

Слышен колокольчик: подъезжает повозка.

Да что, никак к вам проезжие?

Отворяется дверь: холодный воздух клубами врывается в избу; входят Архипов, Ящерин и Иван, с замерзшим мехом на воротниках.

Архипов

Ух, холодно! Дай нам местечко, хозяин. Да принеси, Иван, из повозки погребец и всё нужное.

Иван уходит.

Ящерин

Пф! Что, хозяин, нет у тебя другой избы, — попросторнее, по... чище?

Хозяин

Нет, нету. Да место-то мы вот сейчас опростаем. Ну, ребята, поужинали, что ли?

Извозчики встают и крестятся на образа. Ящерин и Архипов, скинув шубы и меховые сапоги, располагаются в углу. Иван приносит погребец, складной самовар и ставит на стол чайный прибор, ложки и пр.

Ящерин

Да у тебя там были восковые огарки. Зажги их.

Иван исполняет приказание.

С этими лучинками ничего не видать! Да поставь самовар!

Один из ямщиков
(другому)

Господа-то запасливы.

Другой

Не малого и стоит...

Ящерин

(Архипову)

Какая скверная изба! Ну есть ли возможность жить в таком хлеву?

Архипов

(тихо)

Полно! услышат!

Ящерин

Diable! voilà une triste existence! On aurait peine à se faire idée d'une pareille misère! [1]

Подают самовар. Пар бьет вверх и распространяется по избе. Ящерин и Архипов приготовляют чай. Мужики все вместе стоят в углублении молча и смотрят.

Ящерин

Voyez comme ces droles-là nous regardent! je n'ai rien vu de plus niais! [2] Ха, ха, ха!

(Смеется.)

Архипов пожимает плечами.

Один из извозчиков

(другому тихо)

Это про нас!

Ящерин

А сливок нет у вас?

Старуха

Нет, батюшка, всё на сметану к разговенью пошло. Ведь вот уж посту шестая неделя идет.

Ящерин

Да, бишь, я и забыл! Что нам лошадей?..

---

[1] Черт побери! Вот жалкое существование! Едва ли можно было даже допустить мысль о такой нищете! (франц.) — *Ред.*

[2] Посмотрите, как эти странные создания глядят на нас! я не видел ничего более глупого! (франц.). — *Ред.*

Хозяин

Сейчас запрягут. Дорога проселочная; лошадей мало; мужички все в город поехали, а оттоль еще не возвращались...

Молодая баба

Мужу-то пора бы быть домой...

Ящерин

(Архипову шепотом)

Посмотри, ведь очень недурна!.. Как странно видеть такие лица и в этом классе, да еще вдобавок с грустным выражением?

Архипов

(так же)

Да, доброе лицо! и вести такую бедную, скучную жизнь!

В это время раздается плач ребенка. Молодая женщина кладет веретено и качает люльку. Маленькая девочка подходит к столу и смотрит.

Архипов

Ты что, девочка, так на нас уставилась? хочешь чаю, что ли?

Старуха

(отводя ее)

Пошла, глупая, прочь! Вы, батюшка, не взыщите! Ей в диковинку вот, что свечки горят... Мы всё лучину жжем.

Архипов

А зачем же?

Старуха

Куда нам, батюшка! И с хворостом-то, слава те господи, еще справляемся.

Другой ребенок, возясь на лавке, стукается об стену и ревет.

Ящерин

Ну!..

Молодая женщина

(подбегая к ребенку)

Что, убился? Ничего, ничего, не плачь, родимый, не плачь, поди ко мне...

Берет ребенка на руки, он перестает плакать. — Мужики садятся молча на лавку.

Ящерин

Черт знает, как мы долго едем! А завтра именины у Чечиных! Пожалуй, не поспеем. Надоело... Какой ты, брат Архипов, скучный нынче! — Иван! допивай чай, а потом прибери всё хорошенько, да оботри стаканы и серебро.

Иван прибирает чай, садится в угол и пьет, говоря сидящему подле него извозчику.

Иван

Экой глупый мужик, где уселся, на барском сапогу... пошел прочь, болван!

Мужик сходит.

Архипов

Что вы, господские?

Хозяин

Нет, были казенные, а нынче-то уж... как его?..

Архипов

Да, знаю, Государственных имуществ. Ну, что теперь, как у вас идет, а? довольны вы?

Хозяин

Ничего, терпим...

Ящерин

Diable, ce n'est pas bête! [1]

Архипов

Ну а прежде было лучше?

---

[1] Черт побери, неглупо! (франц.) — *Ред.*

Хозяин

Когда не лучше...

Входит ямщик.

Ямщик

Старому, барин, ямщику на водку.

Ящерин

Плохо ехал... на!

(Дает ему денег.)

Ямщик

(кланяется и подходит к мужикам)

Э, замерз совсем! Дайте, ребята, погреться у печки.

Мужики дают ему место.

Вы отколь едете?

Один из мужиков

А из-под Саратова. Еще с Миколина дня...

Ямщик

С своим товаром, аль с чужим?

Мужик

С чужим, купцовским.

Ямщик

Да уж не на ярманку ли, что в селе Ростове?

Мужик

Нету, мы на Воронеж...

Ямщик

А у нас-то мужички все на ярманку собираются.

Мужик

А далече отсель?

Ямщик

Верст двадцать будет. А и у вас ярманка водится?

Мужик

Бывает и у нас. Вот в Михайлов день было, товаров навезли и невесть что, изо всех земель... такая народная была...

Продолжают разговаривать между собой.

Ящерин

Хозяин, сколько тебе?

Хозяин

Что пожалуете.

Ящерин

Ну, добро, говори... Мы у тебя ничего не брали...

Хозяин

Да хоть пятиалтынный с вашей милости...

Ящерин

На!

(Бросает ему деньги на стол, потом, насвистывая, ходит по избе.)

Чье это мы село проезжали, здесь недалеко, по проселочной дороге, с домом?

Хозяин

Помещичье...

Ящерин

Что, богатое село?..

Хозяин

Да, прежде крестьяне жили изрядочно, а теперича жаловаться стали... управитель из немцев и невесть что творит!..

Ящерин

А господа-то где?

Хозяин

А бог знает, уж они в отчине давно не бывали, годов с десяток...

Ящерин

Да где они живут-то, в Москве что ли?

Хозяин

Нет, не на Москве, а сказывал мне намеднясь мужик оттоль, что, говорит, должны быть или в Питере, или в чужих сторонах... Денег, говорит, и бог весть что посылают. Господа-то далеко, говорит, так на немца и управы нет!

Иван

(который между тем, прибрав всё, выходил к повозке, возвращается)

Готово-с.

Ящерин

А! одеваться.

Оба одеваются.

На той станции я всё спал, теперь напился чаю и, верно, спать не буду, что мне очень досадно...

Архипов

Это всегда так кажется... Поедешь, подремлешь и заснешь! Особенно ты...

Ящерин

Ну а ваша милость что? Будете опять разным видениям, думам и мечтам предаваться?..

Архипов

Нет, уж теперь не разным, а одной. Ты помнишь, что я тебе говорил в начале той станции?

Ящерин

Что это, о народе...

Архипов

Да, и я еще живее убеждаюсь в этом. Как в эту минуту перед действительностью все остальные и отвлеченные думы бледнеют!..

Ящерин

Смотри, брат, ты, кажется, на ложном пути. Nous

parlons en énigmes et je crois que ces gens-là ne nous comprennent pas.[1]

Архипов

Пусть и понимают...

Ящерин

Какой ты сердитый! Пойдем...

В это время входит Петр, сын хозяина, мужик лет 25, молится на образа, потом кланяется всем присутствующим.

Хозяин

Здорово, Петруша! Ну что? какие вести?

Петр

Да плохо-ста!

Хозяин

Ну?..

Петр

(вешая кушак и тулуп на перекладину)

Да не хорошо дело. Был я в городе и ходил с гостинцем, как ты приказывал. Вот он и сказал мне: ладно, говорит, это ты хорошо сделал, что принес, а вот пришла из Петербурга весть верная: через месяц, говорит, по пяти душ с тысячи, набор!

Все мужики приподнимаются с мест.

Бабы

С нами крестная сила!
Царица небесная!

Ящерин

(схватывая Архипова за руку)

Partons, partons![2]

Уходят и садятся в повозку. В избе слышен женский вопль.

---

[1] Мы говорим обиняками, и я уверен, что эти люди нас не понимают (франц.). — *Ред.*

[2] Едем, едем! (франц.) — *Ред.*

Архипов

(Ящерину)

Слышал? видел, а?

Ящерин

Да, брат, видел; ну что говорить!

(Машет рукой.)

Едем.

Усаживаются.

Иван

(скороговоркой)

Ну, валяй скорее, господа не скупые, едут на праздник, будет тебе и водка.

Ямщик

(трогая лошадей)

Ну вы, голубчики, с богом!..

Колокольчик звенит; они едут. Месяц освещает дорогу.

Март 1845

БРОДЯГА

Очерк в стихах

Часть первая

ПОБЕГ

1

Сиял, безоблачен, свод неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуков, ни речей: палит и пышет зной,
Всё будто спит иль притаилось.
Жара и тишина! Манит издалека
Безмолвный лес прохладной тенью;
Катилась медленно ленивая река,
Послушна вечному стремленью!
Крутого берега белеется отвес,
Водами вешними обмытый;
На нем село; за ним, подале, виден лес;
Внизу копытами изрытый
Песок; вверх от реки ползут на косогор
Дорожек узкие извивы,
А там отлогий скат, за ним лежит простор
И всё луга, луга да нивы!..

Благоприятный день! крестьяне дорожат
Такими днями сенокоса,
И ни души в селе! разбросаны лежат
Телеги, снятые колеса,

Да по плетню кой-где развешано белье,
Под ним разостланы полотна.
Но тихо всё кругом, и всякое жилье
Глядит так сонно, так дремотно!
Томит безветрие. Луч солнца на песке
Так горячо, так ярко блещет...
Лишь изредка порой послышится в реке,
Как будто кто, купаясь, плещет!..

Запел петух, другой. Окрестных деревень
Поочередно, друг за другом,
Пропели певуны. На половине день,
Пора труды сменять досугом!..

Да вот они! Из-за холмов
Несутся глухо гул и ропот,
И слышен в поле дружный топот
Под лад ступающих шагов.
Домой косцы спешат собором
И, песню подхвативши хором,
Поют:
«Ивушка, ивушка, зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
Или те, ивушку, солнышком печет!
Солнышком печет, частым дождичком сечет,
Под корешок ключева вода течет!..»

Тянулся долго звук последний
И стих. Слышнее голоса
И говор стали; вот коса
Сверкнула вдруг из-за соседней
Опушки леса; две... три... пять...

Все... песня грянула опять!

«Ехали бояре из Нова-города,
Срубили ивушку под самый корешок,
Стали они ивушку потесывати,
Сделали из ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сели в лодочку, поехали домой,
Взяли, подхватили красну девицу с собой!..»

Слетела с шумом стая птиц,
Всё ожило. Косцы отрядом
Идут; с их загорелых лиц
Обильный пот катится градом;
Но вот у самого села
Вдруг песня дружно замерла.
Кричат мальчишки: «Наши, вота!»
Собачий лай, скрипят ворота,
И всяк торопится домой
К избе утоптанной тропой!

2

Все по домам. Обедает село.
Но прост обед и длится понемногу,
И скоро, встав и помоляся богу,
Усталые заснули тяжело.
Не спал один. Забившись в клеть пустую,
Лежал да думал парень молодой...
Об нем-то вам я ныне повествую,
Об нем рассказ правдивый и простой.
Что ж он, каков? Лицом не очень смуглый,
Рост семь вершков и подбородок круглый,
Нос невелик; особенных примет
Не указал бы паспортный билет.
Темноволос; лет двадцать; худ немножко,
Матвеев сын и звать его Алешка!..

Но парень был он знатный, хоть куда,
И песни петь любил на хороводах,
Сказать словцо веселое на сходах
И с девками шутить... Да вот беда:
К крестьянской он не прилегал работе,
На барщине гнела его тоска:
Не так ему, на воле, по охоте
Желалося добыть себе куска!
Хоть дома жил он тихо и нессорно,
Да всё не то, всё как-то не просторно,
А за селом, куда ни взглянет взор,
Какая даль, какой лежит простор!..

И он любил — народною молвою —
Знакомиться с далекою Москвою...

«Ведь вот же мне, — он говорил тайком, —
Не привелось родиться ямщиком!
Чего здесь ждать? кого? какого черта?..»
И он ходил просить себе паспóрта!
Нет, говорят, ты лишнее тягло,
Женись, пора! Вишь, ждет тебя Аксютка...
Бурмистр упрям. Как быть? плохая шутка!..
И темное в нем чувство залегло!..

Что ж думал он, о чем? О том, что на ночь
Ему вечор сосед — хромой Степаныч —
Рассказывал про подвиги свои:
Он «в склонности к побегам был замечен»,
Иль, попросту, он бегал раза три,
Был всякий раз за это много сечен
И наконец вернулся изувечен,
Всегда на спрос ответствуя судей:
«Зачем бежал?..»
— «По глупости своей!»
Но сам бежать Алешка не хотел.
«Нет, — думал он, — бежать из дому стыдно
И не с чего... Хоть иногда обидно
Бывает нам, да уж таков удел!
Оно, конечно, в пятницу намедни
Бурмистр Корнил грозил мне: «Выкинь бредни!
Эй, не дури, ты благо не женат,
Забрею лоб, и будешь ты солдат!»
Да смирно жить, так гнать не станут больно,
А здесь отец-старик... И то сказать,
Давно господь прибрал старушку мать,
А у отца нас без того довольно...
Добро б еще с Парашкой под венец!..
Эх, хороша! да скуп ее отец!..»
С Парашкою? так вот еще причина!
У молодца другая есть кручина?..

Что грех таить! Была зазноба!
Один ли он, иль, может, оба,
Но верно то, что всякий раз,
Когда они сходились вместе,
Ему всё мнится о невесте,
Она с него не сводит глаз.

Бывало, в праздник под навесы
Присядут девки на скамьи —
Кругом их парни и повесы
Одной деревни и семьи;
И тут-то к слову, прибауткой,
Она его заденет шуткой,
И долго, долго ходит смех,
И он доволен, пуще всех!
И не насмотрится, бывало,
Да и сама Параша знала,
Что благость к ней господь явил,
Ее красой благословил!..

Зато Алешку и досада
Брала угрюмая не раз.
В Параше был ему отказ;
«Что ж, — думал он, — чего мне надо?
Что ж даром я крушу себя?
Зачем, куда суюсь без спросу?..
Не насмотрюсь на эту косу,
Не налюбуюсь на тебя,
На поступь ли твою павлину,
На грудь, на шею лебедину
Да, что меня с ума свели,
На очи бодрые твои!..»

Но вот уж всё в глазах мешаться стало:
Парашка, клеть, Степаныч и Корнил,
Дрема́ сильней и крепче налегала,
И сон его тяжелый полонил.

3

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..

Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

Где ж крестьяне? День работав бодро,
Все теперь за ужином они:
Толк идет, чтоб устояло вёдро,
Чтоб еще продлились эти дни!
Нет, уж дождь их к утру не разбудит,
Облака давно сбежали прочь!..
Что за вечер!.. И какая будет
Теплая и месячная ночь!

4

Всходила ль луна на простор голубой,
Блистали ли звезды ночною порой
И свет серебристый на хо́лмы и на́ дол,
На избы и клети, на улицу падал, —
Деревня не скоро уляжется спать,
И старый, и малый выходят гулять!
На небо, на звезды, на месяц полночи
Без устали смотрят, любуются очи,
И, став на дороге веселой толпой,
Ведет хороводы народ молодой.
При месячном блеске сменяются лица,
За девицей парень, за парнем девица,
И песни поются почти до утра,
А с утром работы настанет пора!..

Где ж парень удалый, Алешка-повеса? —
Поодаль, на лавке, под сенью навеса,

Щекой прислонившись к руке, он сидел
И долгие, долгие песни он пел...
Он пел про тоску, про злодейку-кручину,
Про молодцев добрых, лучину-лучину,
Про белые снеги, про темную ночь,
Про девицу-душу, отецкую дочь,
Он пел про село, про знакомое горе,
Про дальнюю степь, незнакомое море,
Про Волгу-раздолье, бурлацкий привал...
И без вести к утру Алешка пропал!..

5

Пошел бродить Алешка по полям,
По рвам, лесам да по глуши безвестной.
Свободен он, себе не верит сам...
Везде простор под твердию небесной!
И, полон весь отваги молодой,
Без устали, без мыслей, без оглядки
Он долго шел, покуда стих душой, —
И в голову полезли чередой,
Назло ему, и мысли и догадки:
И честно ли, к добру ль иль не к добру?
Что скажут *там*, как встанут поутру?..

Подумал он: что ж, разве я иду
На промысел лихой, как душегубец?
Не тать же я, не вор, не празднолюбец,
Не от труда, а к новому труду!
На честный труд, на вольное терпенье!
Себя я сам работой прокормлю...
Эх, господи! храни мою семью,
Будь в помощь мне, прости мне прегрешенье!..
И от души как будто отлегло.
Оборотясь, взглянул он на село
(В ту сторону: его не видно было,
Его давно уж темью обложило);
Перекрестясь, тихонько он вздохнул,
Миг постоял, потом рукой махнул,
И снова в путь, куда тоска умчала,
Но тверже шаг и крепче воля стала!

6

Вперед к меже, где сходятся уезды!
Вперед, вперед, пока хватает мочь!
Верст семь прошел — и закатились звезды,
Еще верста — и побелела ночь!
Весь дол притих. И облегла, пылая,
Полнеба вдруг румяная заря,
И ожил дол, от края и до края
Весь золотом и красками горя!
И, тварью вмиг наполнившись живучей,
Уж воздух весь сверкает и жужжит,
И солнца луч, пока еще нежгучий,
В воде росы дробится и дрожит.
Проснулася, зареяла, запела
На все лады певучая семья;
Но дремлет лес: без ветра заалела
И стала днем недолгая заря!
Но вот и он: и, закачав листами,
Он пробежал шумящими струями,
И в чаще смолк меж листьев и ветвей,
И длинные зашевелились тени...
И по теням, ища приветной сени,
Шел, близ дерев, усталый Алексей.
Чем дальше в даль, тем солнце было ярче,
Земля пыльней и суше, воздух жарче.
Вот и межа! «Нет, надо отдохнуть!
Намаешься: ведь долог, длинен путь!»
Он влево взял: там меж горы и леса,
Под сению ветлового навеса,
Шумела речка. К ней он поспешил,
Воды испить хотелось груди жадной
И пот и пыль обмыть в струе прохладной, —
И весело он в речку соскочил!
Оделся вновь и, помолясь на небо,
Он из мешка достал краюху хлеба.

Куда ж идти? Туда ль, где солнце всходит?
Туда ль бежать, куда оно заходит?
Перед собой, с краев и позади,
Везде простор, куда ни погляди!
Где ж лучше жить? Как тут обдумать здраво?

Губернии налево и направо!
В какой из них работы не найти?
Расскажут, чай, кто встретятся в пути!
Хоть сторона и не совсем знакома —
Всё Русь да Русь, везде ты будешь дома!
Позавтракав и помоляся богу,
Сквозь сучья в лес он проложил дорогу:
Ему б уснуть часочек или два!
Вот видит он: хорошая трава!
Какой травы, подумал, не жалеют!
Иль брезгают? иль, может, не умеют?
Долой зипун! Нагнулася она
Под ношею нелегкой зипуна.
Повис зипун, земли едва касаясь,
Но ближе к ней и ближе наклоняясь;
И смял траву, прилегши, Алексей;
Прижал зипун всей тяжестью своей,
И так заснул, что гром его — уверен! —
Не пронял бы!.. И спал он до вечерен.

7

Клонилось солнышко за го́ру,
Работа легче, жар слабей.
Кто спит теперь, об эту пору?
Вставай, ленивец Алексей!

Крестьяне все трудились ныне:
Ты в поле не был, не пахал,
Не побродил по десятине,
Косой железной не махал!
Такому парню не пристало
Лежать, коль бодрствуют отцы!
Что спишь? Иль ночи было мало?
Иль напролет душа гуляла
До бела утра с молодцы́?

Проснись, вставай, примись за дело!
Оставить нежбу не пора ль?
Иль будешь ждать, чтоб солнце село,
И дня пропадшего не жаль?

Проснулся он как будто спозаранку,
Глядит вокруг; и видит Алексей
Травы испод, и влажную изнанку
Пушистых листьев, корни стебелей.
В траве сверлит, чирикает, стрекочет,
И возится, и суетно хлопочет
К нему вползти на шею муравей.

И взор его в траве невольно бродит,
Сквозь чащу в даль зеленую уходит...
Распуталась, раздвинулась трава...
И видит: гриб! приземистый и плотный,
Прирос ко мху, здоровый и добротный,
Темнеется, за ним другой... и два!
Так, белый гриб! эх, тетушке Матрене
Его б отнесть! Но к тетушке Матрене
Не близок свет!.. И быстро он вспрыгнул...
Пора идти и к цели путь направить;
Надел зипун и кудри отряхнул...
А что ж грибы? нельзя же их оставить!
И, завязав их бережно в платок,
Он зашагал и скоро был далек.

БУРМИСТР

1

Корнил, бурмистр, ругается,
Кузьма Петров ругается,
И шум, и крик на улице,
Три дни прошло, Алешки нет,
Пропал Алешка бéз вести.

Денечка три повыждали,
И нынче лишь, ранехонько,
Кузьма Петрович, староста,
Сказал о том Демьянычу.
Как взбесится Корнил-бурмистр,
Как замахал, задвигался!
Подай отца!.. Зовут отца.

Ох, тошно было старому,
Немало он кручинился;

Вещует сердце старое,
Что не бывать уж свиденью,
Алешке не ворочаться!
Его бранил, себя бранил,
Просил у бога милости,
Чтобы простил он блудному,
Чтоб вразумил безумного,
Не допустил бы глупого
До худа непоправного!..

Матвей Лукич! Ступай — зовут!
Ох, тошно горемычному!
Идти ему не хочется,
Ответ давать приходится,
Перед людьми позориться,
А тут, гляди, на улице
Как будто сходка целая.
Плетутся друг за дружкою,
Со всех концов сбираются,
Без зова созываются!..
Бабья-то сколько, господи,
Туда ж понатолкалося!..

Стоит себе Степаныч тут,
На палку упирается,
Молчит и не промолвится,
Лишь борода шевелится,
Ус только смехом дергает!..
Смекнул хромой, да прежде всех,
С Алешкой что поделалось,
Догадлив был он нéспроста:
Его рассказы буйные
Мутили сердце молодцу!

Вишь, и ее нелегкая
Туда ж несет на сходбище:
Кузьмы Петрова, старосты,
Жена его, Пахомовна!
Какая баба тучная,
Какая баба сплетница,
Сварлива и назойлива:

Когда другой ругается,
Подругивать охотница!..

Пришел Матвей, пришел Лукич,
И слышит он укорные
Себе слова позорные:
Что сына он сберечь не мог,
Не вразумлял терпению;
Что миру провинился он,
Убавил им работника!
Такой-сякой и ты, и сын!..
Бурмистр Корнил ругается,
Кузьма Петров ругается,
А тут же и Пахомовна!

Не выдержал Матвей Лукич,
Вдруг на нее накинулся:
«Молчи ты, ведьма старая,
Вишь, отощала, постница!»
И гул пронесся хохота,
Смеются все над бабою,
Над бабою Пахомовной!

Махнул рукой бурмистр Корнил,
За земским шлет он старосту,
Велит писать скорехонько
В суд земский объявление.
Крестьяне все расходятся,
Да жаль им стало бедного
Отца Алешки старого:
«Что, старичок, кручинишься,
Грешна тоска пред господом;
Дал крест тебе он на плечи —
Неси его с терпением!»

Стоят ребята кучками,
Алешку вспоминаючи,
Плетутся толки разные,
Жалеют парни молодца,
А больше парней — девицы,
Но больше их и больше всех
Одна крушится девица...

2

Что, Парашка, молвишь?
Что? Пропал да сгинул!
Знать, любил некрепко,
Коль тебя покинул!

Что цветок весенний
Блекнет, опадает,
Плачет девка, сохнет,
Краса увядает!

День-деньской в работе;
Под вечер, убравшись,
Сядешь под навесом,
Локотком подпершись.

Локотком подпершись,
Смотришь на дорогу...
Подымает сердце
Старую тревогу!

Песню ли затянешь?
Не поется песня!
Прежнее вспомянешь?
Хорошо жилося!

Песню ли затянешь —
Он уж тут, приходит,
Парней созывает,
Хоровод заводит!

Кто статнее станом?
Ростом кто повыше?
Чей громчее голос
Слышен в хороводе?

Под окошком близко,
На пути широком,
Не пройдет, как прежде,
Будто ненароком!

В церковь ли бывало...
Где ж он, горемычный,

Силу молодую
По-пустому тратит?

Иль своя, знать, дома
Надоела доля,
Стосковалось сердце,
Расходилась воля!

Голод, чай, и стужу
Терпит он нередко,
Теплой нет одежи,
Денег ни полушки!

И тулуп овчинный,
Говорят, оставил!
Что ж он нас морочил,
Тешил да забавил!..

Ведают подружки
Грусть твою девичью,
Не затронут горя
Смехом по обычью.

Думают: пусть плачет,
Друга памятует;
Думают: не век же
Девка протоскует!

И гадают правду,
Правду о Параше:
Зацветешь с весною
Ты пышней и краше!

Замуж, с мясоедом,
Много вас повыйдет!
Женихов немало,
Избирай любого;

Матушкиной просьбой,
Батюшкиной волей
Ты с своею горькой
Распростишься долей!

3

Проворен земский; написав прошенье,
Понес его начальству на прочтенье.
«Написано? — сказал бурмистр, — ну, что ж?»
— «Сего числа и месяца и года,
Ананьина села, Хохлово тож,
Крестьянский сын Матвеев Алексей,
Примет таких, не учинив законно —
Противного, до солнечного всхода,
В ночь учинил побег, притом вещей,
Кроме одежи собственной своей,
Не сделав сносу; где ж он — неизвестно.
О чем прошу сей Земский суд покорно
Сие мое прошенье благосклонно
Принять, мне копию с него вручив,
Порядком надлежащим закрепив.
Ну, вот и всё!»
— «И дельно, и проворно».
— «Да что ж, Корнил Демьяныч, не впервой! —
Ответил земский, — трудимся посильно!»
Доволен он Корнильевой хвалой
И пальцы трет кафтанною полой,
Чернилами испачканные сильно.
Готова лошадь. В земский суд Корнил
Решился сам поехать с объявленьем
Да на базар, к купцу и с порученьем...
В телегу сел и пылью запылил!

4

Верст тридцать пять, не больше, от Хохлова
До ближнего лежало городка;
Об нем теперь я не потрачу слова;
Он был как все: гора, овраг, река,
Заставы нет, стена не облегала,
Не видно в нем конца или начала!..
Но издали, казалось, на горе,
Так тесно в нем дома, сады и кровли
Толпилися, приютно для торговли,
И в ясный день при солнечной игре
Кресты церквей горели и сверкали...

Но в городе все врозь они стояли,
Везде пустырь и вдоль его забор;
В средине — площадь, будка и собор,
И подле — дом, взамен другой огласки —
В два яруса, известной желтой краски!

Тот город был не старый и не новый;
А так себе. Вот взъехал; видит он:
Был где-то в церкви праздник; идут вон,
И всё народ служилый и торговый!
Вот, ускользнув от скуки деловой,
В ущерб казне и службе в проволочку,
Попа Кузьмы хорошенькую дочку
Следит в толпе приказный молодой!..

Приходит в суд. На лестнице, в передней,
Толпа крестьян, крестьянок и детей;
Кто так стоит, кто тут же, без затей,
Обедает. Вот волости соседней
Знакомые из ближнего села, —
А в комнате растворенные шкáпы,
Столы, писцы, кругом бумаг охапы,
Бумаг, бумаг, бумагам нет числа!..

Его зовут. Чрез комнату проходит.
Чиновный люд глазами косо водит,
Едва взглянул письмоводитель сам,
Макар Фомич. Бурмистр в другую. Там
В усах, дородный, некогда военный —
Теперь в суде, — начальник преотменный
Подписывал бумаги за столом;
Он хорошо с бурмистром был знаком:
«А, старый плут! здорово, что такое?»
— «Да ничего-с, прошеньице пустое»...
— «Давай, давай, посмотрим!.. что, бежал?..
Эх, дурачье! Ведь хуже будет им же!»
И, взяв перо, он твердо написал
Год, месяц, день, и сбоку: «К таковым же!»
«Ну, брат Корнил! измучен, черт возьми!
Ну, веришь ли, день целый за работой,
Всё сам, везде свой глаз, своей заботой!

Беда, беда мне с этими людьми,
Как раз под суд, коль не мое уменье!..
Макар Фомич!.. Вот на тебе прошенье,
А книга, чай, где вписывать, пуста?..»
— «Пуста».
— «Ну, так! А явочных-то много?
Штук десять есть?»
— «Да будет и полста».
— «Ну вот, прошу!.. Приказываю строго,
Чтоб всё сейчас внести и записать,
Чтоб был во всем, как следует, порядок!..
Ну, видишь сам: ни шагу без оглядок!..»

Макар Фомич оставил их опять.

«Что, ваша милость, скоро ль к нам в Хохлово?»
— «Да скоро, брат, проездом из Соснова:
Дня через три туда отправлюсь сам,
А от тебя к сычевским господам;
Хоть и не рад: не больно хлебосольны!..»
— «Что так? Мы вашей милостью довольны...»
— «Ты говори!.. Да там, от них верста,
В лесу нашли израненное тело:
Убили, знать, какого-то скота.
Сын — жалобу, и завязалось дело!
Ну, здесь тебя держать я не хочу...
Что там у вас, не жнут?»
— «Покуда косим».
— «Так свидимся, прощай!..»
— «Прощенья просим!..»

Бурмистр тотчас к Макару Фомичу:
«Макар Фомич! Что, справиться нельзя ли
О купленном мной лесе воровском?..»
— «Обделано... списали и послали;
Ко мне ступай, я сам приду потом».
— «Иду, иду!..»
Доволен наш проситель;
Вновь за перо взялся письмоводитель:
Пошла писать! Так и строчит слова!..
Ну, мастер был, делец и голова!

ШОССЕ

1

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога,
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работа́л:
Прорезывал горы, мосты настилал;
Всё дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он не сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да божье хотенье!..

А с каменкой рядом, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Без званья ли ты иль со званьем слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам и долинам, чрез речку и гору!
Немного ты места себе отняла:
Простором тележным легла, где могла!
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки местами, и взрежет соха...
Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха!..

Но теперь, как солнца жгучий
Луч палит уж много дней,
Пылен твой песок сыпучий,
Неудобен для коней.

По большой дороге знойно,
Тень далекая, в лесу
Хоть копыту непокойно,
Легче ехать колесу.

Тихо; воздух без остуды
Душен, знойный. Листья спят.
По дороге камней груды,
Раскаленные, стоят:
Для того чтоб тем каменьем,
Раздробив его с уменьем,
Всю дорогу намостить
И тяжелый, твердый щебень,
Засадив в бока и в гребень,
Гладью цельною сплотить!..

Вот куда тебя отвага
Принесла на вольный труд:
Потаскушка, побродяга,
Ты опять, Алешка, тут!
После многих дней бродячих,
Песни звонко поючи́,
На камнях засев горячих,
Под палящие лучи,
Сняв зипун, его, как знамень,
Он раскинул на сучки,
Тяжким камнем бьет о камень,
Молотком дробит в куски.
Вот с огромным, через силы,
Камнем руки поднялись,
Посиневши, вздулись жилы,
Мышцы туго напряглись;
Тяжело приподнимает...
И, в ногах держа другой,
Быстро вниз к нему спускает,
Камни сшиблись, пыль взлетает!..
Откололся край большой,
Свежий, полный искр блестящих...
Так, по всей дороге там
Было много работящих,
Колотивших по камням!..

Вон столб на дороге согнивший торчит.
В нем выдолблен выем, там образ стоит,
И с кружкой, в надежде на щедрую ревность,
Сидит у подножья убогая древность —
Старик, и, завидев пылящих вдали,

Седую главу он склонил до земли,
Дрожащую руку протягивал тихо...
Посмотрит: давно уж промчалися лихо!..
Крестьянин проходит — копейку подаст,
Помещик проедет — ни гроша не даст!

2

Но как сюда Алешку принесло?
Каменья бить — его ли ремесло?
Прослышал он про ценную работу
(Красна цена! кого не заманит!);
Он в Дылдино, к подрядчику Федоту:
Вот так и так, желаю, говорит.
Федот Кузьмин, в одной косоворотке....
Пройдоха был! Дела большие вел,
Снимал кругом подряды в околодке,
Знаком был всем, в приятельство вошел
С соседними дворянскими тузами,
Им угодит — и сам-то с барышами!
Чуть взбесятся, он, боек и речист,
Докажет вмиг, что он и прав, и чист!
Зато его в том месте пресловутом
Любили все и чествовали плутом.
Хозяин к ним из немцев наезжал:
Тот всякий раз, толкуя про работу,
За бороду подрядчика трепал
И с милостью говаривал Федоту:
«Ты плут, Федотыч!..» (Был же он Кузьмин!)

Так у ворот, на лавочке один,
Скончав обед, досужною порою
Федот сидел с открытой головою,
И дочку он в руках своих держал,
И ласки пел девчонке-замарашке,
Сам в плисовых и в ситцевой рубашке...
И тут его бродяга наш застал.
«Эх, молод ты! не по тебе работа!
Силенки, чай, не хватит? иль займешь!..»
— «Да ты скажи, берешь иль не берешь,
А сил занять — уж не твоя забота,

На камняхъ засѣвъ горячихъ,
Подъ палящіе лучи, —
Снявъ зипунъ, его, какъ знамень,
Онъ раскинулъ на сучки,
Тяжкимъ камнемъ бьетъ о камень,
Молоткомъ дробитъ въ куски.
Вотъ съ огромнымъ, черезъ силы,
Камнемъ руки поднялись,
Посинѣвши, вздулись жилы,
Мышцы туго напряглись;
Тяжело приподнимаетъ....
И въ ногахъ держа другой,
Быстро внизъ къ нему спускаетъ,
Камни сшиблись, пыль взлетаетъ!...
Откололся край большой,
Свѣжій полный искръ блестящихъ.—
Такъ, по всей дорогѣ тамъ,
Было много работящихъ,
Колотившихъ по камнямъ!..

Вонъ столбъ на дорогѣ согнившій торчитъ.
Въ немъ выдолбленъ выемъ, тамъ образъ стоитъ.
И съ кружкой, въ надеждѣ на щедрую ревность,
Сидитъ у подножья убогая древность —
Старикъ, и, завидѣвъ пылящихъ въ дали,
Сѣдую главу онъ склонялъ до земли,
Дрожащую руку протягивалъ тихо....
Посмотритъ: давно ужъ промчалися лихо!....

Крестьянинъ проходящій — копейку подастъ,
Помещикъ проедетъ — ни гроша не дастъ!

Увидишь сам...»
— «Ну, ну, ступай, добро,
Вот прямо всё, к Холмам...»
— «Найти сумеем!»
— «Укажут там... А кликать?..»
— «Алексеем
Матвеевым».
Цена ж на серебро
Была рублей... наверно положений
Не знаю я, но медными с сажени
Он зá двадцать и более считал.
Пришел в Холмы, и там ему приказчик
Вручил чурбан и молот, да образчик,
И место где, с камнями, показал...
И горячо, и бойко, так что любо,
Застукала Алешкина рука.
Работа шла, спорилася сугубо,
Вольна, ценна, в новинку и легка!
Часы труда так быстро пролетели!
Алешка встал, пошел; пристал к артели
Работников ближайших в тот же день.
Их было семь — всё больше деревень
Окрестных; но в числе том было трое
Нетутошних, инакого покроя;
Другая речь, и розная у всех.
«Отколева? — спросил один из тех,
Так худенький, невзрачный, востроносый,
Лет двадцати, такой беловолосый, —
Отколева?»
— «Да из-под Вязников.
Владимирский»...
— «Далече ль?»
— «Будет со сто»,
«Давно ль?»
— «Дней семь».
— «По паспорту иль просто?»
— «Так, сам собой, пошел да был таков».
— «Что ж, плохо, знать?»
— «Да так, житье постыло.
А ты отколь?»
— «Ну, я издалека,
Елабужский, починка Бугорка»...

— «По паспорту?»

— «Нет, — чтоб уж вправе было,
Так почитай, что я и сам бежал:
Наш голова за что-то осерчал
И посадить грозил на хлеб и воду
Дней на сорок. Я тягу; прямо в лес.
Вот с той поры и коловодит, бес!»
— «Так вот оно! Давно ли?»

— «Близко году».
— «И ладно всё?»

— «Сходило с рук пока,
Да скучно, брат. Хожу один; тоска;
И хоть опять на родину вернуться!»
— «Что скоро так? Дай вместе оглянуться!
Вдвоем-то нам чего не перемочь?
Набьем мошну, и выждем мы погодки»...
— «С товарищем? Пожалуй; я не прочь:
Ведь мы с тобой почти что одногодки!»
— «Как звать тебя?»

— «Меня? Матвей Сухих,
А по отцу родному Алексеев».
— «Ведь будто тезка! Сам, брат, я Матвеев,
Да, Алексей! Ну, а вон тех, других?»
— «У нас у всех здесь прозвища предивны:
По городам уездным нас зовут
Рабочие. Как раз услышишь тут:
Елабуга, Дорогобуж и Ливны,
Моршанск... Вон тут из Ливен мужичок,
К нам передом, раздвоена бородка,
Приземист, рыж... Ведь он и сам утек
От своего подальше околодка:
Безладицу, напасть им от опек
Послал господь. Он, бойкого десятка,
Достань билет фальшивый для порядка,
Да и уйди!.. Хороший человек!
Он в пристанях весною перегрузкой
Всё промышлял... Куда в работе дюж!»
К ним подошел тогда Дорогобуж,
В рубашке белой, шапке белорусской,
Худой, больной, безвременный старик,
Плешивый лоб, зуб редкий, кроткий лик.
— «Что, дедушка, ведь нашего он поля, —

Сказал Матвей, — своя пригнала воля»...
Тут спросы вновь, как водится, пошли
О том о сем, да из какой земли.
— «Ты здесь зачем? — спросил его Алешка, —
Иль камни бьешь? Вот, чай, наколотил!..»
— «Не смейся, брат! Набил себе немножко,
Елабуга намедни пособил...
Ведь дома что? Кто подати заплатит?
Семью корми; дочь замуж снаряжай;
А там глядишь — везде неурожай,
Когда и так земли на квас не хватит!
Ну и пойдешь деньжонок добывать!»
— «Без спросу, что ль, иль старшим
объявился?»
— «Когда без спросу! у беды спросился!
Да долго здесь не стану работа́ть,
Сажень свою покончу — и вернуся,
Что б ни было: накажут — повинюся!
Эх, горюшко, ты горюшко мое!
Куда уж нам плохое, брат, житье!..»
— «Ну, полно вам, пойдемте-ка к артели, —
Сказал Матвей, — уж там обедать сели:
Вишь, кашевар на нас свои глаза
Эк выпучил, чувашская коза!..»

3

Грешную землю своей благостынью
Щедро тем летом господь посетил,
Добрым ненастьем и мягкой теплынью
Жгучее вёдро надолго сменил!
Ясными днями прошла сенокоса,
Громкая дружно скончалась гульба...
В дождь и овсы, и гречиха, и просо —
Все поднялись яровые хлеба!..
Новую зелень растит луговина,
Много грибов показалось в тени...

Жаркого лета пришла половина,
Красные снова вернулися дни!
Нива безвредно дождем оросилась,
Высохла быстро, зерном налилась:

Рано ты нынче, о рожь, колосилась,
Пышно цвела ты, сам-десять далась!..

Ну-те вы, девки, покиньте прохлады:
Вновь оржаные, томящие страды![1]
В поле рассыпьтесь, берите серпы,
Жать и вязать золотые снопы!..
Левой рукой забирая колосья,
Каждая правой их режет серпом,
Звонко друг дружке пошлют отголосья,
Выжатым вместе сойдутся путем.
Прочь сарафаны! иль жар вас ознобит?
Душно ль вам стало? купанье пособит!..
Ну же, бегите, не так вдалеке,
Шумной толпой окунуться в реке:
С белого тела рукой загорелой
Быстро скидая суровую ткань,
В волны студены бросайтеся смело...
Хохот, и плеск, и шутливая брань!..
Тише вы, тише!.. подруги, не ба́луй:
Парни услышат и придут, пожалуй!..

4

Так от Хохлова до Холмов
Повсюду жатва на уборе.
Пустеет дол: простор хлебов
Уж не волнуется, как море!
Повсюду острым лезвеем
Сталь полукружная сверкала,
И нива, сжатая серпом,
Соломой резаной торчала.

Тем временем бродяга наш
И в дождь, и в жар баляс не точит,
Когда укроется в шалаш,
Когда дождем его помочит.
Ночлег держал нередко он

[1] Страда употребляется и во множественном числе. Мне не раз приходилось слышать от крестьян выражение: «Это случилось около оржаных или овсяных страд» и т. п.

У мужика в избе соседней,
В Холмах — от всех ему поклон,
Был в хороводах не последний.
И славно труд ему дался:
С одной покончил он саженью,
Вот за другую принялся,
И деньги взял по уложенью.
И стало пуще веселей,
Купил рубах, одежи новой...
С ним неразлучен был Матвей,
На всё согласный и готовый.

Так время шло; короче дни.
Ночь длилась дольше до рассвета,
Но всё же белым днем они
Еще богаты! Всё же лето!..

День вечерел. Косая тень
Ложилась низко и широко...
Заутра праздник, вещий день
Ильи, гремящего пророка...

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонят ко всенощной,
К молитве благостной.
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий,
В полях разносится!

В Холмах, селе большом,
Есть церковь новая;
Воздвигла божий дом
Сума торговая;
И службы божие
Богато справлены,
Икон подножия
Свечьми уставлены.
И стар и млад войдет —
Сперва помолится,

Поклон земной кладет,
Кругом поклонится;
И стройно клирное
Поется пение,
И дьякон мирное
Твердит глашение:
О благодарственном
Труде молящихся,
О граде царственном,
О всех трудящихся,
О тех, кому в удел
Страданье задано...
А в церкви дым висел,
Густой от ладана,
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
От солнца — божий храм
Горит и светится;
Стоит Алешка там
И также светится
Довольством, радостью,
Здоровьем в добрый час,
Удачей, младостью
И тем, что в первый раз
На кружку вынул он
Из сумки кожаной
И слышал медный звон
Копейки вложенной,
В труде добытой им...
В окно ж открытое
Несется синий дым
И пенье слитое...

Звонят ко всенощной,
К молитве благостной...
Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!..
В Хохлове также звон;
В нем также храм стоит;
Бедней убранством он,

Поменьше свеч горит;
Но дружно клирное
Поется пение,
И дьякон мирное
Твердит глашение:
О благодарственном
Труде молящихся,
О граде царственном,
О всех трудящихся,
О тех, кому в удел
Страданье задано...
А в церкви дым висел,
Густой от ладана,
Волнами синих туч
Все лица скрадывал,
И солнца слабый луч
Едва проглядывал
В стемневший божий храм,
Сквозь рощи близкие...
Стоит Парашка там:
Поклоны низкие
Перед иконами
Кладет не по разу,
Вслед за поклонами
И свечку к образу
Усердно вправила:
Ему в спасение,
Ему во здравие,
На возвращение
Домой бродячего...
О ком же молишь так?
Худа ты для чего?
Что очи красны так?
Ты, верно, плакала
Иль ночь работала?..
Взгрустнув, поплакала,
Но не работала!..

А что же он? Алешке не до плача,
Не до былых потерь!
В нем вырос дух! мила ему удача,
Ей бредит он теперь!

Парашка там, во храме, бога молит,
И плачется о нем,
А он — свою, знать, прихоть только холит,
И совесть дремлет в нем!

5

А в час вечернего служенья,
О сколько там, у алтарей,
Сказалось истин откровенья,
Премудрых тайн, святых речей,

Благих, карающих, целебных!
И сколько богу своему
Спел песней клирос там хвалебных?
Природа вторила ему,

И мнилось, тем словам внимая,
Взывала к миру и любви,
Согласным хором совершая
Священнодействия свои!

Слова, глагол, который груди
Был должен ужасом обнять...
Привыкнуть к ним сумели люди
И смысл из памяти изгнать!

И много ль тех, которых души
Тот вечер в памяти хранят?
И видят очи, слышат уши,
Но вникнуть глубже не хотят!

Отходит служба. Снова то же:
Засуетился грешный век!
Какая дрянь, великий боже,
Подчас бывает человек!

«Алешка брат, кончаю я сажень,
Да не стоит и за тобой работа!
Эх, горе-то! Опять пришла забота,
А мне бродить, ей-богу, стало лень!»

Так, поздно, близ песчаного сугроба,
Там у шоссе, за грудою камней,
Поужинав, они лежали оба:
Беседу вел с Алешкою Матвей.
Уж ночь, и месяц, с частыми звездами,
Прозрачными прикрылся облаками...

Алексей

Ну, здесь в селе, наверно, до зимы
С тобой как раз работу сыщем мы,
А там и в путь... Я, чай, пробраться можно
Без пашпорту!.. В Москву бы я хотел!..

Матвей

Как до зимы! Нам срок давно приспел,
Пора идти. Здесь место ненадежно;
Здесь место бой, да и беда близка.
Ты слышал ли, что давеча Лука
Хозяину сказал на угощенье
(Он служит там, при волостном правленьи):
Исправнику в наградах был отказ.
Ответ таков, что не́ за что, мол, вас!
Что если б вы разбойников поймали
Иль тех, что бьют фальшивые рубли...
Да, говорит, искал, да не сыскали;
Разбойников! Давно перевели! —
А тех, что бьют фальшивую монету?
Да где ж их взять? Ну нету, просто нету! —
Что ж, говорят, несчастье, видно, вам!..
Так он теперь, озлясь, по деревням,
По селам всем везде снует и рыщет,
Беспаспортных, всё нашу братью ищет!
Нет, говорит, уж быть по-моему́:
Не тем, так вот бродягами возьму!
Хватает всех, и будто за межою
Чужих станов!

Алексей

Что ж много толковать!
Ведь нам с тобой не собираться стать!
Да здешней я наскучил стороною!
Куда ж идти?..

—«Бог помочь, молодцы!» —
Вдруг раздалось; глядят во все концы;
Посыпались каменья, захрустели
У шалаша сухие ветви ели.
Вот что-то там, средь мрачной пустоты,
Шевелится чернее темноты...
Приблизилось... А на небо дугою
И месяц кстати выплыл из-за туч:
Глядят: старик с клюкою и сумою,
Седой как лунь, но статен и могуч,
И кушаком подтянут. Сверх сермяжный
На нем озям и шляпа без полей,
Короткая; сверкает дух отважный
И шибкий нрав из-под седых бровей.
Хорош бы всем, и бодр, и голос зычен,
Да дерзок вид и старцам неприличен!

Смутились наши. «Эй, куда, постой!
Ты что за гусь? Куда ты лезешь, старый?..»
— «Не бойтеся! Вам человек я свой:
За дружбой к вам пришел я, не за сварой!..»
— «Ну, ну, зачем?»

— «Да дайте ж отдохнуть!
Умаялся... Никак у вас уголья?..
Да есть и жар? Погреюсь... вот приволье!..»
Прилег старик и стал в уголья дуть,
И пепел сдул, и у́глей вспых багровый
Ему лицо мгновенно озарял.
Свежее ночь; заходит месяц новый,
Вот огонек тревожно запылал...
«Вишь, старый черт, гляди-ка! будто дома!»
— «Оно, кажись, не очень-то знакомо! —
Сказал Матвей, — отколе ты, постой!..»
— «Кто, я отколь? Я беглый; ты какой?..
Небось смолчал! Что расходился больно!..»

— «Ну полно вам, — вступился Алексей, —
Откуда ты?»
— «С саратовских степей».
— «С саратовских!.. Слыхал про них довольно;
Степаныч наш ходил туда в извоз.
С саратовских! Откуда бог принес!
Эй, расскажи!..»
— «Тебе зачем? Пустое!
Ты не туда сбираешься, так что ж?
Я расскажу, а примется за ложь!..»

Алексей

Ну, полно же! Что там? Житье какое?

Старик

Гм!.. Да, у нас не здешние края!
Там хорошо!.. Там родина моя!..
Да мне пришлось терпеть иную долю!..
Там, брат, не то: земли, угодий вволю,
Кусочками там поля не кроишь,
Так, вспашешь раз, и землю не гноишь:
Сама родит! Засеял ты пшеницей,
У вас сам-пять, а там отдаст сторицей!
Гм!.. За травой, за севом ли пойдешь?
Ступай себе, коси, не беспокоясь!
Что море — степь! Трава растет по пояс,
Воз выкосишь, а на десять помнешь!
Чего тут нет, и вишенье и просо,
Бобы, горох... Всё мнут себе колеса!..
Ямщик ли ты? Коней себе купи,
Башкирских, брат, степной породы, кровной!
Я сам не раз дорогой гладкой, ровной
Хозяином катил себе в степи!..
За промыслом ли ты? Что думать долго?
Там есть у нас речонка подле... Волга!..

Алексей

Ой?

Старик

Да, я сам спускался налегке
По матушке по Волге по реке,

Под Астрахань и даже дальше, в море...
Вот там-то, брат, там золотое дно:
Белугами полнехонько полно!
Осетр, тюлень, севрюга... словно в сборе!..
Уж прибыльно! В весенний ранний лов
Кишма кишат они у берегов,
Сплошной стеной стоят под учугами!..
Ей-богу, так! Пошли б, узнали сами!..
Да что ловцы! Весной, поверишь ты,
Руками девки ловят за хвосты, —
Так, в лодочке шаля одновесельной!..

«Вот знатный край! Ты слышишь ли, Матвей?
Ай хорошо!» — промолвил Алексей.

Матвей

Да, верь ему! и берег там кисельный,
Медовый ток, и мало ли чего!..

Старик

Эх, молодец, не слушай ты его!
Ведь сдуру, так, ворчит он, белобрысый!
Про Астрахань пословицу слыхал,
Что осетра мужик в печи поймал?..

Алексей

А далеко ль?

Матвей

Да врет он много, лысый,
А ты и рад! Нельзя подняться вдруг!..

Алексей

А как нельзя? Да здесь беда вокруг,
Ты знаешь сам, здесь и попасться можно,
Здесь место — бой, здесь место не надежно...
Ну он приврал!.. Да врут они не все ль?
И правда есть!
— «Кисель хоть не кисель, —
Сказал Матвей, — а точно край богатый,

Я им сосед, и рыбой тороватый,
Да шутка ли, ведь верст не пятьдесят!..»

«Эх, мать моя, куда ты плоховат! —
Старик в ответ, — вот он так смыслит дело!
Послушайся и отправляйся смело,
Хоть в Астрахань! Ступай по Волге вниз,
Да к бурлакам; там люд удалый, сбродный;
Другой такой губернии народной[1]
И не найдешь... Татарин и киргиз,
Калмык, бухар, трухменцы да армяне,
Всё дурачье, ты знай себе заране,
Оно ловчей!..»

Матвей

Ты для чего не там?

Старик

Эх, Астрахань уж мне не по летам!
А у себя на родине, признаться,
Мне мудрено, негоже укрываться.
Помещик мой, Максим Кузьмич, меня
Везде ловил; мои приметы знают...

Матвей

А видок ты, тебя как раз поймают!

Старик

Вот в том и горе!.. Ну, подумал я,
Максим Кузьмич! прощай, сердешный, полно!
Уж лучше быть подальше от греха,
Друг о́т друга приходится нам солно,
Так бог с тобой!.. Ушел из-под ти́ха...
А он куды! и этим недоволен,
Мои везде приметы разослал!
Да ничего! теперь мой след пропал,
С саратовских не виден колоколен!

---

[1] Я сам слышал это выражение про Астраханскую губернию от одного саратовского мужика.

Алексей

Куда же ты?

Старик

К дунайским берегам,
Через Москву: мне дело есть и там;
А близ границ деревня есть, Вилково,
Где много я товарищей найду...
Да что таить, и толку я иного!..

Алексей

А далеко?

Старик

Бог милостив, дойду!

Алексей

Ведь и меня помещик, верно, ищет,
И он Кузьмич, да звать его Семен.
Я чай, бурмистр так по́ следу и рыщет...

Старик

А близко здесь?

Алексей

Верст сто...

Старик

Дурак же он!
Как не найти!..

Алексей

Матюшка, друг! как хочешь!
Я в Астрахань.

Матвей

Нет, вместе уж пойдем!

Старик

Вот так-то, так!..

Матвей

Да ты чего хохочешь?

Старик

Да любо мне! Один, или вдвоем,
Сбирайся ты, Алешка, в путь-дорогу!
Гуляй, душа! Валяй себе вперед!
Здесь твой Семен Кузьмич тебя найдет,
А там ищи!.. Ну, весело, ей-богу!
А, Алексей?.. Ведь Алексей зовут?..
Кузьмич Семен тебя повсюду ищет,
Глядь: он себе за Астраханью рыщет!
Мой сбился с ног, меня искамши тут,
Сюда, туда... «Знать, обменился краем?..»
А я ему гуляю под Дунаем!
Эх, попросить, чтоб дали на харчи
И мой и твой, обои Кузьмичи!
Бог даст, приду в далекое Вилково,
Ей, закричу: Максим Кузьмич, здорово!
Голубчик мой! гляди-тко ты, Кузьмич,
Как разопью я с ними магарыч!
Эх, молодца́!

Матвей

Вишь, расходился, старый!
А как идти?

Старик

Отселе вы ступай
Окольною дорогой до Самары;
Там будет вам Павлушка Растегай...
Там сыщете, и бурлаки вам скажут.
Вам в кабаках состряпают билет;
Ну на зиму идти туда не след,
А раннею весной вам путь укажут.
Деревня есть, Червонная зовут:
Найдете вы Косого Федьку тут,
Уж выучит, и призрит, и направит,
И в Астрахань обоих вас доставит,
А там гуляй, как водяная мышь,
То в море ты, то на берег в камыш!..
Ну, половил, понажился немного...
Не по душе, не взлюбишь сторону —
Валяй себе, гуляй до Таганрога!
Ступай в Ростов, в Ростов, что на Дону!

Там целые живут себе ватаги,
Лихой народ, как мы с тобой, бродяги!
Там погулял и пожил года с два
Племянник мой Непомнящий Родства!..

Алексей

Эх, черта с два! Уж невтерпеж мне боле,
Тоска томит; смерть хочется и мне
Так побродить в далекой стороне,
Да погулять, да покружить на воле!..

Матвей

Не прочь и я!

Алексей

Ну, по рукам вперед!
Так завтра мы с хозяином расчет?

Матвей

Да, будто нам на праздник деньги нужны!..
Однако, брат, недолго до утра,
А спать-то нам давно уже пора;
Болтайте же, коль очень вы досужны!

Алексей

Нет, ляжем спать. А где советчик наш?
Устал, лежит... Ну полезай в шалаш;
Кажись, тебя там некому увидеть.

Старик

Спасибо, брат... Да знай же в добрый час:
Ну если б кто из нашей братьи вас
Вдруг встретил там и вздумал бы обидеть,
Скажи ему — и будешь цел и сыт:
Демьян Терентьев кланяться велит!..

Легли. Уснули. К утру посвежей
Дохнула ночь; угасли звезды вскоре...
И грезились Алешке сине море,
Простор степей, приволье камышей!..

<*Отрывки из последующих глав*>

ИЗ 1-й ЧАСТИ

1

Ну, праздник, точно! Отошла
В Холмах с молебнами обедня,
И все гуляют, до последня,
По длинным улицам села.
Пока, без брани и без схваток,
Теснятся около палаток,
Где ставка с пивом и вином;
А там, где торг идет дешевый
Платочком, лентою шелковой,
Толпятся девицы гуртом!..

Вот и гостей почетный круг:
Ведут купцы своих супруг,
И набелены, разряжены,
Как павы, чопорны на взгляд,
Едва купеческие жены
Дородным станом шевелят!..
Но под вечер, когда темнее
И песни звонкие поет
Широким кругом хоровод,
Толпа разгульней и шумнее!
Топочет много молодцов,
Лихих, в пенье́ и пляске рьяных,
И сколько пьяных, пьяных, пьяных,
Веселых баб и мужиков!..

2

На небе месяц светил молодой,
По небу тучки гуляли толпой.
Черные тучки на месяц нашли,
Черную те́мнеть на дол навели.

Тучка в середке! Скорей золотись!
Тучки, гуляючи, вновь разошлись!
Выглянул месяц, блистая окрест
По небу синему, с тысячьми звезд...

В воду глядится. Спускаясь отлого,
К берегу прямо сводила дорога,
Там, где упорную встретив плотину,
Речка прудом разлилась на долину.

Мельница там меж кустами стоит,
Ходенем ходит и мерно стучит;
Там, над прудом наклонившись сонливо,
Дремлет ветла да ветвистая ива...

Берег противный, обрытый водой,
Кверху высокой взбегал крутизной;
Голыми в землю вцепившись корнями,
Вяз над рекой протянулся ветвями.

Там, на горе, где чуть виден плетень,
Длинного сада рисуется тень:
Длинный, старинный, густой и огромный,
Чудно заросший, прохладный и темный...

Кто же там берег обходит вокруг?
Двое?... Алешка с Матвеем сам-друг...
По небу месяц гулял молодой,
По саду платье мелькало порой...

3

Погоня

Их приняли за воров и гонят из сада.

...Едва дыша, то лугом, то дорожкой,
Бегут стрелой, бегут Матвей с Алешкой,
Но сад велик — запутались в саду!..
Через плетень! и тут же на беду

В канаву шлеп!.. Но, чуя близость лова,
Ругнулися и побежали снова!
«Вот, вот они!» — послышалось вдали...
Ну, дай бог ноги! только б унесли!
Еще, еще! уходят понемногу...
Отстал Матвей, Алешка впереди
Прокладывал опасную дорогу...
Ну, смолкло всё! далеко позади
Остался сад; еще версту, и боле,
Они бегут, бегут, — и вышли в поле...

Поле ты, непаханое поле!
Воля ты, неспрошенная воля!
Ты никем ведь, поле, не распахано,
Никому ты, воля, не приказана!
А нонече к полю господин пришел,
Господин пришел, беглый молодец!
Ты стелись чисто, приюти его,
Приюти его, приготовь постель!..
А где ж у тебя, поле, шелкова трава?
Посвети сыскать, месяц на небе!
А есть же у поля про молодца трава,
Указал траву — месяц на небе.
А есть у тебя, поле, студены ключи,
Чтобы было где молодцу воды испить?..
А есть же у поля и студеный ключ,
Он бежит, журчит, не умолкаючи.
Будет кому молодца убаюкивать,
Будет кому молодцу песни петь:
До раннего ли свету кузнечики,
А со ранней зарей все птицы певчие.
А и пологом ему — небо синее,
Частыми ли звездами усеянное.
В изголовье ль станет кудрявый дуб...
Понагнись ты, дуб, протяни листы!
Пособите все, чуда божие!
Послужите все, твари божие!
Нонече к вам, твари, старшой пришел,
Человек пришел, господин пришел,
Господин, удалой, вольный молодец!..

Осень

1

Глухо ревет, на суда набегая,
В брызги дробясь, за волною волна;
Гулом гудит, плеск волны заглушая,
Пристань речная, людна и шумна.
С криком и с бранью, и с дружным призывом
До свету вставший трудится народ,
Пестрым отвсюду нахлынув приливом...
Всем им работу река задает!
Всем ты кормилица, матушка Волга!
Видишь — какие грузятся суда!
Крючники! к делу! Что возитесь долго?
Хватят морозы — так будет беда!
Время! Уж много артелей намедни
В путь разбрелись, поделивши дуван;[1]
Скоро и этот осенний, последний,
С хлебом в путину уйдет караван!

Без облака небо, и ветер студеный,
Поблекшие листья, и озимь зеленый,
И воздух прозрачный, и ясная даль...
Ты, первых морозов осеннее вёдро,
Как смотришь ты красно, как дышишь ты бодро!..
Но люди работы покончат едва ль!..
Уж скоро дождями дороги изроет,
И землю Покров снегом мокрым покроет,
И долго ж, о осень, протянешься ты,
Сера и туманна, с окрестностью голой,
Пока не нагрянут Егорий с Николой
И станут потоки, и лягут мосты!

Живо трудятся. Вон там, близ залива,
К старому судну на сломку идут;

[1] Выручка.

Семь уже вод отслужила расшива,
Днище да ребра как раз разнесут.
Грузную кладь на мокшан многоместный
С берега шибко несут по доске;
Бодро Алешка свой куль полновесный
Тащит, согнувшись, держа на крюке;
Тащит кули и Матвей, — а хозяин,
Дюжий купец, свой торопит народ,
Сам же нередко вкруг синих окраин
Робко посмотрит, боясь непогод!
Поздно суда ты отправишь, упрямый!
Видно, надежно глядят небеса...
Дай же, господь, чтоб до пристани самой
Ветер попутный им дул в паруса!..

2

Серое небо нависло туманно;
Близится время к вечерней поре;
Мелким дождем моросит непрестанно...
Холодно, жутко, темно на дворе!
В городе пусто; на улице слякоть;
Ветер подчас пробежит у окна...
Ну же, в кабак, поболтать-покалякать,
Чаркой-другою согреться вина!
Ну же, в кабак! Что по той ли дорожке,
Ночью ль пойдешь, не заблудишь никак!..
Скучно Матвею, нет дела Алешке...
Люден, и шумен, и парен кабак!

3

Кварталы есть в богатых городах:
Простым людя́м пришлись они на долю.
Там вечно грязь на низменных местах,
Там улицы уже выходят к полю;
Там каменных не встретишь ты палат,
Но всюду там гнилых и почерневших
Ряды домов, от времени осевших,
Или лачуг погнувшихся стоят:
В них окна низки, стекла перебиты,
Бумажками залеплены, прикрыты,

А на углу, на вывеске иной
Прочтешь слова: «Здесь вечно цеховой»...

По улицам, по смрадным тем местам,
Как я не раз, бродил ли ты, читатель?
Кто тех лачуг всегдашний обитатель,
Ты знаешь ли?.. По всем жилым углам
Толпится там народ чернорабочий,
Лихой в труде, до кабака охочий;
Теснится там, весь век нуждаясь свой,
Ремесленник с огромною семьей,
И рядом с ним, с семьей его заводят
Разврат и лень бесстыдный свой приют,
Где нищие артелями живут
И женщины растрепанные бродят...
Но дальше, в путь!.. Светяся огоньком,
Там, на конце, стоял питейный дом.

4

Кабак

И полон кабак, так и хлопают дверью,
    Всё гости, гурьба за гурьбою!
Вот с шумом взошли, и втащили Лукерью,
    И Груню, и Дуню с собою.
Что смеху, что крику! Веселье — и только!
А штофов-то, штофов повыпито сколько!..
        Раздолье, разгул!
Далече кабачный уносится гул!

        Да, шумно и пьяно, —
        Кабак без изъяна!
        Сиделец-то рад:
        Всё новые гости,
        Негложены кости,
        Что гость, то и клад!..
Что гость, то подарок!.. Да кто же такие
Те добрые гости, те гости лихие?

    Да мало ль их, мало ль, тьма-тьмущая,
    И порознь, особо, и кучками:

Всё жмется, теснится, сторонится!
Там пьют ли, сидят подгородные
Крестьяне, домой поспешаючи;
Там пьют, да невесть что и за люди,
Цыгане ль, мещане ль проезжие,
Что пьют, да мигнут, да пошепчутся...
    Поют, отработав, работники,
    Артелью веселой гуляючи,
    Штоф третий до дна осушаючи;
    Поют, угощаются крючники,
    Беседой особой беседуя...
    А шибче, а громче их, с девками,
    Шумят, голосят, все ли нищие,
    Те нищие, люди богатые,
    Деньгой на вино тороватые!..

    Кабак всё полнее, полнее,
    Беседа шумнее, шумнее,
        Уж будет доход!
    Хозяин ли явится,
    Фомой не нахвалится:
        Фома-то народ
    Пить допьяна выучил,
    Оброки все выручил,
    Последнее вымучил...
        Хозяин придет?
    Всё пьяные, пьяные!..
    И по сердцу рьяное
        Усердье ему,
И любит хозяин сидельца Фому!

Туда ж приходил посетитель обычный,
В лохмотьях, в лаптях, мещанин горемычный,
Был прежде с достатком, зажиточен был!
Кабак близ него приютился соседом,
И, чарка за чаркой, втянулся он следом,
И вольную волю навек погубил!
И дети, и мать день и ночь рабо́тали,
Одежу свою от отца запирали, —
И мать, и детей он обкрадывал сам,
И тайно с добычей в кабак укрывался,

Где пил он и пил, и вином упивался,
Безмолвно, упорно, по целым часам!

Кабак всё шумнее, шумнее.
Беседа пьянее, пьянее...
Уж стало темно,
От пару не видно...
Гостям не обидно,
Не так уж и стыдно,
Смелее оно!
Вот кто-то в углу, заплясавши, топочет
И звонко хохочет!

Туда приходила порою девица,
Была черноброва, была белолица!
Красавицей Груней в деревне росла!..
Сгубил ее парень, и девку с укором
Прогнали родные — позор за позором, —
И жизнь удалая красу унесла!
Опомниться страшно; вернуться нет силы,
Забыться, забыться кой-как до могилы!..
А парень богатый слывет удальцом
И выбросил Груню из памяти слабой...
И сделалась Груня той пьяною бабой,
Что тесную дружбу свела с кабаком!..

Кабак всё шумнее, шумнее,
Беседа пьянее, пьянее!
Послышался спор...
Не вышло бы хуже, недолго до ссор!

. . . .

И песни, и пляски — всё вмиг перестало,
Всё громко о драке кругом толковало...
Но поздно; кабак становился пустей
И тише... И только лишь гул собеседный
Был слышен порой, да монетою медной
Расплата, да стук уходивших гостей...

5

Меж многими был также в кабаке
В изорванной шинелишке, небритый,
Опухший, красный, оспою изрытый
И с шишкою огромной на щеке
Из отставных чиновник канцелярской:
Он тридцать лет писал на службе...
И тридцать лет, всё за одним столом,
У дел одних он «проходил служенье».
И девять раз бывал он под судом,
Все девять раз оставлен в подозренье, —
Пока его не выгнал . . . . . .
Начальник, вновь назначенный туда!
. . . .

И выгнанный чиновник Небосклонов,
Хоть зачал пить, но, ловок и смышлен.
Извлек весь мед из знания законов,
И виден был везде на рынках он
С пером в руках, с бумагою гербовой,
Писать для всех и обо всем готовый!

Всех беглецов, беспашпортных, бывало,
Вмиг узнавал его привычный взор...
Вот, крючников подслушав разговор
О том, что время позднее настало,
Что на зиму пристроиться пора, —
Кто здесь, кто там, кто хочет до двора
Скорей добраться, — он легко приметил
Двух крючников, двух парней молодых...
Сидят они поодаль от других...
Матвея он с Алешкою здесь встретил!
Мигнул сидельцу. Тот мигнул в ответ
И к стороне отвел Алешку, тихо
Шепнул ему: «Коль надобен билет,
Вот Карп Фомич, — он изготовит лихо,
Молчи пока!» Алешка ни гугу,
Хоть речью был такой и озадачен;
За пазуху, — кошель не весь истрачен,
Подумал он, давай поберегу,
Чай, заплатить ему придется!.. Скоро
Все расходиться стали, и они

С Карп-Фомичем осталися одни;
Он долго ждать не стал переговора.

«Эх, — начал он, — мужичья простота!
Бродяги вы нехитрого десятка!
Я вмиг узнал — не такова ухватка!
А отчего?.. всё совесть нечиста!
Билета нет, и трусится немножко...»
— «Билета нет! — сказал ему Алешка, —
Я давеча дорогой обронил!..»
— «Вот горе-то!.. Куда же схоронил
Ты свой пашпорт?..» — спросил он у Матвея.
— «Я?.. дома он!..» — сказал Матвей, робея.
— «Ну, полно вам! всю правду знаю я!
Без пашпорта зимой вам не ужиться!
Берите здесь... Ведь даром что божиться?
А не найти таких, как у меня!..»
— «Оно бы так, и не худое дело», —
Сказал Матвей...
«А стариков совет?»
Алешка молвил: «Написать билет,
Он говорил, в Самаре можно смело!»
— «Какой старик, нашли с кем толковать!
Самара, брат, ведь не рукой подать! —
Сказал Фомич, — Самара! много звону!
Видал не раз я тамошний пашпорт:
Да всё не наш, куда! пониже сорт,
С ошибками, не так . . . .
А я, спроси, как руку я набил:
Я тридцать лет в правлении служил!..»
— «Так что ж цена?»
— «Да пара — шесть целковых,
Да сверх того, сам знаешь, магарыч!..»
— «Целковых шесть! Простите, Карп Фомич!
Не сходно нам!»
— «Да ты листов гербовых
Не счел, дурак!..»
— «Найдем, — сказал Матвей, —
Дешевле мы!..»
— «Эх, глупое отродье!..
Так что же вам?»
— «Что, ваше благородье,

Целковых...»
— «Три!» — прибавил Алексей.
— «Целковых три? — что спорить с мужичиной!
Ну, так и быть, давай и три сюда...
Эх, господи! вот подлинно нужда:
Пришлось писать и за десять с полтиной!
Чернильницу!»
Фома в то время мыл
Посудину, но вмиг услышал слово,
Стер со стола и в чарочке чернил
Ему поднес. — «Всё, кажется, готово, —
Сказал Фомич. — Ну кто же вы, скорей,
Зоветесь как?»
— «Я Алексей Матвеев».
— «А ты, другой?»
— «Матвей я, Алексеев».
— «Так будешь ты Максим, а ты Андрей!..»
— «Как! зваться нам чужими именами!
Вот новость-то! Куда ж свои девать,
Крещеные?..»
— «Толкуй вот с дураками!
Мне всё равно, как вас ни называть!
Вам выгодней: скоблить не надо строчек!
Никто бы ввек вас, дурней, не узнал!»
— «А что, Матвей? Ведь правду он сказал?..
Пойду-ка я в Андрюшки на годочек!
Андрюшка я!.. О двух я именах!
Как чаешь ты?.. о двух ли головах?»
— «Что ж, быть и мне Максимкой, видно, кстати!..»
— «Ну, ладно же, со мною здесь печати, —
Сказал чиновник, — и обоих вас
В помещичьи произведу сейчас.
Деревни?.. Лапки!.. а помещик?.. Савин.
Костромичи... Уезд... не очень славен,
Далек, в глуши, и Буй его зовут!..»
— «Ну, Буй так Буй! Что долго думать тут,
Садись, пиши!»
И пальцами поправил
Наплывшую светильню Карп Фомич
И сел за стол, меж тем и магарыч
Сиделец им обещанный поставил.
Он стал писать...

6

Серое небо нависло туманно;
Близится время к вечерней поре;
Мелким дождем моросит непрестанно.
Холодно, жутко, темно на дворе.
Пусто в деревне, на улице слякоть;
Вот уж в избе засветилось одной...
Тихо сидят в ней, лишь изредка плакать
Примется в люльке ребенок больной.
Пряжу оставив, мать люльку качает;
Тетка-старуха прядет и в светец,
Вынув лучинку, другую вставляет;
Спит на полатях усталый отец.
Что ж ты, Парашка, словцом проронися,
Прясть не прядешь, а сидишь у огня,
Будто за пряжей... Пряди, не ленися,
Красная девица, пряха моя!
Прясть ли не для́ кого? Снова ль кручина
Душу томит, иль изба не светла?..
Что же не ярко горишь ты, лучина,
Иль ты, лучина, в печи не была?..
Падает свет твой, дрожа и порывно,
В угол на темные лики икон, —
В сонной тиши раздается унывно
Только гуденье двоих веретен;
Только одна из тех прях непоспешных,
Ветер заслышав, старушка порой:
«Мать пресвятая, помилуй нас, грешных!» —
Молвит, дрожащей крестяся рукой...
Манит котенок кошурку в печурку;
Там, на дворе, также тихо кругом;
Пес присмирел и забился в конурку,
Мокрые птицы свернулись клубком...
Только лишь дождь моросит непрестанно,
Ветром без шуму деревья нагнет,
Серое небо нависло туманно...
Скучная осень, настал твой черед!..

7

Зима

Снова путь лежит привольный,
В снег оделися поля,
Облеклась в тулуп нагольный
Православная земля!
Приосанилась с морозом,
Подтянулась кушаком,
Промышлять пошла извозом,
До весны покинув дом, —
И пройдет, пройдет обозом
Вдоль и вширь, всю Русь кругом!

1847—1850

ШУТКИ, СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

* * *

На голос Sperl polka.

Шибко едет вниз по Волге
Небольшая лодка.
В ней сидит князь Оболенский,
С ним табак и водка!
Астраханская моряна
Будоражит Волгу,
И ревет, и воет рьяно,
И свистит подолгу.
Но гребцы гребут не пьяно
И проедут Волгу. (bis)
Гамазеи, магазеи!
Видит он их кучу,
Всё правительства затеи,
А поет качучу! (bis)

Март 1844

* * *

Благовонная сигара
Не курится у меня,
И, сидя у самовара,
Я мечтаю про тебя,
Вероломная Варвара,
Дева грешная моя!
И, не пользуяся женской
Астраханской добротой,

Ни персидской, ни трухменской,
Ни армянской красотой,
Я на рынок на смоленский
Всё несусь своей мечтой!

Апрель 1844

* * *

В Кутуме плещет шумный вал;
Немченко, плащ надев испанский,
Собрался будто бы на бал.
Беги, чиновник астраханский,
Спеши, о бестия, домой!
Немченко ходит за тобой!

Уж поздно. В городе простор.
Всё спит кругом. Умолкли птицы.
Пошел гулять девичий вор,
И астраханские девицы
Бегут, визжа, во тьме ночной,
Немченко чуя за собой...

О страшный, о ужасный вид!
Кинжал обтачивая на ночь,
На жертву яростно глядит
Коварный, хищный Петр Иваныч!
И, злобной радуясь душой,
Вонзает острый и кривой!

Апрель 1844

УТЕШЕНИЕ

Нет, не татаркою простой,
Не недоступной персиянкой
Пленился Бюлер молодой,
А белокурою армянкой.
Она ему милее всех:

Так круглы, полны эти плечи,
Так звонко весел детский смех
И русские так живы речи!

Канал Варвациевский свел
Его с армянкою прелестной,
И с мужем мой барон вошел
В союз приятельский и тесный.
Но муж... но муж...
Своей опасности не видел,
Любил он мягкий свой диван,
Тревог душевных ненавидел.

Всё шло прекрасно. Но всегда
Судьба такие шутки любит;
Ее вмешательство тогда
Любви всё здание погубит.
Его товарищ между тем
Глядел, сидел, считал и мерил:
К любви он был и глух и нем,
Ее мучениям не верил!

Слова внезапно раздались:
«Чтобы три доблестные мужа
На подвиг тяжкий поднялись
И шли отважно, смело, дюжо!
Чтобы они, отбросив лень,
Спустилися по Волге низом,
Чтоб перевесили тюлень,
Весь не оплаченный акцизом».

Что ж вы поморщились, барон?
Вы член комиссии тюленной,
Вы охраняете закон,
Казенной пользой умиленный!
Завиден жребий ваш! Молва
Повсюду разнесет с хвалою
Про подвиги младого льва,
Барона титлом и душою!

4 мая 1844

АСТРАХАНСКИЙ BEAU MONDE[1]

В многочисленном собранье
Я губернское вниманье
От себя отсторонил
И на дам и их уборы
Испытующие взоры
С любопытством устремил.

Друг за другом вереницы
Кажут новые все лица
Астраханского beau monde...
То чиновничие жены
Разодеты, набелены,
В полном блеске лент и блонд.

Мне знакомы лишь мужчины
И судебные лощины,
Где сражался с ними я,
Где оправдывалась нами,
Воздвигалася с правами
Свода каждая статья.

Да, хоть женщин я не знаю,
Но я их преображаю,
Отмечаю по местам,
Где мужья теперь их служат,
Но о службе и не тужат.
Предаюсь своим мечтам...

Вот Сальянская опека
В виде рыбы-человека
Или матки-тюленя;
Густо, щедро наложила
И румяна, и белила,
Но не скрасила себя.

Вот купчиха не простая:
Это дума городская,
Хочет пыль в глаза пустить!

---

[1] Высший свет (франц.). — *Ред.*

Не к лицу ей астраханских
Сил гильдейских и мещанских
Представительницей быть!

Баба ловкая купчиха,
Недурна и смотрит лихо,
Но морщин закрыть нельзя!
Ридикюль ее хоть полон...
Да для города он солон...
Так повсюду слышал я!

Пусть себе гуляет дума!..
Это кто глядит угрюмо?
Не добьешься пары слов?
Хоть она не из смиренных,
Экспедиция тюленных
И всех рыбных промыслов.

Сентябрь 1844

ПРИГЛАШЕНИЕ

Johannes Aksakovius Romani Imperii Sancti Baroni Buhlero salutem.

Veni, vidi et audi![1]

Я полон умиления
(О, неба благодать!):
Губернского правления
Отчет спешу читать!
Он operum corona,[2]
Он подвигов венец...
И римского барона,
Пленителя сердец,
Я приглашаю ныне,
Окончив долгий труд,
Цитатом по-латыни
В нагорный свой приют,

[1] Иван Аксаков, приветствует священной Римской империи барона Бюлера. Приди, смотри и слушай! (лат.) — *Ред.*
[2] Венец создания (лат.). — *Ред.*

Чтоб сверить вместе дружно,
Не промахнулся ль я?..

P.S. Цигар твоих не нужно:
Есть много у меня.

21 октября 1844

В АЛЬБОМ В. А. Х—ОЙ

Люблю я светлые мечты
И Ваши резвые желанья:
В них много милого незнанья,
Невинной много простоты.
Вы так доверчиво-спокойны,
Так непорочно хороши,
Так детской ясностью души
Вы счастья всякого достойны,
Так неиспытаны судьбой,
Что я, на резвость Вашу глядя,
Любуюсь ей, как старый дядя,
С тревожной тайною мольбой:

Чтоб был безоблачен и ясен,
Веселой песнью оглашен,
Всегда спокоен и прекрасен
Для Вас житейский небосклон;
Чтоб Ваши чувства не старели,
Но расцветали вновь и вновь,
Чтоб дружба, вера и любовь
В Вас постоянно пламенели;
Чтоб также помнили о том,
Кто, в память краткого знакомства,
Простосердечным языком
Вам написал стихи в альбом,
Кто предан Вам без вероломства!

1846

Л. И. АРНОЛЬДИ

Не дописав своей тетради,
По странной прихоти судеб,

Казенной надобности ради
Помчались вы по снежной глади
Скупать муку, овес и хлеб.

Одну ль в виду имел услугу
Сей неожиданный отъезд,
Родил ли он печаль и тугу,
Как вы оставили Калугу
При блеске месяца и звезд?

Нет, ехать было вам не скучно,
Сужу по вашему лицу.
Вот колокольчик стукнул звучно,
Вот кони двинулись сподручно,
И сани подали к крыльцу.

И вот, прощальный выпив кубок,
К вам сел инкогнито жандарм,
Надев бараний полушубок,
Покинув дым солдатских трубок,
И жар и теплоту казарм.

На облучок усевшись боком,
Ямщик во всю несется мочь.
Всё спит в молчании глубоком,
На небе ясном и широком
Какая месячная ночь!

О чем же думали до смены
Вы, для кого так дорог Феб,
Какие вам мечтались сцены:
Княжна, граф Бобринский иль цены,
Но цены низкие на хлеб?..

Между 1845 и 1847

В АЛЬБОМ НЕВЕСТЕ БРАТА

Душою светлой и прекрасной,
Свободной, чистой и живой
Вступаешь ты в союз согласный
С другою светлою душой.
И, верно, с женственной и нежной

И робкой смелостью мечты,
Ждала ты встречи неизбежной,
Опоры твердой и надежной,
Мужского сердца красоты!

И ты достойно оценила,
Кого судьба тебе нашла!
Его свободно полюбила,
Его надежно избрала —
Не детской страсти увлеченьем,
Не чувств внезапных слепотой:
Души любовным разуменьем
И сердца мудрой простотой!

Из всех минут одну особо
Моя мечта рисует мне,
Когда сказалося вполне,
Что так давно таили оба!..
Кто тайну женскую проник?..
Она задумчиво сидела,
Ей внятен был его язык,
И на нее в тот строгий миг
Немая будущность глядела!..
Что нужды вам до неминучей
Судьбы, лежащей вдалеке;
Полно любовию могучей,
Не дрогнет сердце перед тучей,
Доверясь дружеской руке!
Так смело в путь! Веселым пиром
Встречайте праздник ваших уз:
Мне веет счастием и миром
Ваш гармонический союз!

26 декабря 1847

N. N. N—ОЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕЕ РУКОДЕЛИЯ

Средь вьюг житейских и метелиц
Суровых жизненных путей
Люблю я память светлых дней,
Значенье беглое безделиц
И прелесть милых мелочей!..
Была бы жизнь, с тоскою знанья,

Без них печальна и суха;
Примите ж ныне, на прощанье,
Мое шутливое посланье
И шалость резвую стиха.
И знайте: будут мне работы
Всегда от Вас в одной цене,
Как память Вашей обо мне
Недолговременной заботы,
Покуда делались оне!..

1847

ГР. В. А. СОЛЛОГУБУ

Ответ на послание его
и приглашение посетить его в деревне

Увы! пространство скользкое
Взъерошили дожди,
И ты меня в Никольское,
Писатель мой, не жди!
Затем, что здесь лечение
Едва окончил я,
Откинув попечение
О выдержке себя, —
Спешу, не медля долее,
Не мешкая в пути;
Хоть день в Москве, не более,
Желал бы провести,
Покуда службой тяжкою
Не занят каждый час...
Лети ж, с тройной упряжкою
Мой легкий тарантас!
И *вправо* не сворачивай,
Пыли себе, пыли,
Качай себе, укачивай,
Видений мне пошли!
Твой скрип с дорожной тряскою,
Я знаю, даровит,
Устроен ты коляскою,
И барин не лежит
Помещиком, с прислугою
Подушек и перин!..

Хорош и зимней вьюгою
Он, мерзлою белугою
Лежащий дворянин!

А от тебя, я думаю,
Нельзя мне не попасть
Туда, где, на беду мою,
Холера просто страсть,
Там, в Вишенках!.. Но с шутками
Довольно, и поверь:
Нельзя мне даже сутками
Пожертвовать теперь;
К тому ж, и время скверное,
Частехонько дожди,
А у тебя, наверное,
Денек-другой пожди!..
Прощай же ты, целебная,
Холодная струя!
Забота здесь служебная
Не мучила меня,
И многое отрадное
Мне в память залегло,
И, наблюденья жадное,
Спокойно ты могло,
Души живое зеркало,
Всё отразить извне...
Любовью ж не коверкало
Ума и сердца мне!..
А письма что? а драма-то?
Пускай о том твоя
Рифмованная грамота
Уведомит меня.
Пускай тебе Никольского
Свободные утра́
Дадут влиянья польского
И нравов до Петра
Списать картину верную...
Но знать хотят мечты:
Чем эту не химерную,
Чем Иппокрену серную
Ознаменуешь ты?

Июнь или июль 1848

В АЛЬБОМ С. Н. Х—ВОЙ

Знавал и я восторг поэта,
Мне звуков строй покорен был;
Но эта песнь весны и лета
Теперь давно уж мной пропета,
И прежний дар мне изменил.
Жаль! Так хотелось бы мне ныне
Семейной ваше благостыне
В строках достойных бить челом
И гармоническим стихом
Воспеть свободно, без усилий,
И мать, и восемь дочерей —
Цветник роскошный роз и лилий
Средь наших светских пустырей!..

18 февраля 1873

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании предпринята первая попытка дать научный, прокомментированный, проверенный по печатным публикациям и рукописям свод поэтических произведений И. С. Аксакова. Эта задача представляет собой большие трудности, которые в некоторых случаях окончательно разрешить пока еще невозможно.

При жизни А. не вышло ни одного сборника его стихотворений. К сохранению рукописей своих стихов он относился небрежно, их собиранию не придавал серьезного значения. Так, например, в 1860 г. А. сообщил родным в ответ на их вопрос, что у него не сохранилась рукопись поэмы «Мария Египетская», тогда еще не напечатанной («И. С. Аксаков в его письмах», т. 3, стр. 411). В то же время А., очевидно, имел привычку править текст своих стихотворений всякий раз, как они почему-либо попадали ему в руки или восстанавливались по памяти. Этими причинами объясняется, по-видимому, обилие мелких разночтений почти в каждом известном нам автографе или авторизованном списке. Особый разнобой характеризует пунктуацию произведений. Наконец, 52 стихотворения, 2 поэмы и большие отрывки из третьей поэмы впервые появились в печати лишь после смерти А. Следовательно, автор ни в коей степени не мог быть ответствен за выбор публикуемого текста.

В силу указанных обстоятельств выбор наиболее авторитетного текста произведений А. весьма затруднителен. Во всяком случае, отдавать бесспорное предпочтение прижизненной публикации нельзя. Большинство таких публикаций, бывших одновременно и первыми и последними, относится к годам жестокого цензурного террора. В дальнейшем же А., за редким исключением, свои стихи 40—50-х годов не перепечатывал. Таким образом, рукописи часто оказываются более надежным источником, чем подготовленные самим автором прижизненные публикации. В ряде случаев сохранившиеся рукописи дают текст стихотворения заметно более совершенный в отношении языковой точности и выразительности. Было бы неверно и в этих случаях держаться за первопечатный текст. Вполне естественно, что за последние четверть века, когда А. почти не давал в печать

своих стихотворений и поэм, он имел возможность улучшать их и, надо полагать, в эти годы работал над ними. Таким образом, вопрос об установлении наиболее авторитетного текста для настоящего издания в каждом отдельном случае решался особо. В этой заметке приведены лишь общие основания предпочтения того или иного текста при подготовке книги. В примечаниях не всегда дается совершенно полное и детальное обоснование выбора текста, так как это является задачей академического издания.

Настоящее собрание поэтических произведений А. значительно превосходит по полноте единственный сборник, выпущенный двумя изданиями вскоре после смерти поэта его вдовой А. Ф. Аксаковой («Сборник стихотворений И. С. Аксакова». М., 1886). Сборник 1886 г. включает 39 стихотворений и 3 поэмы, напечатанные в произвольной последовательности, часто с произвольно установленными названиями, и по случайным источникам. В настоящем издании публикуются 84 стихотворения и 4 поэмы. Многие из этих произведений появились впервые в печати уже после выхода в свет Сб. 1886, в приложениях к первым трем томам издания «И. С. Аксаков в его письмах». Помещенным там текстам также далеко не всегда можно безоговорочно доверять. Подавляющее большинство произведений, вошедших в настоящее издание, так или иначе отличается по тексту от Сб. 1886 г. и приложений к «Письмам» благодаря проведенным уточнениям. Кроме того, здесь впервые напечатаны 8 стихотворений и большое количество отдельных, ранее неизвестных строк в стихотворениях и поэмах.

Рукописи поэтических произведений А. хранятся в основном в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде (Пушкинский дом), а также в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Единичные рукописи имеются в архиве Музея Академии наук СССР «Абрамцево» и др.

При обращении к спискам стихотворений А. надо учитывать, что некоторые произведения приписываются ему без достаточных, а то и без всяких оснований. Так, например, в рукописном сборнике из библиотеки М. И. Семевского (хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома) А. приписано стихотворение «Подводный город» (в изданном в 1861 г. в Лондоне сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» его автором назван А. С. Хомяков). В действительности автором стихотворения является М. А. Дмитриев. «Подводный город» вошел в сборник М. А. Дмитриева «Стихотворения», ч. I, М., 1865, стр. 175.

Фрагменты двух стихотворений Аксакова приведены в воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского («Мемуары», т. 1, П., 1917, стр. 200, 251). Однако Семенов-Тян-Шанский ошибся: это отрывки из одного и того же стихотворения 1855 г., автором которого к тому же является не Аксаков, а П. Л. Лавров; см., например, сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», Л., 1959, стр. 619—627, 835.

В настоящее издание не вошли лишь некоторые мелкие экспромты, ничего не прибавляющие ни к поэтическому облику А., ни к имеющимся биографическим сведениям. Часть таких экспромтов астраханского периода опубликована Ф. А. Бюлером в «Рус-

ской старине» (1886, № 12; есть отдельный оттиск). Другие разбросаны по страницам писем А. Вот, например, четверостишие из неопубликованного письма 1843 г. к кн. Д. А. Оболенскому:

Улучив оказию,
Шлю тебе в Казань,
В эту quasi-Азию
Дружбе нашей дань!

(Рукописный отдел Пушкинского дома)

Настоящее издание состоит из трех отделов. В первом даны стихотворения Аксакова. Второй отдел составляют поэмы. К ним отнесены также «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога», произведения, представляющие собой весьма своеобразные опыты в этом жанре. В третьем отделе собраны стихотворные шутки и произведения «на случай» (рифмованные письма, записи в альбом), исторически гораздо менее важные, а художественно гораздо более несовершенные, но все же дополняющие наше представление об А. — поэте и человеке. Все стихотворения в рамках каждого отдела расположены в хронологическом порядке. Точные даты, проставленные самим А. или установленные редакцией, даются в тексте, предположения — в примечаниях. Источник датировки не оговаривается особо. если указываются даты, взятые из первых публикаций или из рукописей, по которым текст стихотворения печатается в настоящем издании.

Особо следует остановиться на вопросе о ненайденных стихотворениях А.

В силу различных причин тексты некоторых стихотворений А., не опубликованных в свое время в печати, до нас не дошли. Это можно утверждать прежде всего по отношению к большей части юношеских стихотворений А., особенно ранних. В Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится альбом А. П. Воскресенского. А. записал в него: «Что же мне написать тебе в альбом? Стихов я не пишу решительно... Я, боже упаси, избавился от этой болезни, что и для меня и для тебя лучше. И<мператорское> у<чилище> пр<авоведения>. Марта 9-го 1840 г. Ив. Аксаков». Из этой записи видно, что А. писал стихи ранее известного нам времени.

О некоторых полностью не найденных стихотворениях А. известно по цитируемым в письмах строчкам. Приводим список таких автоцитат, который может содействовать обнаружению полных текстов произведений А.:

1. «Я никогда не мог сказать себе: «Я гордо чувствую: я молод! Мила мне жизнь, мужчина я!», но, напротив, часто повторяю с прискорбием собственные стихи мои:

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни нелегка!»

(П., т. 1, стр. 84)

2. «Словом, говоря моими же стихами:

Как том пятнадцатый, он тонок,
Она толста, как том второй.

(Свод законов издания 1842 года).»
(П., т. 1, стр. 123)

3. Послание в ответ на стих. В. А. Соллогуба «И. С. Аксакову»:
«Сначала я говорю ему, что хороша природа, красиво бегут реки на земле, но Волга красивее их, и я поневоле люблю ее больше; так и Русь, которую люблю преимущественно по той же причине, не только как русский. Говоря про созерцание природы, я объясняю, что покойное созерцание природы, так ясно отражающееся в русской песне, мудрено для нас, разорвавших связь с народом, и что вообще слишком скверно кругом нас, — тут и ему досталось в этой строфе, вот она:

И негодует дух поэта,
Теснимый горестно кругом
Всей этой челядью паркета,
Несущей мрак, с названьем *света,*
На нашу Русь, на божий дом!

Обращаясь к нему, я говорю и кончаю так:

...К тебе же речь теперь иная:
Зачем, ошибку сознавая,
Так малодушна жизнь твоя?
Зачем, под властью чужестранной,
Тщеславной, мелкой красоты,
Досель талант, от бога данный,
Растит на почве бездыханной
Недолговечные цветы?
Пора! Мы ждем опроверженья
Упреков горьких...»

(П., т. 1, стр. 458—459)

4. Ссылка на свои слова:

Но я люблю «природы лоны».
Мне сладко петь, взывать к нему.
И все прозванья Аполлона
Любезны сердцу моему!

(„Русский архив", 1909, № 5, стр. 146)

5. Рассказ об испытанном в прошлом любовном чувстве А. сопровождает четверостишием из утраченного им стихотворения:

Господь, господь, мою ты знаешь душу!
Суди меня, о грозный судия!

Пусть казнь твою я на себя обрушу,
Но пусть блеснет мне истина твоя.

(П., т. 4, стр. 127—128)

6. «Я до сих пор терпеть не мог ежедневность и склонен был желать, чтоб

Вся жизнь была одно служенье,
Один лирический порыв...»

(П., т. 4, стр. 159)

Другие ссылки на стихотворения «на случай» и упоминания — П., т. 1, стр. 165, 400, 401; П., т. 2, стр. 77; П., т. 3, стр. 457. См. также ниже примечания к «Бродяге».

В примечаниях к настоящему изданию в тех случаях, когда указан лишь один печатный источник текста произведения, не оговаривается особо, что текст печатается по нему. Если различия между печатным и рукописным текстом специально не указываются, это значит, что они сводятся к частной стилистической правке, не имеющей большого принципиального значения.

Считаю своим долгом принести глубокую благодарность И. Я. Айзенштоку и И. Г. Ямпольскому за ценные советы и указания.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

ЛБ — Отдел рукописей Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

П., т. 1 — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том первый. Письма 1839—1848 годов». М., 1888.

П., т. 2 — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том второй. Письма 1848—1851 годов». М.. 1888.

П., т. 3 — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том третий. Письма 1851—1860 годов». М., 1892.

П., т. 4 — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть вторая. Письма к разным лицам. Том четвертый». СПб., 1896.
Если ссылка на страницу «Писем» дана римской цифрой, она относится к «Приложению».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского дома).

Сб. 1886 — «Сборник стихотворений И. С. Аксакова». М., 1886.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства,

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив СССР в Москве.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

<Автобиография.> Печ. впервые по автографу ПД. Она писалась по просьбе В. И. Ламанского (см. черновик его речи памяти А. в Архиве Академии наук СССР) для «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами». Автобиография легла в основу статьи М. Л. Михайлова об А. в словаре (т. 2, СПб., 1861, стр. 393), подвергшись текстуальной переделке и сокращениям.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Простая история. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 643, под заголовком «История старой девушки. Предсказание». В списке ПД озаглавлено «Простая история (Посвящ. К. С. А — ву)». О том, что героем стихотворения является именно К. С. Аксаков, учившийся на словесном факультете Московского университета в 1832—1835 гг., говорится и в «Русской старине». Там же после даты указано место написания — «село Ильинское». В списке после пятой следует еще одна строфа:

Иной был дух в том университете,
Там Каченовский мыслью всех смущал,
Что не бывало Рюрика на свете;
Качаяся, коленки потирал
Надеждин во словесном факультете,
Когда студентам лекцию читал.
Свои уста пространно разверзая,
Эстетику свою преподавал.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор кафедры истории, статистики и географии Российского государства Московского университета. *Надеждин* Николай Иванович (1804—1856) — профессор кафедры изящных искусств и археологии, друг семьи Аксаковых (П., т. 1, стр. 20). Стихотворение написано октавами, применение их в шутливом по сюжету и тону произведении заставляет предположить здесь определенную связь с «Домиком в Коломне» Пушкина. По своей ритмике и интонациям стихотворение близко к «Сказке для детей» Лермонтова.

В альбом П. А. Сазонова. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 641. Дата — по списку ПД. Написано в связи с окончанием Училища правоведения в Петербурге и адресовано одному из соучеников по курсу. Во второй строфе, по указанию Бюлера, упоминаются последовательно барон Г. Е. Ферзен, барон В. Г. Клебек, князь Г. К. Багратион-Мухранский.

На прощанье. Впервые — «Русское обозрение», 1894, № 2, стр. 563. В примечании сообщается, что текст стихотворения при-

веден по автографу из альбома товарища А. по училищу С—ова (П. А. Сазонова?). Автограф без заглавия — в ПД. Дата и отдельные поправки — по автографу. Написано по тому же поводу, что и предыдущее. *Не подеремся за Елену.* По гомеровскому эпосу похищение жены спартанского царя Менелая Елены Парисом вызвало возмущение греческих царей и привело к Троянской войне.

«Я знаю, Лидия, кто в сумраке ночном...» Впервые — «Русское обозрение», 1894, № 1, стр. 56. В примечании указано, что стихотворение печатается по автографу из того же альбома, что и предыдущее. О дате написания — «Русское обозрение», 1894, № 2, стр. 563. Автограф в ЦГАЛИ.

«Итак, в суде верховном — виноват!..» Впервые — «Исторический вестник», 1888, № 2, стр. 331, в статье М. И. Сухомлинова «А. в сороковых годах». М. И. Сухомлинов нашел публикуемый неполный текст стихотворения среди доставленных после обыска в марте 1849 г. в III Отделение бумаг А. (ныне — в ЦГИАМ). Стихотворение представляет собой «послание к бывшему соученику его, князю Д. А. Оболенскому». Написано во время службы А. в Москве после окончания Училища правоведения. Стихотворение вызвало особое недовольство III Отделения (П., т. 2, стр. 162). *Немецкие ничтожные прозванья* — очевидно, ранги и титулы западного происхождения.

К. С. Аксакову. Печ. впервые по списку ПД. Посылая брату написанное в Астрахани стихотворение, А. в письме родным от 5 февраля 1844 г. с огорчением замечал: «Мне пишете вы, что Костя, свалив с плеч диссертацию, выезжает в общество беспрестанно... Мне жалко, мне грустно, мне досадно видеть человека, как он, унижающегося до светской толпы, страшной своей пустотой; мало того, не нечувствительного к ее бессмысленным похвалам, часто некстати, невпопад высказываемым! Человека, добровольно профанирующего высокие мысли и подбирающего чутко будто бы лестные слова тупоумных женщин и близоруких светских судей! Посылаю ему стихи, которые, я надеюсь, он примет в настоящем их смысле, т. е. как излияние дружеского, негодующего сердца» (П., т. 1, стр. 71).

Романс. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 648.

Послание. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 649.

Христофор Колумб с приятелями. Впервые — «Москвитянин», 1845, № 2, стр. 64. Печ. по авторизованному списку ПД. Об этом стихотворении А. писал из Астрахани родным 5 ноября 1844 г.: «...чтоб вам было не скучно дожидаться меня, посы-

лаю вам стихи свои под шуточным названием: «Колумб с приятелями». Пожалуйста, не думайте, чтоб они были написаны с какой-нибудь особенной мыслью, с какого-нибудь повода... Хотел было посвятить их Константину, да испугался, к тому же и стихи того не стоят» (П., т. 1, стр. 225). Слова письма о «шуточном названии» надо, очевидно, понимать как указание на произвольность заглавия, отсутствие прямой его связи с содержанием стихотворения.

Голос века. Впервые — «День», 1862, № 45, 10 ноября, вместе со стих. «Не в блеске пышного мечтанья...» под общим названием «Из стихотворений прежнего периода. Разговор». Под цифрой 1 дано стих. «Не в блеске...», под цифрой 2 — «Много сил и твердой воли...». Печ. по автографу ПД. Имеются автографы и списки, объединяющие данное стихотворение со стих. «Не в блеске...» под общим названием «Голос века» или под одним номером в альбоме. Важнейшие варианты по спискам ПД:

ст. 17

Но вижу я: печальный и смущенный

21—24

Но берегись, чтобы в избытке чувства
Не ослабела крепкая душа:
Блаженство даст тебе искусство,
Могучих сил ее лиша!

26

В странах поэзии святой

28

Готов возникнуть быт иной!

«Среди удобных и ленивых...». Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1846, стр. 216. Печ. по автографу ПД. Дата установлена на основании рукописных пометок о времени написания. В автографе ПД примечание А.: «В этом стихотворении выражается негодование на нас самих, на наше бездействие и многословие. Пламенная вера в истину славянофильства моего брата увлекла и меня, но потом я опять вернулся к своему раздумью». Получив в ответ на свою просьбу стихи А. от С. Т. Аксакова, Гоголь писал о них Н. М. Языкову в марте 1846 г. из Рима: «Мне особенно понравились стансы:

Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...

В юноше виден талант решительный, стремление приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные

события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело» (Полное собрание сочинений, т. 13. М., 1952, стр. 47). Свою оценку «стансов» Гоголь высказал и в письме С. Т. Аксакову (там же, стр. 46).

«Зачем опять теснятся в звуки...» Впервые — П., т. 1, стр. LIII. Печ. с поправкой по автографу ПД («Не легче ль ждать» вместо «Но легче ль ждать»). Дата по автографу и списку ПД. Стих. не было пропущено цензурой в составе подготовлявшегося А. в 1846 г. сборника (П., т. 1, стр. 322, 376, 379). О попытках провести сборник через цензуру см. «Русский архив», 1877, № 12, стр. 365, 372; «Русский филологический вестник», 1915, № 3, стр. 5—7, 11—12; «Литературное наследство», № 56, М., 1950, стр. 181. *Когда сказалися слова* — очевидно, имеется в виду славянофильская доктрина Константина Аксакова. Полемика со взглядами брата очень характерна для писем и стихотворений А. этого периода (см. вступительную статью).

«Не в блеске пышного мечтанья...» Впервые — «День», 1862, № 45, 10 ноября (см. выше примечание к стих. «Голос века»). В автографах и списках ПД есть опущенные автором при публикации строки (после ст. 12):

И полагал я, в духе века,
Все чувства *личные* стыдом,
Природы слабой человека
Смешным, презрительным плодом.

В П., т. 1, стр. IL впервые опубликованы следующие заключительные строки:

Что ты, высокое искусство,
Противно жизни трудовой:
Всегда с тобой рифмует чувство,
Как неразлучный спутник твой!

«Нет, с непреклонною судьбою...» Впервые не полностью — П., т. 1, стр. LXII. Печ. по письму А. к Д. А. Оболенскому из Калуги от 17 сентября 1845 г. (ПД). Судя по этой дате, стихотворение написано в середине сентября. Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881) — соученик А. по Училищу правоведения, сохранивший с ним впоследствии дружеские отношения, крупный чиновник, автор воспоминаний о Гоголе. *Панин* Виктор Никитич (1801—1874) — министр юстиции в 1841—1861 гг., начальник А. в период его службы в должности товарища председателя уголовной палаты в Калуге.

26-е сентября. Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1846, стр. 137. Автограф — в ПД. Датируется на основании упоминаний в письмах А., предположительно между 26 сентября и 9—13 октября (П., т. 1, стр. 256, 257). Обещая послать стихотворение своему другу Д. А. Оболенскому, А. писал: «Я стал серьезнее и мягче, и если я еще не исправился вполне, так как хотел, то это потому, что всякий человек дрянь и ложь; зато я много высказал себе. Я вышлю тебе стихи, они называются «26 сентября» (день моего рождения). Многие скажут, что это повторение нравственных истин, давно известных в прописях. Но надобно было вновь прожить все эти истины. Много опошлилось вокруг нас, но, если оно предстало нам, зажило бы внутри со всей своей глубиной и серьезностью, обновило бы оно человека» (там же, стр. 231). Брату Константину А. писал о стихотворении, что это — «род длинной нравственной оды, точно ода «Бог» <стихотворение Г. Р. Державина>. Я думаю, многие скажут, что это старое, смешное сожаление о скверности человеческой! Другие, пожалуй, примут ее в смысле тесной благонамеренности... Но я должен признаться, что она нравственного, не политического содержания» (там же, стр. 275). В рецензии на «Московский сборник» 1846 г., помещенной в «Москвитянине», дается высокая оценка стихотворениям А. («в стихотворениях И. С. Аксакова виден талант замечательный»); со слов «Так мысли я, труда и дела» и до «меж нас гнездящийся порок» приводится стих. «26-е сентября» («Москвитянин», 1846, № 5, стр. 180). В «Литературной летописи» «Библиотеки для чтения» (1846, № 7, стр. 9) отзыв о стихотворениях А. из «Московского сборника» проникнут иронией к их «славянскому направлению». В большой статье А. В. Никитенко о сборнике («Библиотека для чтения», 1846, № 9) об А. нет ни слова. *Всяк человек ложь*. Эпиграф взят из книги псалмов, ветхозаветных религиозных песен и молитв, созданных, по преданию, царем Давидом.

Сон. Впервые — П., т. 1, стр. LXV. Стихотворение датируется началом октября по упоминанию в письмах родным (П., т. 1, стр. 257, 275). Оно посвящено К. С. Аксакову. Не было пропущено цензурой в составе подготовлявшегося в 1846 г. сборника (там же, стр. 379). *Мартын Задека* — легендарный автор неоднократно переиздававшейся в первой половине XIX в. книги «Древнейший и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека... с присовокуплением Волшебного зеркала и толкования снов...». *Багряница* — торжественная пурпурная одежда владетельных особ, порфира. *Старцы доблии*. Доблий (старослав.) — доблестный.

Очерк. Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1846, стр. 140. Печатается по Сб. 1886. Автограф — в ПД. В письме родным от 23 октября 1845 г. А. предупреждал, что героиня стихотворения не имеет определенного прототипа (П., т. 1, стр. 283). Упоминания о стихотворении см. еще на стр. 264, 268 «Писем».

Ночь. Впервые — там же, стр. 143. Печ. по автографу ПД. Упоминания о стихотворении — П., т. 1, стр. 279, 298.

«С преступной гордостью обидных...» Впервые — Сб. 1886, стр. 50. Печатается по этому тексту с прибавлением по спискам ПД последних девяти строк, которые публикуются впервые. В Сб. дата: «Петербург, 1845». Однако никаких данных о пребывании А. в 1845 г. в Петербурге нет. Возможность подобной поездки в течение года очень сомнительна, а в ноябре — исключена. Об этом стихотворении сам А. писал, что оно обращено «к Петербургу и к светским людям вообще» (П., т. 2, стр. 281). *Вонми* — внемли. *Содом* — описанный в Библии город, жители которого — хананеи — отличались крайней развращенностью нравов, чем навлекли на себя, вместе с жителями соседних городов (Гоморры и др.), божью кару: город был сожжен упавшим с неба огнем и провалился в бездну.

«Вопросом дерзким не пытай...» Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1846, стр. 199. Автограф — в ПД. А. о стихотворении — П., т. 1, стр. 293.

Языкову. Впервые — П., т. 1, стр. LXX. Из письма А. родным (П., т. 1, стр. 282—283) известно, что 9 ноября он получил письмо от своего знакомого, поэта Н. М. Языкова, со стихотворным посланием «И. С. Аксакову» («Прекрасны твои вдохновенья живые...») — см.: Н. М. Языков. Собрание стихотворений, 1948, стр. 278. Языков писал в своем послании:

Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты свободною жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле...

А. около 20 ноября написал стихотворный ответ Языкову, но остался им недоволен и послал его для прочтения только родным (П., т. 1, стр. 291, 298) и Д. А. Оболенскому, что явствует из неопубликованной записки к последнему, приложенной к автографу ПД. Около 15 декабря А. написал новый вариант ответа и послал его Языкову. Различие между двумя вариантами настолько велико, что первый полностью воспроизводим по автографу ПД (публикуется впервые):

ЯЗЫКОВУ

Да будут впрок твои слова!
Твое приветное посланье
Милей, чем громкая молва,
Для сознающего призванье!

Но слышит сердце в тишине
Не раз сомнений тяжких муку...
И кстати нынче подал мне
Ты ободряющую руку!
Твои стихи, в шуму забот,
Прошли по мне глубоким следом...
Чего понять не в силах тот,
Кому душевный труд неведом!..

Ты знаешь сам: вела меня
Иначе жизнь. Путем холодным
Шел много лет, подавлен я
Его стремлением бесплодным.
Суровой юности моей
Не возмущали девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!
Когда ж впервые, меж трудов,
Мое раздалось песнопенье,
Мне страшен был моих стихов
Язык и ново вдохновенье!

Так указать свою судьбу
Дерзнет ли воля молодая,
Вопросов внутренних борьбу
Самонадеянно решая?..
Но если смутно и темно
В груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будет мир души моей
Высокой думою настроен,
Да не угаснет пламень сей,
Да буду ввек его достоин!

Ноябрь 1845

Отдельные строки второго варианта, в частности две последние, не были пропущены цензурой в составе подготавливавшегося в 1846 г. сборника (П., т. 1, стр. 379). В этом стихотворении А. использует полемически некоторые образы из стихотворения Языкова. Ср. в письме родным: «Не понимаю только, к чему он все толкует мне про любовь и красавицу-розу, певца-соловья, ее воспевающего» (П., т. 1, стр. 282).

«В тихой комнате моей...» Впервые — П., т. 1, стр. IL. В списках ПД разные даты: то 1844, то 1845. Место написания в двух случаях — Москва. В 1845 г. А. был в Москве с выездами в Абрамцево до конца августа, а затем в последней неделе де-

кабря. Но в начале декабря стихотворение уже было написано (П., т. 1, стр. 306). Возможно, что, несмотря на пометки в списках, оно написано в Калуге (ср. там же, стр. 321).

Отрывок из ненаписанной поэмы. Печ. впервые по списку ПД, с подписью А. В списке — «Москва» (о пребывании А. в Москве см. предыдущее примечание).

Andante. Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1847, стр. 191. Автограф с разночтениями в ПД. Последние строки третьей строфы в автографе:

Что, мнится, знанием готовым
Давно далось тебе сполна, —
Тогда каким-то даром новым,
Верь, сердцу скажется она!

Очевидно, об этом стихотворении упоминает А. в «Письмах» (т. 1, стр. 318). *Andante* (итал.) — музыкальный термин, обозначающий произведение, написанное в среднем темпе (соответствует медленному движению).

Поэту-художнику. От слов «Блажен, кому в удел служенье...» и до конца впервые в сб. «Киевлянин», изданном М. А. Максимовичем, кн. 3, М., 1850, стр. 189. Полностью впервые в П., т. 1, стр. LXXV. Автограф в ПД. Об этом стихотворении — П., т. 1, стр. 322. В рецензии на «Киевлянина» М. П. Погодин высоко оценивает напечатанные там стихи А. «Отдых», «Свой строгий суд остановив...», «Поэту», последнее приводит полностью, выражая сожаление о том, что стихи А. очень редко появляются в печати («Москвитянин», 1850, № 5, кн. 2, стр. 55, 59). *Трудись, поэт, трудись келейно* и след. три строки — реминисценция из пушкинского «Пророка» («Восстань, пророк, и виждь и внемли...»).

Русскому поэту. Печ. впервые по списку ПД. Точная дата по П., т. 1, стр. 344.

Дождь. Впервые — П., т. 1, стр. LXXVII. Печ. по автографу ПД, не имеющему заглавия. Заглавие и точная дата по П., т. 1, стр. 345.

А. О. Смирновой <I> («Вы примиряетесь легко...»). Впервые — Сб. 1886, стр. 45, под заглавием « -ой». Печ. с полным наименованием адресата. Списки в ПД (встреч. заглавие «К петербургской даме»). *Смирнова* Александра Осиповна, урожд. Россетти (1810—1880) — в молодости фрейлина двора императрицы. Вышла замуж за Н. М. Смирнова, бывшего калужским губернатором в годы службы в Калуге А.; была в дружбе с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Жуковским и другими выдающимися современни-

ками. В Калуге А. часто встречался с А. О. Смирновой. Обо всех разговорах и спорах с ней он регулярно сообщает родным в своих письмах. Отдавая должное уму, образованности, вкусу Смирновой, юноша А. с возмущением относился ко многим чертам ее поведения, мнениям и оценкам. О ссоре, послужившей поводом к написанию стихотворения, см. П., т. 1, стр. 343—344, 345, 348—349, 367 и др. В ответ на настойчивые просьбы Смирновой дать ей текст стихотворения, о существовании которого она узнала, А. послал его со следующей припиской:

В порыве бешеной досады,
В тревожных думах и мечтах
Я утешительной отрады
Искал в восторженных стихах.
И всё, что словом неразумно
Тогда сказалось ввечеру,
Поверил пылко и безумно
Неосторожному перу!
Веленью Вашему послушен,
Посланье шлю и каюсь в нем,
Хоть знаю, будет Ваш прием
И очень прост, и равнодушен!..
Но право, мне в мои стихи
Отныне не внесут укоров
Ни ряд обидных разговоров,
Ни Ваши скудные грехи!

(П., т. 1, стр. 351)

Письма А. к Смирновой более позднего времени — «Русский архив», 1895, № 12, стр. 423—480.

А. О. Смирновой <II> («Когда-то я порыв негодованья...»). Впервые — П., т. 1, стр. LXXXI. Печ. по этому тексту. Автограф в ПД (заглавие «Неоконченное послание»). О желании Смирновой послать друзьям текст первого послания А. к ней (см. выше) говорится еще в письмах А. конца июня (П., т. 1, стр. 350 и др.). Однако первое и единственное упоминание о втором послании есть лишь в письме от 24 августа (там же, стр. 368). До 20 июля, в течение трех недель, А. был у родных в Абрамцеве, где мог прочесть им уже написанное послание. Во всяком случае, нет оснований предполагать, что А. посылал его, по обыкновению, родным; может быть, потому, что текст стихотворения был им уже знаком. С учетом этих данных установлены хронологические рамки даты написания.

К *** («О преферансе не тоскуя...») Впервые — П., т. 1, стр. LXXXI. Автограф в ПД. Посвящено Клементию Россетти, брату А. О. Смирновой, проживавшему в то время в ее доме в Калуге (П., т. 1, стр. 363). Дата по П. (там же).

«Бывает так, что зодчий много лет...» Впервые — «Современник», 1846, № 11, стр. 226, под названием «Бывает». Печ. по автографу ПД. Очевидно, это стихотворение упоминается в П., т. 1, стр. 371.

Совет. Впервые — там же, стр. 231. Печ. по автографу. В списке ЛБ (Елаг., п. 16, № 42), ст. 7 — «Она ведет к сознанью и сомненью». Упоминание — в П., т. 1, стр. 386. В. С. Аксакова писала А. 24 ноября 1846 г.: «Константин читал Грановскому последние стихи твои, и он пришел в совершенно искренний восторг» («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1. М.—Л., 1936, стр. 174). Возможно, что речь идет здесь о стих. «Бывает так...» и «Совет», опубликованных в недавно вышедшей книге «Современника», или о стих. «К портрету», написанном в середине октября и вскоре, очевидно, посланном, по обыкновению, родным для прочтения и отзыва.

Мухановой. Впервые — П., т. 1, стр. LXXXV, с неверным инициалом адресата «С. Мухановой». Автограф в ПД (заглавие: « -ой»). Дата по упоминанию в П., т. 1, стр. 388. *Муханова* Мария Сергеевна — представительница известного дворянского рода, проживавшая в 1846 г. в калужском имении, где А. с ней и познакомился. Отличалась образованностью и умонастроением, близким славянофилам, со многими из которых была хорошо знакома и состояла в переписке (А. о ней — П., т. 1, стр. 360—361, 388). *Тантал* — греческий царь, герой мифа. За оскорбление богов был низвергнут ими в Аид. В подземном царстве он стоял по горло в воде и терзался жаждой — вода отступала, когда он собирался сделать глоток; не мог он утолить и голод: ветви с плодами, висевшие над ним, отодвигались, когда он протягивал к ним руку.

К портрету. Впервые — «Московский литературный и ученый сборник», М., 1847, стр. 590, без заглавия. Печ. по автографу ПД. В другом автографе название «К мечтателям» и примечание А. под заголовком: «Или же к самому себе, себя собственно имел я в виду, когда писал эти стихи. Прочтя эти стихи, вы поймете, почему я не считал себя вправе предаваться досужей поэзии и в буквальном смысле слова подавлял себя „делом"». Дата — по письму от 20 октября, в котором впервые упоминается стихотворение как недавно написанное, и предшествующему (см. П., т. 1, стр. 390).

Санный бег, вечером, в городе. Впервые — П., т. 1, стр. ХС. Печ. по автографу ПД. Дата — по П., т. 1, стр. 399—400.

Capriccio. Впервые — П., т. 1, стр. LXXXVI. Печ. по автографу ПД (в нем зачеркнутый чернилами подзаголовок — обращение к неизвестному лицу: «А... П... Б...»). Упоминается в письме родным 5 октября 1846 г. (П., т. 1, стр. 387), что дает возможность установить крайнюю дату написания. *Capriccio* (итал.) — музыкаль-

ное произведение, обычно виртуозное, свободного построения. *Законы осуждают* и т. д. — начальные строки песни молодого человека из повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1794):

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?
Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Песня была весьма популярна еще в 30-х годах XIX в. (ср. слова Хлестакова в «Ревизоре», д. IV, явл. 13). *Клавикорд* — клавишно-струнный инструмент XV—XVIII вв., предшественник фортепьяно. «Клавикордами» в России в первой половине XIX в. неправильно называли фортепьяно.

«Блаженны те, кто с юношеских лет...» Впервые — П., т. 1, стр. LXXXVI. Печ. по автографу ПД (с указанием места написания — Калуга). В списке ЛБ (рукой М. В. Киреевской) представляет собой последние строфы стих. «Бывает так...». Там же дата — «26 августа 1846».

Панову. Впервые — П., т. 1, стр. LXXII, с пометкой «Москва». В Москве в 1846 г. А. был в конце апреля, первые три недели июля и в последних числах декабря. Вернее всего, стихотворение написано во время последнего приезда. *Панов* Василий Алексеевич (1819—1849) — известный деятель-славянофил, литератор, близкий знакомый Аксаковых, издатель «Московского литературного и ученого сборника» 1846 и 1847 гг.

При посылке стихотворений Ю. Жадовской. Впервые — П., т. 1, стр. LXXXIX, с пометкой «1846 г. Калуга». Печ. по автографу ЛБ. Автограф ПД озаглавлен «N.N.N-ой при посылке стихотворений Ю. Жадовской». Адресат стихотворения не установлен. *Жадовская* Юлия Валериановна (1824—1883) — писательница. Ее стихотворения печатались с 1843 г. В 1846 г. издала в Москве сборник стихотворений. Жадовская жила постоянно в Ярославле. Во время выездов в Москву познакомилась с Аксаковым. Отзыв А. об ее стихотворениях — в П., т. 1, стр. 404; т. 2, стр. 172—173, 285—286 и др. письмах периода службы в Ярославле. Ю. В. Жадовская посвятила А. стихотворение, в котором писала о большом значении знакомства с ним для уяснения ею жизненных вопросов, для поэтического творчества:

Давно уж мне хотелося
Сказать, как освежительно
На душу, утомленную

Житейскою всеядностью,
Талантом вы повеяли
И осветили темные
Вопросы сердца смутного и т. д.

(Ю. В. Жадовская. Полное собрание сочинений, т. 1, изд. 2-е. СПб., 1894, стр. 115).

«Мы все страдаем и тоскуем...» Впервые — «День», 1862, № 29, 28 апреля, под заглавием «Из стихотворений прежнего периода». Автограф первых десяти строк и список в ПД имеют варианты:

ст. 4—5

Мы негодуем суетливо,
Соболезнуем хлопотливо

7—12

Обман и ложь! Не пыл желанья,
Не жгучий пламень состраданья,
Не жажда скорого конца,
Не беспокойные заботы,
Не бескорыстные работы
Волнуют праздные сердца!

33

Удобной прихотью для нас

35—36

Прожить шумливо и тревожно
И позабавиться не раз!

В «Дне» датировано 1847 г., в списке и публикации в П., т. 1, — 1846 г.

«При кликах дерзостно-победных...» Впервые — П., т. 1, стр. XCIII, под заглавием «(Посвящено Л. И. Арнольди)». Название дано произвольно. Печ. по автографу ПД под названием «N.N.» и с примечанием: «Одной неизвестной мне девушке, историю которой рассказывали мне». О том же адресате стихотворения — П., т. 1, стр. 418—419. Прочтя стихи, С. Т. Аксаков писал 8 февраля сыну: «Сейчас принесли твое письмо, милый друг Иван, от 4 февр. Стихи прекрасны, превосходны! Одни из лучших твоих стихов. Еще не прочитав их, я знал, что они таковы, ибо ты пишешь, что стихи без особенного достоинства. Мне всего более нравится „Чтоб слышать мне полет молитвы в благоуханной тишине"» («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1. М. — Л., 1936, стр. 179—180).

К стр 87—88

«Что мне сказать ей в утешенье...» Впервые — в письме родным от 1 марта 1847 г. (П., т. 1, стр. 428—429). Автограф письма — в ПД. Стихотворение связано по содержанию с предыдущим. В указанном письме А. рассказал его историю: «Стихов новых нет. Правда, есть небольшие, ответ Ар<нольди>. Дело в том, что, рассказав ему об одной девушке, проживающей не в здешних местах, я привел его восприимчивую душу в такой восторг, что он, постоянно бредящий по юности лет об идеале женщины и девы, сошел с ума на несколько дней, в состоянии был ехать ее отыскивать и написал мне о ней пребольшие стихи... Он спрашивает, неужели девушка эта примирится с жизнью и страданием, сделается барыней уездной, и зачем все это так на свете и т. п. Я отвечал на это следующими стихами, которые, впрочем, написать можно было только в сердитую минуту расположения духа...» *Арнольди* Лев Иванович (ум. в 1860 г.) — сводный брат А. О. Смирновой (сын ее матери от второго брака), автор воспоминаний о Гоголе, чиновник, находившийся в Калуге в годы службы в ней А.

«Зачем душа твоя смирна?..» Впервые — «Русская беседа», 1859, кн. 5, стр. 8, где опубликовано вместе со стих. «Отдых», «Моим друзьям», «Опять тоска! опять раздор!..» под общим заголовком: «Из стихотворений прежнего периода» (к нему примечание: «Это значит — до 1855 года»). Печ. по автографу ПД.

Основные варианты «Русской беседы»:

ст. 9—10

Ты боевой не сведал жажды,
Тебя в борьбу не увлекло?

Последняя строфа:

Безумцем слыть тебе у всех!
Но для святыни убежденья
Полезней казни и гоненья,
Чем славы суетной успех.
О, в этой душной нашей ночи
Кому из нас бесстрашной мóчи
Достанет правду возлюбить?
Кто озарит нас правды светом?..
Одним безумцам в мире этом
Дано лучей ее добыть!..

Дата — на основании письма родным, где А. пишет, что эти стихи «мне самому нравятся» (П., т. 1, стр. 421). Летом 1847 г. А. послал Д. А. Оболенскому тетрадь своих стихов, указав в письме: «В тетради я отметил карандашом стихи, писанные вследствие Гоголевой книги <«Выбранные места из переписки с друзьями»>, или, лучше сказать, вследствие мыслей, ею возбужденных» (П., т. 1,

стр. 438). А. Ф. Аксакова, издательница писем А., сделала к этим словам примечание, назвав отмеченные стихи: «Свой строгий суд остановив...», «Зачем душа твоя смирна?..», «Не дай душе твоей забыть...». Указание это нельзя считать совершенно достоверным, так как последнее стихотворение из названных и в автографе, и в прижизненной публикации датировано 1848 г. В 1852 г., в составе второго тома «Московского сборника», его редактор А. предполагал напечатать под названием «Подражания еврейской поэзии» стих. «Зачем душа твоя смирна?..» и «Усталых сил я долго не жалел...» Сборник к печати разрешен не был, а стихи А. причислены цензурой к особенно подозрительным материалам («Русская старина», 1905, № 5, стр. 398—399).

«Свой строгий суд остановив...» Впервые — сб. «Киевлянин», кн. 3, М., 1850, стр. 211, под заглавием «К N.N.». Печ. текст, опубликованный А. в газете «День», 1863, № 1, 5 января, под заглавием «Из стихотворений прежнего периода». В П., т. 1, стр. XCII датировано: «1847 г. Калуга». Автографы ПД также с пометкой «Калуга». В Калуге А. был до 24—25 апреля. Наряду с мелкими поправками, в тексте несколько вариантов имеют ст. 17—19:

Когда мечты в нем роем вьются;
И рвется сердце к красоте,
И сердце женщины он любит,

(Автограф I ПД)

И чувства полно, пылко бьются,
И чутко сердце к красоте,
И сердце он другое любит, —

(Автограф II ПД)

И светлым роем грезы вьются;
И рвется сердце к красоте,
И славу он, и доблесть любит, —

(Киевлянин)

См. также примечание к стих. «Зачем душа твоя смирна?..».

«Странным чувством объята душа...» Впервые — П., т. 1, стр. XCIV, где датировано: «1847 г. Калуга». Печ. по автографу ПД, также имеющему пометку «Калуга».

Отдых. Впервые — сб. «Киевлянин», кн. 3, М., 1850, стр. 190. Печ. по «Русской беседе», 1859, кн. 5, стр. 9 (см. примечания к стих. «Зачем душа твоя смирна?..»). В «Киевлянине» ст. 10 «Грезам не дал себя обмануть»; есть и другие более мелкие варианты. Написано в конце года (П., т. 1, стр. 438). О стих. «Отдых» А.

впоследствии писал: «Стихи эти относятся к тем годам службы, где я заставлял себя работать, дабы, не обольщаясь праздными мечтами, быть полезным. Тут и сказалась внутренняя борьба, борьба поэтического и художественного призвания с сознанием долга гражданского. Надо вспомнить, что я тогда служил, заставлял себя служить, считал себя не вправе сложить руки, сказать — я-де поэт и потому-то бездействую» (там же).

«Не дай душе твоей забыть...» Впервые — «Русская беседа», 1856, кн. 1, стр. 5. Печ. журнальный текст. Автографы в ПД. Один из них — с пояснением А.: «Я разумею подвиг к добру, ставший рутиною, привычкою и потому переставший благотворно действовать на душу», — содержит иной текст второй строфы:

Но мнится нам, что цели ясны,
Что крепок дух и прочен пыл,
Увы! для наших вялых сил
Пути нескорые опасны!
Остынет жар с теченьем лет,
И каждый подвиг наш душевный,
Дробимый жизнью ежедневной,
Теряет смысл и тратит цвет.

Закончено не позднее октября, т. е. до длительного отъезда из Москвы, где написано стихотворение, согласно пометке в автографе и первой публикации. Вероятнее всего написано в начале года. См. примечания в стих. «Зачем душа твоя смирна?..».

А. П. Елагиной. Впервые — «Русский архив», 1877, № 8, стр. 496. Автограф ПД содержит мелкие разночтения, а также пояснение А.: «Старушка А. П. Елагина, мать Киреевских, тому давно, когда я еще служил, прислала мне образ спасителя с восторженными похвалами за какое-то мое доброе дело на службе. Эти похвалы меня смутили. Я отвечал ей». В примечании П. И. Бартенева к публикации в «Русском архиве» указывается: «Написаны они <стихи> в 1848 году, когда И. С. Аксаков служил обер-секретарем в Московском сенате». Если это указание верно, то стихотворение не могло быть написано позднее середины сентября, когда А. оставил названную должность. *Елагина* Авдотья Петровна (1789—1887) играла заметную роль в жизни литературной и ученой Москвы первой половины века, была близка ко многим выдающимся людям. От первого брака имела сыновей И. В. и П. В. Киреевских, от второго — В. А. и Н. А. Елагиных. В салоне Елагиной часто встречались славянофилы.

Послание к Л. И. Арнольди. Впервые — П., т. 2, стр. L, с подзаголовком: «Из Бессарабии по случаю данного ему поручения произвести следствие над N». Имеется в виду дело Рахманова (см. список стихотворения в ЛБ). Автограф в ПД. Со-

гласно пометке А., написано в Кагуле (город в Молдавии). В октябре 1848 г. А., только что поступивший на службу в Министерство внутренних дел, был послан в Бессарабию с секретным поручением ознакомиться с бытом местных раскольников. В Кагуле А. был около 20 декабря. Об *Арнольди* см. выше примечание к стих. «Что мне сказать ей в утешенье...» *Формошика* (молдавск.) — хорошенькая девушка; *дудука* — барышня; *мититика* — миниатюрная, маленькая; *кукона* — сударыня, госпожа, барыня. *Надворные суды,* существовавшие в 40-х годах XIX в. (до упразднения их в 1866 г.) лишь по одному в Петербурге и Москве, учреждены были для разбора уголовных и гражданских споров по личным обязательствам между иногородними и разночинцами, не имевшими недвижимой собственности в пределах столичной губернии.

«Пусть гибнет всё, к чему сурово...» Впервые — «Русская беседа», 1859, кн. 6, стр. 2, под названием: «Из стихотворений прежнего периода». Печ. с исправлением слова «сгибнет» на «гибнет», согласно всем автографам ПД. Автографы имеют отличия от печатного текста и отдельные различия между собой. Основные из них:

ст. 1—2

Пусть гибнет всё, в чем так сурово
Так долго дух воспитан был

23—24

Не тратой дней и сил напрасной
В безбрежной пошлости людской

27

Клейми прозваньем вольнодумцев

Вошло в состав сборника «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861, стр. 229), где опубликовано без указания даты написания по тексту, несколько отличающемуся от текста публикации «Русской беседы», и приписано покойному К. С. Аксакову (умер 7 декабря 1860 г.). Написано в Петербурге (на это указывает и пометка А.). В автографе ПД после даты карандашная приписка· «После ареста Самарина». Если верить неоднократному отнесению самим А. времени создания стихотворения к февралю (ср. П., г. 2, стр. 111), то здесь налицо ошибка памяти. Юрий Федорович Самарин (1819—1876), известный славянофил, был арестован 5 марта 1849 г. за распространение в рукописи «Рижских писем» и просидел 12 дней в Петропавловской крепости.

N.N.N., ответ на письмо. Печ. впервые по автографу ПД с пометкой «СПбург». Адресат не установлен. В марте 1849 г. был

арестован и заключен в крепость Ю. Ф. Самарин (см. предыдущее примечание), а 18 марта арестован и сам А. по подозрению во вредном образе мыслей (вопросы, предложенные А. III Отделением и его ответы на них — в П., т. 2, стр. 147—163).

«Клеймо домашнего позора...» Впервые — П., т. 2, стр. 277—278. Печ. по автографу ПД. Посылая в конце января 1850 г. стихотворение родным, А., знавший, что его письма прочитываются полицией, дал ему заглавие «Перевод с санскритского» (там же, стр. 275). В ответном письме сестра поэта В. С. Аксакова сообщала: «Перевод твой прекрасен, всем нравится. Гоголь очень хвалит, желает только, чтобы ты не сочувствовал этому расположению духа...» («Литературное наследство», № 58. М., 1952, стр. 725). Это стихотворение записал в свою тетрадь И. С. Никитин («Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома», IV, 1953, стр. 101). *И сердце в нас одебелело.* Одебелеть (старослав.) — делаться дебелым, толстым; грубеть, погрубеть.

«Усталых сил я долго не жалел...» Впервые — «Русская беседа», 1856, кн. 1, стр. 5. Дата — в П., т. 2, стр. LIII. Автографы, в частностях отличающиеся друг от друга, в ПД. Основные варианты:

ст. 6

Сухим трудом не брезгал я лукаво

28

Борьбы глухой достался жребий скучный

41

Но мнится мне порой, в тиши работ

В автографе пояснение А.: «Этот скорбный и неестественный клич был очень естественен в прошлом царствовании». Об этом стихотворении см. в письмах А. родным (П., т. 2, стр. 362, 363). Ответ С. Т. Аксакова — «Русская мысль», 1915, № 8, стр. 122. В «Заметках о журналах за апрель 1856 года» в «Современнике» Н. А. Некрасов писал о первом номере «Русской беседы»: «Из него мы успели прочесть только несколько стихотворений и в числе их нашли два превосходные. Они принадлежат И. Аксакову. Приводим их здесь». Приведя полностью стих. «Усталых сил я долго не жалел...» и «Добро б мечты, добро бы страсти...», Некрасов заключает: «Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса» (Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М., 1950, стр. 406—408). Н. Г. Чернышевский в «Заметках о журналах. Декабрь 1856» повторил отзыв Некрасова: «Кто хочет узнать «Русскую беседу» с самой выгодной стороны, должен

прочесть эти статьи <кн. В. А. Черкасского> и стихотворения г. И. Аксакова (в первой книге; в свое время мы представили нашим читателям эти стихотворения; к сожалению, в трех следующих книгах г. И. Аксаков не поместил ни одной пьесы. Неужели он так мало пишет?)» (Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1948, стр. 692) О цензурной истории стихотворения — в примечаниях к стих «Зачем душа твоя смирна?..».

Стихотворения А., опубликованные в первой книге «Русской беседы», и особенно «Усталых сил я долго не жалел...», вызвали большое волнение в органах надзора за печатью. Министр народного просвещения А. С. Норов узнал из рапорта чиновника особых поручений Родзянко о том, что А. провел в печать стихотворения, ранее запрещенные цензурой. Это обстоятельство вызвало гнев и угрозы со стороны министра и обширную внутриведомственную переписку. Когда в 1858 г. А. стал ходатайствовать о возвращении ему права быть редактором периодического издания, оказалось, что история с напечатанием запрещенных ранее стихотворений не была забыта начальством (ЦГИАЛ. Ф. 772, оп. 6, ед. хр. 151217; оп. 7, ед. хр. 151725).

После 1848 года. Впервые — Сб. 1886, стр. 25. Автограф в ПД. Стихотворение вызвано революционными событиями 1848 г. на Западе, откликами на них в России и последовавшими затем жестокими репрессиями (см. вступительную статью). А. придавал стихотворению большое значение, очень им дорожил и неоднократно возвращался к нему в письмах (П., т. 2, стр. 367, 369 и др.). В частности, А. просил, «чтоб их прочли Грановскому или вообще людям, у которых болела душа от 1848 года» (там же, стр. 375). С. Т. Аксаков, получивший стихотворение от сына по почте, был очень встревожен им. «Я желал бы, — писал он А. в ответ, — чтобы ты никогда не написал этих стихов, но как они уж написаны, то прошу убедительно и приказываю строго *никому* их даже не читать... Неужели ты думаешь, что если стихи твои попадутся злонамеренному толкователю, то он не найдет в них обширного поля для обвинения тебя...» («Русская мысль», 1915, № 8, стр. 126—127). Однако сам С. Т. Аксаков не утаил стихотворения от близких людей, в частности от И. С. Тургенева. 26 января 1851 г. он писал сыну: «Тургенев выздоровел: он был у меня третьего дни, вчера и будет сегодня. Вчера я прочел ему стихи. Едва ли есть человек, который бы мог почувствовать их глубже во всех отношениях: это собственный вопль его души, выраженный только другим» (там же, стр. 128). «Я очень рад, что И. С. Тургеневу понравились стихи», — отвечал А. (П., т. 2, стр. 375). Настроения, выраженные А. в стихотворении, чрезвычайно характерны для многих представителей передовой русской интеллигенции после 1848 г. Так, Грановский писал Герцену летом 1849 г.: «Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас новою стеснительною мерою. Доносы идут тысячами... Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением... О литературе

и говорить нечего. Есть с чего сойти с ума. Благо Белинскому, умершему вовремя. — Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее. Когда же развалится этот мир? — Я решил не идти в отставку и ждать на месте свершение судьбы. Кое-что еще можно сделать благородному человеку. Пусть выгоняют сами... Слышен глухой общий ропот — но где силы для оппозиции? — Тяжело, Герцен, а выхода нет живому» («Звенья. VI», М. — Л., 1936, стр. 359—361). В конце 1849 г. Грановский обращается к Я. М. Неверову: «...Сколько приходится ежедневно выносить мелких грубых нападок, в каждом служителе университета — шпион. Начальство смотрит подозрительно на мои отношения к студентам... Вероятно, скоро выгонят. Сам я не уйду. Ты знаешь, я не из тех, кто бегает от опасности. Тяжело, брат! Близкие ушли, кто совсем, а кто далеко. Кругом пустота. Что же дальше? Будем делать пока наше маленькое дело, а там что будет. Пусть будет проклято настоящее! Может быть, будущее будет светло» («Звенья. V», М.—Л., 1935, стр. 752—753). Эпиграф — из Евангелия от Иоанна: «Иисус сказал: я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине: всякий, кто от истины, слушает гласа моего; Пилат сказал ему: что есть истина?» (XVIII, 38). Согласно евангельскому преданию, Понтий Пилат — римский прокуратор, управлявший Иудеей и грубо попиравший обычаи и верования ее народа. Он судил Иисуса Христа и приговорил его к смертной казни.

К. Ф. Миллер. Впервые — П., т. 2, стр. LV, с неверным заглавием «Е. Ф. М—ой». Печ. по автографу ПД с поправкой в ст. 16 («Встретился» вм. «Встретились») по списку ЛБ. О Катерине Федоровне Миллер, с которой А. познакомился во время ее приезда из своей деревни в Ярославль, он писал родным: «Эта девушка приехала сюда на месяц времени, с матерью своею погостить к своим ярославским родственникам... Оболенский познакомил нас заочно, и я хотел было завести с ней переписку (разумеется, не тайную), находя, что гораздо приличнее переписываться девушке «о материях серьезных» с незнакомым человеком и что, наконец, довольно оригинально — не зная друг друга лично, знакомиться через письма и потом поверить это через несколько лет личным знакомством. Однако ж, как я ни редко выезжаю, мне все же пришлось с ней встретиться и познакомиться, как со старой знакомкой. Действительно, умная и славная девушка, уже не в самой первой молодости... «Хороший человек», повторял я невольно, возвращаясь домой. Действительно, мне слышался в ней больше человек, чем девушка. Я видел ее раза три, и, может быть, уже вовсе не увижу, и в эти три раза нельзя было переговорить обо всем. Я давал через Оболенского ей все мои сочинения, и она, кроме «Бродяги», довольно строго осудила их: ее душа не удовлетворилась ими; она нашла путь примирения, выбранный мною, сухим путем и, не признавая меня сухим человеком, признает мало теплоты в стихах моих, а больше какого-то сухого жару. Не могу не сознаться, что

во всем этом есть часть правды... Я уже рад был тому, что не услыхал обычных скудных похвал своим стихам... Для успокоения Веры <сестра А.> скажу ей, что у m-lle Миллер есть свой мир любви, есть один человек, с которым обстоятельства мешают ей до сих пор соединиться браком, но еще не совсем потеряна надежда; сбудется она или нет, для нее все равно: она верна своему глубокому чувству, не бурному, но довольно светлому, сроднившемуся с ней... Она скоро едет; как я выезжаю весьма редко, то, может быть, мне и не удастся видеться с нею; она же уедет куда-то в дальнюю деревню. Но я рад, что существует для меня на свете хорошей душой больше. Истинно рад! Я так люблю в то же время душу человеческую и существование доброго человека; всякое доброе дело, и не мною совершенное, считаю для себя приобретением» (П., т. 2, стр. 370—371; см. там же, стр. 366—367).

Моим друзьям... Впервые — «Русская беседа», 1859, кн. 5, стр. 11 (см. примечания к стих. «Зачем душа твоя смирна?..»). Печ. по автографу ЛБ (там же помета — «с. Абрамцево»). Автограф другого варианта в ПД. Стихотворение вошло в сборник «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861, стр. 227), где оно приписано покойному К. С. Аксакову. Текст имеет ряд отличий. В частности ст. 3: «И ядом злобы напоен». Возможно, что источник этих отличий — автограф. Во всяком случае, подготовляя стихотворение к печати в 1856 г., А. переделал его «с мыслью о цензуре» (П., т. 3, стр. 277). Однако и в таком виде оно, как и стих. «Опять тоска! опять раздор!..», не было пропущено в 1856 г. цензором «Русской беседы» (там же, стр. 283). При жизни А. опубликовал стихотворение еще в газете «Русь» (1884, № 5) с датой «1852 год» и примечанием: «Помещаем это старое стихотворение, писанное 32 года тому назад, как дополнительную справку из собственного архива к передовой статье о старых судах в № 4 «Руси». Вот какими скромными желаниями приходилось тогда ограничиваться!.. Автор, когда писал это послание, сам уже оставил службу. Ред.». Приводим основные варианты газетного текста:

ст. 28

Но дорог плод усилий дружных:

44—46

Слезу страдальца отереть,
Хоть дать вздохнуть стесненным грудям,
Дать света луч в кромешной мгле!..

Дата дается по «Русской беседе». Там же указано место написания — Ярославль. В 1851 г. А. был в Ярославле до начала апреля, т. е. до выхода его в отставку. О некоторых обстоятельствах написания стихотворения см. в воспоминаниях А. С. Хомутова («Исторический вестник», 1886, № 7, стр. 54—55). Там же письмо А.

о стихотворении. Тема служебной деятельности — одна из характерных для поэзии А. Он видел в ней как посильный способ практического служения истине и людям, так и единственную возможность избавить дворянство от паразитического образа жизни за счет крепостных крестьян. Сам А. служил всю жизнь. В 1851 г. в знак протеста против прямо выраженного высшим начальством неудовольствия его литературными занятиями А. вышел в отставку. Но вскоре он снова начинает думать о службе. В письме он признается: «Оставив службу, я увидел себя в положении еще более неприятном: во-первых, мне приходилось жить на чужой счет, т. е. на счет своих крестьян...» (П., т. 2, стр. 408).

«Могучим юности призывам...» Впервые — «Московский сборник», т. 1, 1852, стр. 143. Автографы с мелкими разночтениями в ПД. Там же указано место написания — Москва.

«Добро б мечты, добро бы страсти...» Впервые — «Русская беседа», 1856, кн. 1, стр. 7. Без имени автора и даты — в «Полярной звезде на 1859», Лондон, 1859, стр. 42. Здесь добавлена заключительная строфа:

О, дай же нам благую дерзость —
Нарушить быта тишину,
Законов зла поведать мерзость
И в царство злых внести войну.
Пускай пожрет нас пламень бранный,
Пусть знойный дух снедает нас —
Одной мечтой, одной желанной,
Одной заботой непрестанной,
И день и ночь, и каждый час.

Там же варианты:

ст. 29

Потолковать о бедном брате

35

Не то чтоб жили мы бесстыдно

Тот же текст воспроизведен в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, стр. 347. *«Слова, слова, одни слова!»*. Гамлет в трагедии Шекспира на вопрос Полония: «Что вы читаете, принц?»— отвечает: «Слова, слова, слова» (д. II, сцена 2).

«Опять тоска! опять раздор!..» Впервые — «Русская беседа», 1859, кг. 5, стр. 12 (см. выше примечание к стих. «Зачем душа твоя смирна?..»). Автограф в ПД имеет варианты:

ст. 19

Она неправде ждет отпора

27—28

Не грезы сладостного счастья —
Бог с ним! — родят во мне участье.

«На Дунай! туда, где новой славы...» Впервые — Сб. 1886, стр. 6. Автограф без четвертой строфы в ЦГАЛИ (с датой и пометкой «Елисаветград»). Об этом стихотворении — П., т. 3, стр. 3, 5. Написано в связи с началом Крымской войны и ростом националистических настроений А., обращающегося в стихотворении к самому себе («На Дунай! что медлишь ты напрасно?»). В это время А. видит в действиях русского правительства и армии проявление высокой заботы о славянах и греках, борьбу «нового мира» «со старым», т. е. Западной Европой. Стихотворение вызвало сильное недовольство со стороны III Отделения, предполагавшего, по-видимому, в нем упреки в адрес правительства (Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908, стр. 219—220).

Ответ. Впервые — «Русская беседа», 1857, кн. 1, стр. 2. Автограф в ЛБ (с пометкой «Москва»). Очевидно, написано в первые месяцы года, не позже начала марта, когда А. выехал в Петербург, а оттуда за границу. Представляет собой ответ на стих. Я. П. Полонского «Ивану Сергеевичу Аксакову (Когда мне в сердце бьет, звеня как меч тяжелый, твой жесткий беспощадный стих...)», напечатанное в 3-й книге «Русской беседы» за 1856 г. (дата — «СПб. Июнь 1856»). Полонский, между прочим, писал:

Не внемля шепоту соблазна, строгий гений
Ведет тебя иным путем —
Туда, где нет уже ни жарких увлечений,
Ни примирения со злом.

И. Г. Ямпольский видит в этом стихотворении А. несомненное влияние поэзии Некрасова, его понимания роли и назначения поэта, высказанного, в частности, в «Поэте и гражданине» («История русской литературы», т. 8, ч. 2. М.—Л., 1956, стр. 32).

На 1858 год. Впервые — «Русская беседа», 1858, кн. 1. стр. 1. Список в Рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (архив П. П. Пекарского).

«Навстречу вещего пророка...» Впервые — «Русская беседа», 1860, кн. 1, стр. 133. Печ. по спискам ПД. В журнальной публикации вместо девяти последних строк след. текст:

И туго стебель подымает,
Пока корней живой объем
Охватит мир... Но мир не знает,
Какая сила зреет в нем.

Посылая стихотворение из Мюнхена, где оно было написано, А. писал родным: «В нем нет намеков и сближений. Мысль та, что мы все нередко ждем исторического события справа, а оно входит слева, ждем его в таком-то костюме, а оно явилось в другом, так что мы его и не узнаем, ждем нынче, а оно уже тут, да мы и сами — порождение этого события, его выражаем; между тем во всех нас лежит замашка мерить день исторический на мерку нашего солнечного дня, желание поймать историю за хвост, осязать, воплотить ее и проч.» (П., т. 3, стр. 376). В другом письме А. отмечал: «Задача стихотворения не самый пророк, а *отношение к нему»* (там же, стр. 396). См. еще там же, стр. 375, 382, 390. О некоторых обстоятельствах написания стихотворения — в воспоминаниях Ф. Боденштедта («Русская старина», 1887, № 9, стр. 579—584). Там же — сделанный Боденштедтом перевод на немецкий язык (стр. 586—588).

«К тишине, к примиренью, к покою...» Впервые — «День», 1862, № 16, 27 января. В Сб. 1886, стр. 72, под названием «Последнее стихотворение из прежних». Очевидно, об этом стихотворении А. писал из Мюнхена родным (П., т. 3, стр. 389).

Ф. В. Чижову. Печ. впервые по автографу ПД с пометкой «Май 1860 г. Мюнхен». В Мюнхене А. был до 6 мая. Этим обстоятельством определяется дата. *Чижов* Федор Васильевич (1811—1877) — общественный деятель, славянофил, литератор. С конца 50-х годов занимался в основном деятельностью в области промышленности, техники, железнодорожного строительства. Воспоминания о нем А. — в «Русском архиве», 1878, № 2, стр. 129—157.

Варварино. Впервые — «Русь», 1880, № 4, 6 декабря. Печ. по Сб. 1886, стр. 74. Автограф — в ЦГАЛИ. В газетной публикации вариант:

ст. 35—36

Чужая мысль царит вполне
И бессознательно — измена!

В «Руси» напечатано вместе с «29 ноября» под заглавием «Два стихотворения» с общим примечанием: «Эти стихи никогда не предназначались для печати, но мы решаемся их поместить ввиду тех argumenta ad hominem,[1] с которыми, при появлении 1-го №

---

[1] Arugmentum ad hominem (лат.) — термин, обозначающий логическую ошибку, при которой аргументацию по существу подменяют оценкой лица, выдвинувшего доводы. — *Ред.*

«Руси», обратились к автору «Страна» и другие полемизирующие с «Русью» газеты, коснувшись при этом некоторых обстоятельств его личной жизни». В собрании П. Я. Дашкова в ПД список со следующим примечанием: «Точный список стихотворения, напечатанного в №№ 23—25 «Гражданина» и не пропущенного цензурой». В архиве Аксаковых (ПД) хранится текст стихотворения, представляющий собой, очевидно, часть корректурного листа реакционной газеты «Гражданин». Создание этого и всех последующих стихотворений 1878 г. связано с одним заметным событием в биографии А. 22 июня он произнес в собрании Славянского благотворительного общества речь против Берлинского трактата 1878 г., дававшего право на подчинение или прямой захват Австрией и Турцией ряда славянских земель в Восточной и Южной Европе. В скором времени речь А. была опубликована во многих европейских газетах и стала широко известна. В августе по настоянию австрийского правительства А. понес наказание за свое выступление: ему было предложено от имени Александра II оставить Москву. А. поселился в селе Варварине Юрьевского уезда, Владимирской губернии, в имении сестры его жены, фрейлины Екатерины Федоровны Тютчевой. В конце ноября того же года А. был разрешен въезд в Москву, о чем и говорит последнее стихотворение варваринского цикла. Об истории этой ссылки — «Русский архив», 1903, № 12, стр. 670—671. Письма А. из Варварина разным лицам — «Русский архив», 1909, № 5, стр. 145—151. Эти «обстоятельства личной жизни» А. имела в виду, в частности, петербургская газета «Страна». Оспаривая возможность решения «уездной проблемы», т. е. вопроса о местном самоуправлении, в отдельности от вопроса о гарантиях общего самоуправления, «Страна» в передовой статье 20 ноября 1880 г. писала: «Самое великолепное решение «уездной проблемы» не помешало бы, в известных случаях, представителям местного самоуправления неожиданно «выехать» в другие губернии, в то самое время, когда сам И. С. Аксаков невольно «выехал» из Москвы в деревню... Странно! Деятель, недавно возвратившийся из места невольного пребывания» и т. д. *Несется звук победной песни.* К этим словам в печатном листке, хранящемся в ПД (см. выше), имеется примечание: «Не всякому, может быть, из читателей понятно выражение «победная песнь». Это есть выражение литургии: „Победная песнь, поюще, вопиюще... свят, свят... осанна в вышних!"».

Анне. Впервые — «Новое время», 1886, № 3576, 10 февраля, в статье С. П<ономарева> «Памяти Ивана Сергеевича Аксакова» Печ. по автографу ЦГАЛИ. Посвящено жене поэта Аксаковой Анне Федоровне (1829—1889) — дочери Ф. И. Тютчева, автору воспоминаний «При дворе двух императоров». А. женился 12 января 1866 г. Об этом — в его письме А. О. Смирновой («Русский архив», 1895, № 12, стр. 469) и др.

Ночь. Впервые — «Русь», 1884, № 1, 1 января. Печ. по Сб. 1886, стр. 76. Автограф — в ЦГАЛИ (без заглавия). Об этом и

следующих стихотворениях — в письмах А. П. И. Бартеневу («Русский архив», 1909, № 5, стр. 145—149).

«Среди цветов поры осенней...» Впервые — «Новое время», 1886, № 3576, 10 февраля, в статье С. П<ономарева> «Памяти Ивана Сергеевича Аксакова». Печ. по Сб. 1886, стр. 77. В автографе ЦГАЛИ в конце имеется еще одна строфа:

Так пусть осеннею порою
Мороз и вьюга нам грозят:
Как те цветы, своей душою
И ты, склоняясь надо мною,
Струи свой бодрый аромат!

Датируется на основании приписки А. Ф. Благонравова в сделанном им списке стихотворения (ПД). М. А. Балакиревым в 1895 г. написана музыка к стихотворению.

29 ноября. Впервые — «Русь», 1880, № 4, 6 декабря. Печ. по Сб., 1886, стр. 80. См. выше примечания к стих. «Варварино».

ПОЭМЫ

Жизнь чиновника. Впервые в изданном Вольной русской типографией в Лондоне сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861), где напечатана без имени автора. Значительные пропуски и ошибки в тексте публикации делают маловероятным предположение о том, что поэма была передана Герцену самим А. О взаимоотношениях А. с Герценом-издателем см. «Литературное наследство» № 41—42, М., 1941, стр. 581. В России впервые в Сб. 1886, стр. 153. Попытка опубликовать поэму в 1846 г. не увенчалась успехом, она не была пропущена цензурой (П., т. 1, стр. 379). Несколько списков и неполных автографов в ПД. Установление наиболее авторитетного текста «мистерии» — задача весьма сложная и при существующих рукописных источниках до конца не разрешимая. При отсутствии авторизованного издания или полного рукописного авторского свода ни один из известных ныне текстов поэмы, заметно отличающихся друг от друга, не может с уверенностью считаться самым точным, не может быть принят за выражение последней авторской воли. На основе сопоставления всех имеющихся разночтений и вариантов и выявления наиболее авторитетных за основной текст поэмы в настоящем издании принят текст хранящейся в ПД рукописи поэмы, представляющей собой частично автограф, частично правленный рукой А. список (архив Аксаковых, ф. 3. оп. 1, № 2). Однако данное в этой рукописи название поэмы («Ernst und Scherz,[1] или Жизнь чиновника») не перенесено в основной текст,

[1] В шутку и всерьез (нем.). — *Ред.*

так как оно ни разу более не встречается в автографах и списках. По сравнению с Сб. 1886, в тексте настоящего издания есть существенные различия и дополнения. Отметим наиболее значительные из них. В «периоде втором» в монологе Чиновника в очках вм. прежнего «новые таблицы, плоды глубокого ума» — «плод министерского ума», вм. «строжайших повелений» — «монарших повелений». Там же Главный начальник говорит о «высочайших повелениях» вм. «высших строгих», вм. «начальство требует» — «министр наш требует». В этом же «периоде», после «перемены декорации», при вручении курьером пакета герою поэмы, в его реплике имеется иной текст:

Что если выговор?.. Вот будет мне тоска!
За что бы, кажется? дрожит моя рука!

(Сб. 1886)

Что если выговор?

(Смотрит на стенные часы.)

Часы бегут пока...
Дай распечатаю... дрожит моя рука...

(Наст. издание)

В «Периоде третьем», в обращении таинственного голоса, 12-я строфа читается иначе. Ср. в Сб. 1886:

И, быть может, вместо муки,
Службы тягостной науки,
Здесь на поприще другом
Славным шел бы ты путем!

Там же, в словах Демона службы, добавлены строки 25—28 и 53—56. Последние три строки читаются иначе. Ср. в Сб. 1886:

...То пусть служебного тот поприща бежит
Далеко от его однообразной муки,
Пусть наслаждением высоким дорожит
На поприще другом — искусства иль науки!

Последние слова Чиновника в Сб. 1886: «Я даром жил! я даром жил!» В эпилоге, во второй реплике Молодого чиновника, в Сб. 1886: «послужил отечеству» вм. «послужил царю и отечеству». Последние слова поэмы в Сб. 1886 (голос из толпы): «...верно, был такой же мошенник!.. Впрочем, бывают всякие...»

Возможно, что наряду с разночтениями, опирающимися на имеющиеся списки, в тексте Сб. 1886 имеются поправки издатель-

ницы — А. Ф. Аксаковой. Другие варианты и дополнения имеются в некоторых других автографах и списках ПД, а также в книге «Русская потаенная литература». Приводим все случаи, имеющие принципиальное значение. В одном лишь случае дается эпиграф:

Die Menschheit wechselt zwischen Lust und Weinen
Und mit dem Ernste gattet sich der Scherz! [1]

Реплика Другого секретаря («Период второй») имеет вариант:

Э, братец! мелешь вздор!
Закон под всё подходит,
Ты знаешь с давних пор!

После второй реплики Столоначальника-старика иногда встречается следующее добавление:

«В это время в другом углу слышен голос другого столоначальника, диктующего писцам:

— Пишите: показания крестьянской девки Матрены Неваренной: у исповеди и святого причастия бывает ежегодно, имеет незаконнорожденного сына, прижитого от неизвестного мужчины в поле...». В «Русской потаенной литературе» перед эпилогом даны слова Таинственного голоса:

Мир тебе! не путь избранный
Был твой истинный удел,
И талант, от бога данный,
Ты направить не умел!

В эпилоге, после слов Молодого чиновника: «придут, бывало, просители, оборванные, грязные, нищие» встречается (после двоеточия): «у кого сына в Сибирь шлют, другого от детей отлучают, третьего судья ограбил...».

Написанная в 1843 г. в Москве, «Жизнь чиновника» скоро получила широкое распространение в списках и за пределами города, где А. начинал свою служебную деятельность (об этом см. П., т. 1, стр. 136—137, 288). Сам А. очень неохотно знакомил желающих с текстом «мистерии» (о его отношении к ней см. еще там же, стр. 157, 276).

Служить? иль не служить? да, вот вопрос! — Шутливое подражание началу знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!» (д. III, сцена 1) в переводе Н. А. Полевого. *Будешь ты Действительный, будешь ты и Тайный!* — русские гражданские чины четвертого (действительный статский советник) и третьего (тайный советник) классов, соответствующие генерал-

---

[1] В жизни человеческой чередуются радость с горестью и шутливое сочетается с серьезным! (нем.) — *Ред.*

майору и генерал-лейтенанту. *Зеленый вицмундир* — форменный фрак чиновников судебного ведомства. *Сатурном убеленный.* Сатурн — древнеримский бог, соответствующий древнегреческому Кроносу. В позднейшие времена возникло представление о С. как о боге времени, вследствие созвучия имени Кроноса с греч. Хронос (время). *К превосходительным чинам Стремятся Бруты, Александры!..* Превосходительные чины («ваше превосходительство») — высшие гражданские чины, начиная с действительного статского советника, соответствующие генеральским. Брут — древнеримский политический деятель, один из борцов за республику, участник заговора против Юлия Цезаря и убийства его. Александр — Александр Македонский. *Услышь пророчество Кассандры!* Кассандра — легендарная троянская царевна, дочь Приама и Гекабы. Влюбленный в К. Аполлон наделил ее пророческим даром, но, отвергнутый К., сделал так, что ее пророчествам, несмотря на их справедливость, никто не верил. *Горе мне! какие звуки!* и т. д. — реминисценция из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе В. А. Жуковского:

Горе мне! какие звуки!
Пламень душу всю проник,
Милый слышится мне голос,
Милый видится мне лик.

(д. IV, явл. 1. Слова Иоанны). *«Роберт-Дьявол»* — опера Мейербера, впервые поставленная на сцене в Париже в 1831 г. *Ономнясь* (обл.) — недавно, несколько лет тому назад. *Роется в X томе.* Ссылка на 14-й пункт X тома «Свода законов» произвольная. В действительности этот пункт касается разрешения на брак удельным крестьянкам. *По высочайшим повелениям Печатный шлете вы указ!* К этим строкам в списке ПД из онегинского собрания есть примечание А.: «Был ордер министра, чтоб по высочайшим повелениям не отправлялись указы, писанные на печатных бланках, так как форма уже известна, ибо «такие указы не столь уважаются». А подобных указов приходится в месяц отправлять до 200 и больше». *Анны крест тебе на шею* — орден св. Анны 2-й степени. *Станислав через плечо* — орден св. Станислава 1-й степени. *Ляжет Аннинская лента широко тебе на грудь* — орден св. Анны 1-й степени. *Будь Фемиды обороной И получишь знак иной: С императорской короной, С осьмигранною звездой.* Фемида — в древнегреческой мифологии богиня правосудия. Знак иной — орден св. Андрея Первозванного, высший орден Российской империи. *Вот красная тебе.* Красная — десятирублевая ассигнация.

Мария Египетская. Впервые — П., т. 1, стр. LV. Автографы и списки в ПД. Печ. по полному автографу из архива Аксаковых (ПД), отличающемуся от текста «Писем». В частности, впервые публикуется по нему отрывок II главы со слов «По воле ветра воздымались» до «Но девы царственная власть». В тексте автографа «Песни Марии Египетской» имеются опущенные в основ-

ном тексте настоящего издания строки, свидетельствующие, очевидно, о том, что «Песня» должна была быть по неосуществленному замыслу А. включена в сюжетное движение поэмы, рассказ о ней должен был стать разделом эпического повествования:

После ст. 12:

Глухо в толпе многолюдной раздался
Ропот восторга и страстных похвал...

После ст. 32:

Трепет невольный по жилам промчался,
Каждый с волненьем певице внимал.

В автографе есть также зачеркнутые и исправленные сверху рукой автора строки «Введения»:

Полны божественные книги
Приветным смыслом для меня.
Не то, что цепи и вериги
И казни адского огня
Терпел так смело, добровольно,
Лишь от небес ища наград,
Так подвизался богомольно
Священный мучеников ряд,
Пока всю меру заблуждений
Он с тайным трепетом познал!
И грешник силой благодати,
Своим раскаяньем спасен,
Он стал борцом христовой рати
И был чудесно вознесен...

Окончательный текст см. в настоящем издании. А., очевидно, начал писать поэму еще до отъезда в Калугу, т. е. ранее сентября 1854 г. Во всяком случае в первых же письмах из Калуги он пишет родным и Д. А. Оболенскому о «Марии Египетской» как о работе им известной и временно приостановленной (П., т. 1, стр. 231, 232, 274—275, 296). В середине июня 1846 г. А. возвращается к поэме, пишет новые строфы и «песнь, которую поет спутникам на корабле Мария Египетская» (там же, стр. 345). Затем работа снова отложена, но А. некоторое время еще обдумывает ее продолжение (там же, стр. 362, 384), пока, наконец, у него не возникает желание «отказаться от этого труда, от претензий на христианскую эпопею; для этого надо быть лучшим христианином...» (стр. 388). Позднейшие соображения о поэме — П., т. 3, стр. 411, 427. *Мария Египетская* — православная «святая», жившая якобы в VI в. История ее такова. После посещения священных мест в Иерусалиме блудница, приехавшая из Александрии, раскаялась и удалилась

в пустыню, где жила в одиночестве долгие годы. Источник сведений А. о Марии — жития святых, изложенные в Четьих Минеях, которые не раз упоминаются в его письмах (житие Марии Египетской см. в издании «Великие Минеи Четьи. Апрель. Тетрадь 1» Изд. имп. Археографической комиссии. М., 1910). В житии Марии Египетской, написанном св. Софронием, основной персонаж — благочестивый старец Зосима, еще в младенчестве отданный в монастырь. Зосима повествует о своих встречах с Марией, передает ее краткий покаянный рассказ о прошлом. Впервые Зосима встретился с ней, когда Мария прожила уже 47 лет в пустынном уединении. А. по существу взял из житийного рассказа лишь несколько внешних моментов: то, что Мария родилась в Египте, что она была блудницей не ради корысти, а из пылкой жажды наслаждений; ее желание поехать на корабле в Иерусалим и разговор с путником (IV глава поэмы). Однако вместо бичующего былые грехи и краткого рассказа самой Марии о ее «неудержимой похоти» и «желании петь блудные песни» А. развертывает картину молодости Марии, существенно изменяющую все представление о ней. Никаких соответствий в житии ни у одного из описаний самой Марии, ее танцев, песен, естественно, нет. Тем более не могут их иметь такие детали поэмы, как преследующие Марию монахи, как уступающий ей в споре Гностик. Введение также не имеет никаких источников в житии. Таким образом, поэма А. обрывается как раз там, где начинается житийный рассказ об обращении Марии. Надо полагать, что такое начало оказалось противоречащим самому смыслу жития, прославляющему Марию, удалившуюся от света, а не увлеченно живущую всей полнотой бытия. Может быть, этим и объясняется отказ А. продолжать поэму до тех пор, пока он не станет «лучшим христианином» (см. выше). *А между тем повсюду странник Живому слову поучал.* Речь идет об Иисусе Христе. *Гностик* — так звали Климента Александрийского, одного из знаменитых христианских мыслителей первых веков нашей эры. А. допускает здесь грубый анахронизм, так как Климент умер около 215 г. *Изида* — древнеегипетская богиня.

Зимняя дорога. Впервые — «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». М., 1847 (Приложение). Печ. с исправлениями по спискам ПД и добавлением мест, не пропущенных московской цензурой: 1) слов Ящерина «Скажи, могу ли позабыть» и т. д. до слов Архипова; 2) слов Архипова «...К его страдальческой судьбе, пусть посвятит себя борьбе ему на пользу и свободу!»; 3) разговора с хозяином избы о переводе крестьян в ведение министерства государственных имуществ. То, что эти отрывки не вошли в текст первой публикации именно из-за цензурного запрещения, устанавливается по списку (ПД. Архив Аксаковых. Ф. 3. оп. 1, № 11), снабженному соответствующим указанием. В Сб. 1886 перед двумя заключительными репликами Ивана и ямщика впервые дан следующий текст:

Архипов *(Ящерину)*. Слышал? видел, а?

К стр. 151

Ящерин. Да, брат, видел; ну, что говорить! *(Машет рукой.)* Едем. *(Усаживается.)*

Из письма А. явствует, что этот текст не был пропущен цензором «Московского сборника» (П., т. 1, стр. 379). На стр. 168 ст. 26—28, замененные в Сб. 1886 г. строкой отточия, восстанавливаются по тексту «Писем» и списков. Такая замена совершенно необходима по самому смыслу реплики. Основные варианты по наиболее полному списку, выправленному автором, из собрания А. Ф. Онегина (ПД):

стр. 153 ст. 11 сн.

Мальчишки, игравшие на дороге, с визгом сбегают с нее и смотрят на повозку с безопасных мест.

стр. 155 ст. 7 сн.

Природу и стихи, искусство, — но покуда
Я занят думою одной

стр. 156 ст. 17 сн.

Зовет *пространная* любовь

стр. 159 ст. 4 св.

В странах возвышенных искусства!

стр. 166 ст. после 17 сн.

Сколько даром их страдают
Грех отцов и старины
Сколькими горем выкупают
Невиновные сыны!

стр. 168 ст. 17—18 сн.

Никто холодности не налагал тебе,
Твои напрасны опасенья;
Нет! чувства с жизнию действительной в себе
Стремись достигнуть примиренья!
Но чувства темные, бесплодные всегда
Определенности боятся!

стр. 172 ст. 9—10 св.

Как странно видеть такие человеческие лица
и в этом классе

В этом списке на титульном листе написано: «Посвящается Константину Сергеевичу Аксакову».

Место написания поэмы обозначается по-разному: в первой публикации и некоторых списках — Радонежье, в авторизованном

списке — Абрамцево. Замысел поэмы мог возникнуть у А. еще в начале 1844 г., во время первой большой поездки в глубь России вместе с кн. Родионом Оболенским. Во всяком случае, письмо родным от 8 января 1844 г. содержит в себе описания и размышления, чрезвычайно близкие к сюжету и мыслям будущей поэмы (П., т. 1, стр. 42—44). Закончив поэму, А. поначалу, видимо, хотел напечатать ее отдельным изданием, для чего послал текст поэмы в петербургскую цензуру, считая ее мягче московской (там же, стр. 227). Действительно, в «Московском сборнике» поэма имеет отдельное разрешение петербургского цензора А. Очкина от 19 августа 1846 г., что, однако, не помешало московскому цензору И. Снегиреву, дававшему общее разрешение на сборник, настоять на указанных выше купюрах. «Зимняя дорога» стала известна в литературных кругах еще до ее напечатания. В ноябре 1845 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову из Рима: «Пришлите мне что-нибудь из стихов Ивана Сергеевича. Мне хвалили очень его „Зимнюю дорогу"» (Полн. собр. соч., т. 12. М., 1952, стр. 542). О поэме Гоголю писал Шевырев (Отчет имп. публичной библиотеки за 1893 г. Приложение, стр. 23). В рецензии на «Зимнюю дорогу» (очевидно, на отдельный оттиск из «Московского сборника», 1847 г.) В. Н. Майков в «Отечественных записках» (1847, № 2, стр. 91—92) кратко излагает содержание поэмы, отмечая, что Архипов — «отчаянный славянофил». «...Уж не самого ли себя изобразил автор в лице московского мечтателя», — предполагает В. Н. Майков. *«Норма»* — опера знаменитого итальянского композитора Винченцо Беллини (1802—1835), законченная в 1831 г. *«Дар Валдая гудит уныло под дугой», «Вот мчится тройка удалая»* — слова из стих. Ф. Н. Глинки «Тройка» (1831), ставшего народной песней. *«Вниз по матушке по Волге»* — русская народная песня. Ср. П., т. 4, стр. 106. *Беловский городничий.* Города Белова в России нет. Здесь — Белёв, уездный город б. Тульской губернии. *«Тебе; но голос музы томной»* и т. д. — начальные строки посвящения Пушкина к «Полтаве» (1828 г.). В передаче А. есть неточности. *«Для берегов отчизны дальной»* — первая строка стих. Пушкина 1830 г. *Форейтор* — верховой, правящий передними лошадьми при запряжке цугом (гуськом). *Погребец* — дорожный ларец с чайным или столовым прибором и провизией. — *Что вы, господские? — Нет* и т. д. В 1837 г. было учреждено министерство государственных имуществ. Государственные крестьяне были изъяты из ведения казенных палат и подчинены власти соответствующего многоступенного бюрократического аппарата. Хотя реформа П. Д. Киселева, приведшая, в частности, к созданию нового министерства, имела целью упорядочить хозяйственную жизнь и обязательства государственных крестьян, она не дала существенных результатов. Громоздкий чиновничий аппарат, напротив, содействовал своими хищениями и взяточничеством дальнейшему разорению государственных крестьян. В первые же годы службы А. (1843—1845) северные, восточные, а отчасти и центрально-черноземные губернии были охвачены волнениями сотен тысяч государственных крестьян.

Именно они были в те годы наиболее недовольной и склонной к «бунту» частью крестьянства («Крестьянское движение 1827—1869», вып. 1, 1931, стр. 54—66). А. мог познакомиться с условиями их жизни и настроениями как в Московской, так и в Астраханской и Калужской губерниях. *Миколин* (Николин) *день* — 6 декабря (А. проезжал зимним путем в Астрахань в начале января 1844 г.) *Да уж не на ярманку ли, что в селе Ростове?* Ростов-Великий — уездный город б. Ярославской губернии, в котором проводились знаменитые ярмарки. *Такая народная была,* т. е. многолюдная, популярная. *Через месяц, говорит, по пяти душ с тысячи, набор!* Рекрутские наборы проводились для каждой губернии один раз в два года. Рекрутская повинность носила общинный характер: положенное количество рекрутов выставляло само крестьянское «общество». Срок военной службы в то время — 25 лет.

Бродяга. Впервые — «Московский сборник», т. 1, М., 1852, стр. 383. Здесь напечатаны, как указано в оглавлении, «Отрывки из 1-й части «Бродяги», очерка в стихах». В 1859 г. А. опубликовал в газете «Парус» (№ 2, 10 янв.) отрывки из продолжения поэмы (в наст. издании — «Отрывки из последующих глав»). В посмертном издании «Писем» (т. 2) текст, известный по публикации «Московского сборника», на основании рукописи А. был дополнен следующими строфами:

1) V—VII разделы гл. «Побег»; 2) II раздел гл. «Бурмистр»; 3) в I разделе гл. «Шоссе» 8 строк после слов «Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха»; 4) часть II раздела той же главы (со слов «И горячо и бойко, так что любо» до конца главы); 5) V раздел той же главы. В настоящем издании воспроизводится текст «Писем» с некоторыми стилистическими исправлениями по авторизованному правкой А. списку ПД. Например, на стр. 207 вместо «Сей вечер схоронит» — «Тот вечер в памяти хранят» и т. п. Рукописи «Отрывков из последующих глав» неизвестны, поэтому они полностью печатаются по тексту «Паруса». Заключительные две строки главы «Шоссе» — по хранящемуся в музее «Абрамцево» оттиску из «Московского сборника» с дополнениями рукой А. Приводим важнейшие варианты по спискам ПД, не вошедшие в основной текст настоящего издания.

Гл. «Побег».

Вместо песни «Ивушка, ивушка, зеленая моя» в списке с авторской надписью «Александру Николаевичу Попову» рукой А. вписаны строки: «Вниз по матушке по Волге» и т. д.

Раздел II, после ст. 68:

В толпе ли встретится случайно,
При многолюдной болтовне,
Они, связуемые тайной,
Как будто все наедине!..[1]

---

[1] А. вычеркнул эти строки, «так как они не шли к простоте рассказа и русского крестьянского быта» (П., т. 4, стр. 140).

Раздел IV, ст. 19

Он пел про работу, про злую кручину

22

Про девицу-душу, хозяйскую дочь.

Гл. «Бурмистр».

Раздел IV, ст. 23—24

За молодой купеческою дочкой
Спешит вослед чиновник молодой

79—82

«Макар Фомич! Что, батюшка, нельзя ли
Узнать, как дельце?» — «Ты... поди домой...
Обделано... списали и послали;
Ко мне ступай, я следом за тобой».

Гл. «Шоссе».

Раздел I
после ст. 52

Он работой веселится,
Сила бодрая спора,
Крупен пот с него катится,
И рубаха вся мокра!

после ст. 69

Звенит колокольчик!.. кого-то везут?
Усталые кони лениво бегут;
Скрипит, дребезжит и трясется карета...
Отколь и далеко ль?.. вопрос без ответа!..
Качаясь, в ней дремлют, от жару невмочь,
Старушка и с нею красавица-дочь!..
Должно быть, что дочь!.. хоть и сам я не ведал...
Пойду я за ними, помчуся их следом!..
Да нет, не догонишь!.. Так, шутка моя!..
Сказалася к слову и сбила меня!..

Раздел II, ст. 8

Пройдоха был! Дела с казною вел

11

Со знатными, высокими чинами

К стр. 179

17

Туда большой из немцев наезжал[1]

100

Нездешние. Как раз услышишь тут:

107

Послал господь. Он, доброго десятка,

134—137

А добрый здесь попался мне народ...»
— «Ну, дедушка, куда ты словохот! —
Вскричал Матвей. — Пойдем-ка, брат, к артели!
Никак уж там они обедать сели?»

Раздел III, ст. 26—27

Ты ли устанешь?.. другая пособит!..
Душно ль? спуститесь, не так вдалеке

Раздел IV, после ст. 80

В труде добытой им,
Где сам неволится!..
Стоит Матвей за ним,
Усердней молится

133—136

Не прежнее в нем ныне ум тревожит,
Парашку ль вспомнил он?
Сегодня нет, а завтра, статься может,
Припомнит будто сон!

Раздел V, ст. 14

Стыдом и страхом мог бы сжечь

Замысел поэмы, очевидно, стал складываться у А. во время службы в Астрахани (январь—ноябрь 1844 г.). Астраханская губерния издавна служила местом притока беглых крестьян со всех концов России. А. хорошо знал это и проявлял особый интерес к обстоятельствам жизни беглых в губернии, о чем свидетельствуют, в частности, его письма (П., т. 1, стр. 54, 82 и др.). Однако

[1] Речь идет о П. А. Клейнмихеле. Клейнмихель — главноуправляющий путями сообщения в 40—50-е годы (до 1855 г.), влиятельнейшая административная фигура в николаевское царствование, не брезговал взяточничеством и хищениями.

письма из Астрахани не содержат еще сведений о начале работы над поэмой. Лишь в середине 1846 г., уже из Калуги, А. упоминает о «главном предмете» своей поэтической работы — «повести в стихах», к написанию которой он уже «прикоснулся» (П., т. 1, стр. 345). Без сомнения, речь идет о «Бродяге». Со временем замысел поэмы уточнился: было решено разделить ее на две части. Но писалась она медленно. К середине 1848 г. ряд глав первой части еще не был написан (там же, стр. 454, 457). Более активно А. продолжает работу над «Бродягой» во время служебной поездки по Бессарабии. 27 ноября 1848 г. он пишет родным: «Теперь приступил к самому трудному месту во всей поэме, к описанию барышни с садом. Тут ужасно трудно соблюсти меру и дать понять эту барышню — вовсе не русскую красную девицу — не выходя из общего тона поэмы» (П., т. 2, стр. 50). Первая часть поэмы была наконец закончена 3 декабря 1848 г. (там же, стр. 65). Однако А. продолжал ее совершенствовать и одновременно работал над второй частью. 23 ноября 1849 г. А. писал из Ярославля А. О. Смирновой: «Оцепенение разбилось, и «Бродяга» поплыл своим потоком. Недели с три тому назад, после 10-ти месячного молчания, принялся я снова за стихи. Бог знает, удачно ли. Написал целую главу, в которой изображается кабак во всей своей трагической красоте. Если успею (потому что дела служебные мне много мешают), напишу и вторую главу, которая приводит Алешку в Астрахань. Это будет половина второй части» («Русский архив», 1895, т. III, № 12, стр. 442). С конца 1849 г. А. не прибавил к поэме, по его собственным словам, «ни одной строчки», хотя по письмам видно, что он долго еще не отказывался от планов ее продолжения и сетовал на то, что не выполняет их (П., т. 2, стр. 363 и др.). Переписка А. в конце 1850 г. с министром внутренних дел Л. А. Перовским (там же, стр. 393 и след.), получившим сведения о написанном его подчиненным произведении «предосудительного содержания» «Бродяга» и потребовавшим объяснений, привела к отставке А. В его письмах больше ни разу не заходит речь о продолжении «Бродяги». В истории создания поэмы остается ряд неясных мест. В частности, неизвестно, когда написаны А. те строки и разделы из 1-й части, которые впервые были опубликованы лишь после смерти, в «Письмах». Не знаем мы, где и когда именно писались отрывки из дальнейших глав, напечатанные в «Парусе» и помеченные лишь годом — 1850. Наконец, совершенно неизвестна судьба того «трудного места» первой части, где участвует «барышня» (см. выше). Если судить по сообщению в письмах (т. 2, стр. 74), оно было написано А. Однако ни самим автором, ни после его смерти текст его не публиковался и не обнаружен в рукописных собраниях. О работе над поэмой см. еще там же, стр. 58, 60, 75, 105, 135, 258, 269, 312, 338. Публикация «Бродяги» в «Московском сборнике» вызвала недовольство цензуры. На заседании главного управления цензуры 17 января 1853 г. в поэме увидели «обещания в бродяжничестве приволья и ненаказанности»; указывалось, что «Бродяга» может «неблагоприятно

действовать на читателей низшего класса» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 5, ед. хр. 15006la). III Отделение заинтересовалось поэмой еще в марте 1849 г. Арестованному А. в числе других вопросов был задан и такой: «Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» А. отвечал: «Отчего выбрал я бродягу предметом поэмы? Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей России как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне, как служившему столько лет по уголовной части, хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству русского царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд, — вот герой моей поэмы» (там же, стр. 162—163). Конечно, для А. важна была не добровольная отдача себя героем поэмы в руки суда, а возвращение его в родное село, к земле. Для понимания замыслов окончания поэмы интересен отзыв о ней Гоголя, который приводит С. Т. Аксаков в письме от 17 января 1850 г.: «Вчера прочли Гоголю также и твои письма После твоего отзыва о «Бродяге» он сказал: «от него самого зависит, чтоб «Бродяга» имел не временное и не местное значение. Все подробности, вся природа, одним словом всё, что окружает бродягу, у него сделано превосходно. Если в бродяге будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение. Надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь всё и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери земле. Иван Серг. именно это и хочет сделать и, верно, сделает хорошо» («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1. М.—Л., 1936, стр. 186). Об отношении А. к беглым крестьянам см. также П., т. 2, стр. 35—36. Особое значение придавал А. поискам своеобразных стиховых средств при написании поэмы, своему обращению к «складу русской песни» (там же, стр. 70). Поэма вызвала большой интерес современников еще до ее напечатания. Она многократно читалась самим автором в различных аудиториях, распространялась в списках. Об интересе Гоголя к «Бродяге» и положительных отзывах его о поэме А. писали сестры из Москвы («Литературное наследство», № 58. М., 1952, стр. 706, 708). Восторженно оценивали поэму А. О. Смирнова (Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929, стр. 253), А. С. Хомяков в письме из Москвы к А. Н. Попову от 13 февраля 1849 г.: «Ив. Аксаков начал поэму необыкновенно смелую по замыслу, ибо она взята прямо из простейшего быта, с героями Алешкой да Парашкой, и необыкновенно поэтическую по выражению, если только продолжение будет отвечать началу» (Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1900, стр. 196). «В Ярославле находится теперь поэт Иван Сергеевич Аксаков. Я имела удовольствие слышать его превосходную поэму „Бродяга"», — сообщала в свою

очередь Ю. В. Жадовская в письме от ноября 1849 г., адресованном Ю. Н. Бартеневу (Щукинский сборник, вып. 4. М., 1905, стр. 334). Сам А. в письмах к родным рассказывал о большом интересе к поэме со стороны композитора М. И. Глинки, многих общих знакомых и др. (11., т. 2, стр. 5, 100, 116). Одобрение «Бродяги» не было единодушным. А. приводит в одном из писем отзыв «Александра Строганова, бывшего министра»: «Он заметил, что как-то, однако, нехорошо: будто в России так много бродяг» (там же, стр. 116). С неприязнью отозвалась позднее о поэме А. гр. Е. П. Ростопчина в своей сатире «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году»:

<Он> воспел *Бродягу*,
Ко святым его причел, —
Пусть дает, мол, всякий тягу,
Воцарится произвол!

(«Эпиграмма и сатира», т. 2. М.—Л., 1932, стр. 50—51). После появления поэмы в «Московском сборнике» автор рецензии на него в «Современнике» (1852, № 5) подверг «Бродягу» обстоятельному разбору, отказавшись, однако, от анализа идейного содержания, общественного смысла поэмы. Публикация поэмы А. вызвала также отклик совсем другого рода — пародийное послание Козьмы Пруткова «Родное. Отрывок из письма И. С. Аксакову» (Козьма Прутков. Полн. собр. соч., 1949, стр. 60 и 366—367). Отрывок из «Бродяги» «Приди ты, немощный, приди ты, радостный!» (гл. «Шоссе») положен на музыку Н. А. Соколовым.

Бродяга — в данном случае тот, «кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка). Подобные побеги крестьян были распространенным явлением в крепостнической России. Они вызывались стремлением избавиться от нищеты, тяжелых поборов, помещичьего гнета.

Гл. «Побег». *«Ивушка, ивушка, зеленая моя»* — русская народная семейно-бытовая песня. *И он ходил просить себе паспóрта!* По закону признавался беглым всякий крепостной, отлучившийся из своего села без узаконенного вида (паспорта). Свобода передвижения крестьянина была насильственно и категорически ограничена. *Нет, говорят, ты лишнее тягло.* Тягло — старинное выражение, получившее впоследствии широкий смысл: так называли экономическую обязанность крепостного перед владельцем и самого обязанного. *Забрею лоб, и будешь ты солдат!* У рекрутов подбривали волосы со лба. О рекрутчине см. примечание к поэме «Зимняя дорога».

Гл. «Бурмистр». *Бурмистр* — здесь, очевидно, управляющий помещичьим имением. *За земским шлет он старосту* и т. д. Земский суд находился в уездном городе. В его компетенцию входили попечение об охране порядка в уезде, приведение в исполнение правительственных распоряжений, ведение следствия по менее

важным проступкам и т. д. Земский исправник — председатель земского суда, высшая полицейская власть в уезде. На местах полицейские функции наряду с другими обязанностями выполняли старосты. *Полушка* — медная монета, равная четверти копейки. *Замуж, с мясоедом, Много вас повыйдет!* Мясоед — период, когда по православному церковному уставу разрешена мясная пища, время свадеб. Мясоед бывает дважды в году, осенью и зимой.

Гл. «Шоссе». *Наш голова за что-то осерчал.* См. ниже примечание к словам: «Он служит там, при волостном правленье!» *Елабуга, Дорогобуж и Ливны, Моршанск...* — уездные города Вятской, Смоленской, Орловской и Тамбовской губерний. *Безладицу, напасть им от опек Послал господь.* Дворянские имения находились под опекой в случае несовершеннолетия их владельца, неумеренного его расточительства или совершенных им преступлений и т. д. *И в дождь и в жар баляс не точит.* Точить балясы (простореч.) — говорить пустяки, шутки; пустословить. *Заутра праздник, вещий день Ильи, гремящего пророка* — 20 июля ст. ст. *И стройно клирное Поется пение.* Клир — причт, духовенство.

Гл. «Новый побег». *Он служит там, при волостном правленьи.* Волость — административно-территориальная единица, подразделение уезда. В состав правления обычно входили волостной голова, староста и писарь. *Хватает всех, и будто за межою Чужих станов!* Стан в уезде — полицейский участок, место пребывания станового пристава. *Озям,* азям — крестьянские кафтаны различного вида. В разных местностях слово имеет неодинаковый смысл (см.: В. И. Даль. Толковый словарь, т. 1). *Учуги* — на Волге сплошной частокол, тын поперек реки для улова рыбы, особенно красной, идущей весной вверх по реке. *Куда же ты? — к дунайским берегам...* Среди крестьян особенно часты были побеги в Бессарабию и Молдавию (В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. 2. СПб., 1888, стр. 578—581.) *А близ границ деревня есть, Вилково...* Вилково (или Вилков) — село в Бессарабии, в 120 верстах от Измаила, на Дунае. *Да что таить, и толку я иного!* Т. е. раскольник, старовер.

Отрывки из последующих глав. *Покров* — православный праздник (1 октября ст. ст.). *Пока не нагрянут Егорий с Николой.* День святого Егория (Георгия) — 26 ноября, святого Николая — 6 декабря. *Расшива* — «большое парусное судно на Каспийском море, а плоскодонной постройки и на Волге» (В. И. Даль. Толковый словарь, т. 4). *Мокшан* — крытое речное судно большого размера на реке Мокше Ярославской губернии (левый приток Оки). *Прочтешь слова: «Здесь вечно цеховой».* В России ремесленники согласно закону делились на «коренных», или «вечно цеховых», пользующихся «правом и выгодами мещанства», и на записанных в цех лишь на время. Без записи в цех ремесленники не имели права открывать мастерскую и иметь вывеску. *Штоф* — здесь стеклянная посуда, четырехугольная, с коротким горлышком, вмещающая десятую часть ведра водки. *Кошурка,* т. е. кошка (областное слово).

ШУТКИ, СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

«Шибко едет вниз по Волге...» Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 645. Это и последующие пять стихотворений написаны во время участия А. в ревизии астраханских губернских учреждений. В них упоминаются имена столичных и местных чиновников, купцов, прислуги (см. примечания Ф. А. Бюлера к публикации в «Русской старине»).

«Благовонная сигара...» Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 646.

«В Кутуме плещет шумный вал...» Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 647, без последней строфы, которая печатается здесь впервые по списку ПД. *Кутум* — протекающий в Астрахани рукав Волги.

Утешение. Печ. впервые по списку ПД. *Слова внезапно раздались* и т. д. Речь идет о назначении Бюлера (см. о нем ниже в примечании к стих. «Приглашение») вместе с другими чиновниками в очередную поездку с ревизией по губернии.

Астраханский beau monde. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 650.

Приглашение. Впервые — «Русская старина», 1886, № 12, стр. 652. В латинском тексте грубые грамматические ошибки. *Бюлер* Ф. А., опубликовавший впоследствии некоторые ранние стихотворения А., — соученик его по Училищу правоведения, сослуживец в астраханский период. В. Г. Белинский высоко оценил написанную Бюлером в Астрахани работу «Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы», появившуюся в «Отечественных записках» за 1846 г. (см. «Взгляд на русскую литературу 1846 года» — Полное собрание сочинений, т. X. М., 1956, стр. 48).

В альбом В. А. Х — ой. Впервые — П., т. 1, стр. LXXXVIII, с пометкой «Калуга». Автограф в ПД. К кому обращено стихотворение, не установлено.

Л. И. Арнольди («Не дописав своей тетради...»). Печ. впервые по неполному списку ПД (в конце — «и т. д.»). Очевидно, написано во время пребывания А. в Калуге. Об *Арнольди* см. выше примечание к стих. «Что мне сказать ей в утешенье...».

В альбом невесте брата. Впервые — Сб. 1886, стр. 33. Печ. по автографу в альбоме Софьи Александровны, урожд. Шишковой, жены родного брата А. Григория Сергеевича (музей «Абрам-

цево»). Пометка «Москва». В автографе ПД рукой А. приписано: «Скажу по совести, жена его не оправдала этих стихов».

N.N.N — ой при получении от нее рукоделия. Впервые — П., т. 1, стр. LXXXVIII. Автограф — в ПД. Дата по автографу. Возможный адресат — А. П. Елагина (см. о ней выше в примечании к стих. «А. П. Елагиной») или кто-либо из женщин — членов ее семьи, живших в имении недалеко от Калуги. А. посещал их и писал родным об их увлечении рукоделием (П., т. 1, стр. 396, 397).

Гр. В. А. Соллогубу. Впервые — П., т. 1, стр. XCVIII. Печ. по автографу ПД. Написано во время лечения А. на Сергиевских серных водах Оренбургской губ., где его посещал Соллогуб, живший в своем имении неподалеку (см. П., т. 1, стр. 455—456). *Соллогуб* Владимир Александрович (1814—1882) — писатель. *А драма-то?.. влиянья польского И нравов до Петра Списать картину верную.* Имеется в виду драма Соллогуба «Местничество», опубликованная в 1849 г. Об отношении А. к ней см. П., т. 1, стр. 456—457. Соллогубу принадлежит стихотворное послание «И. Г. <?> Аксакову», оспаривающее националистические взгляды А. (Сочинения, т. 4, СПб., 1856, стр. 570).

В альбом С. Н. Х — вой. Впервые — «Русский вестник», 1899, № 8, стр. 404. К кому обращено стихотворение — не установлено.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис* И. С. Аксаков в молодости. Рисунок неизвестного художника. Музей ПД.

2. *Стр. 51.* Страница автографа стихотворения «Среди удобных и ленивых...». Рукописный отдел ПД.

3. *Между стр. 96 и 97.* И. С. Аксаков в 1848 г. Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова. Государственная Третьяковская галерея.

4. *Между стр. 112 и 113.* И. С. Аксаков (1860-е гг.). Фотография. Музей ПД.

5. *Стр. 199.* Страница «Московского сборника» с дополнениями Аксакова. Музей АН СССР «Абрамцево».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[1]

[1] В заглавиях, представляющих собой имя адресата, инициалы ставятся в указателе после фамилий.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПОЭМЫ

ШУТКИ, СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Аксаков Иван Сергеевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *И. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 29/VII 1960 г. Подписано в печать 1/XI 1960 г. М-43147 Бумага 84 × 108 1/32. Печ. л. 9 9/16 (15,68) Уч.-изд. л. 15,26 Тираж 10 000 Зак. № 1189 Цена 6 р. 35 к. С 1/I 1961 г.—64 к.

Ленинградское отделение издательства
„Советский писатель"
Ленинград, Невский пр., 28

Типография имени Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
149	2 св.	Гам	Там
270	2 сн.	кг. 5	кн. 5
281	1 св.	К стр. 15	К стр. 151

Зак. № 1189. Иван Аксаков